

ВЕСТНИК ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2308-8117

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

3 (14) 2016

Учредитель: АНО ВО «Гуманитарный университет»
(г. Екатеринбург)

Адрес редакции: 620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207.
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Выходит 4 раза в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре).
Свидетельство ПИ № ФС77-62469 от 27 июля 2015 г.

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

Главный редактор

д-р филос. наук, проф. Л. А. Закс

Редакционная коллегия

д-р филос. наук, проф. Л. А. Мясникова
(заместитель главного редактора)
д-р юрид. наук, профессор С. И. Архипов
канд. филос. наук, доцент С. Д. Балмаева
д-р филол. наук, проф. И. Н. Борисова
д-р филос. наук, доцент Г. А. Брандт
д-р полит. наук, доцент С. И. Глушкова
канд. филос. наук, доцент А. В. Дроздова
канд. техн. наук, доцент А. А. Мецгер
д-р экон. наук, доцент С. А. Мицек
д-р экон. наук, доцент Е. Б. Мицек
д-р юрид. наук, профессор З. А. Незнамова
канд. социол. наук С. А. Рамзина
канд. пед. наук Л. В. Росновская
д-р юрид. наук А. П. Семитко
д-р юрид. наук, проф. М. Н. Семякин
д-р экон. наук, доцент Н. В. Хмелькова
д-р пед. наук, доцент Г. А. Ямалетдинова

Редакционный совет

д-р ист. наук, проф., академик РАН В. В. Алексеев
проф. Ив Аман (Франция)
канд. филос. наук, доцент Г. В. Болдыгин
канд. филос. наук, доцент Г. Э. Бурбулис (Москва)
академик РАН, проф. С. В. Голынец
д-р филос. наук, проф. Г. Е. Зборовский
Э. Киселева–Кастельс, Ph. D (Испания)
проф. Ма Цзяньшэ (Гуаньчжоу, КНР)
д-р экон. наук В. И. Маршев (Москва)
д-р политологии Ж.-Р. Равьо (Франция)
д-р юрид. наук, проф., член-корреспондент РАН В. Н. Руденко
д-р филос. наук, проф. А. М. Руткевич (Москва)
д-р юрид. наук, проф. С. А. Степанов
д-р физ.-мат. наук А. М. Тарасьев

**THE REVIEW
OF THE LIBERAL ARTS
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

3 (14) 2016

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)

Frequency: 4 times a year

Publisher: Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

Editorial address: 620041, Ekaterinburg,
3, Zheleznodorozhnikov st., office 207
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Editor-in-Chief

Doctor of Philosophical Sciences, Prof. L. A. Zaks

The editorial board:

Doctor of Philosophical Sciences, Prof. L. A. Myasnikova
(*Deputy Editor-in-Chief*)

Doctor of Law S. I. Arkhipov

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. S. D. Balmayeva

Doctor of Philological Sciences, Prof. I. N. Borisova

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. A. Brandt

Doctor of Political Sciences, Associate Prof. S. I. Glushkova

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. A. V. Drozdova

Candidate of Engineering, Associate Prof. A. A. Metzger

Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. S. A. Mitsek

Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. E. B. Mitsek

Doctor of Law Sciences Z. A. Neznamova

Candidate of Sociological Sciences S. A. Ramzina

Candidate of Pedagogical Sciences L. V. Rosnovskaya

Doctor of Legal Sciences A. P. Semitko

Doctor of Legal Sciences, Prof. M. N. Semyakin

Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. N. V. Khmelkova

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Prof. G. A. Yamaletdinova

The editorial Council

Doctor of Historical Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences
V. V. Alekseev

Prof. Ives Hamant (France)

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. V. Boldygin

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. E. Burbulis (Moscow)

Member of the Russian Academy of Arts, Prof. S. V. Golynets

Doctor of Philosophical Sciences, Prof. G. Y. Zborovskiy

E. Kiseleva–Castells, Ph. D (Spain)

Prof. Ma Jianshe (Guangzhou, China)

Doctor of Economics V. I. Marshev (Moscow)

Doctor of Political Science J.-R. Ravier (France)

Doctor of Legal Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences

V. N. Rudenko

Doctor of Philosophical Sciences, Prof. A. M. Rutkevich (Moscow)

Doctor of Law, Prof. S. A. Stepanov

Doctor of Physical and Mathematical Sciences A. M. Taras'ev

Содержание

Экономика	7
<i>Патраков Н. А., Хмелькова Н. В.</i> Проблемы мобилизационной подготовки экономики в условиях современного этапа социально-экономического развития России	8
<i>Ходенева Е. А., Плотников П. П.</i> Оптимизация управления запасами производственного предприятия	13
<i>Савина Н. В.</i> Влияние социально-экономической ситуации на национальный и региональный туристский рынок	18
Юриспруденция	27
<i>Иошина С. М.</i> Деятельность избирательных комиссий по защите избирательных прав граждан в Российской Федерации	28
<i>Криеф-Семитко Е. П.</i> Простое усыновление совершеннолетних, находящихся под защитой, с точки зрения Конвенции о защите прав человека и основных свобод	40
<i>Михайленко И. А., Теплякова О. А.</i> Конституционно-правовые механизмы защиты прав несовершеннолетних граждан Российской Федерации, воспитываемых за рубежом	52
Философия	57
<i>Глушкова С. И.</i> К вопросу об основных концептуальных подходах к разработке национальной идеи в России	58
<i>Быстров Н. Л.</i> К вопросу о религиозно-философском контексте софиологической символики в поэзии Вяч. Иванова: иудаистические параллели	64
<i>Остапенко Н. Н., Ситяева Л. П.</i> Философия новаций профессионального образования: «симпсоны» или целостная личность?	82
<i>Коротков В. О.</i> Современные проблемы как основание для трансформации философии иезуитов	88
<i>Батюта Е. А., Белоусова Е. В.</i> Потребление чудесного	95
<i>Минина О. Ю.</i> Туризм: от городской субкультуры к «трансубкультуре»	100
<i>Антонова И. А.</i> Человек и среда: как вернуть гармонию	115
Научные события	121
<i>Глушкова С. И., Огоновская И. С.</i> Общечеловеческие ценности и проблема прав человека в отечественном кинематографе (итоги межрегиональной конференции)	122
Рецензии	129
<i>Глушкова С. И.</i> Рецензия на монографию Е. М. Павленко «Образование в области прав человека как основа формирования правовой культуры и культуры прав человека в Российской Федерации»	130
Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»	135

Contents

Economics	7
<i>Patrakov N. A., Khmelkova N. V.</i> Problems of Mobilization Preparation of the Economy at the Current Stage of Socio-Economic Development of Russia	8
<i>Khodeneva E. A., Plotnikov P. P.</i> Optimization of Production Company's Stockpile Management	13
<i>Savina N. V.</i> The Impact of the Socio-Economic Situation on National and Regional Tourist Market	18
Law	27
<i>Ioshina S. M.</i> The Work of Electoral Commissions to Protect the Citizens' Electoral Rights in Russian Federation	28
<i>Krief-Semitko E. P.</i> A Simple Adoption of the Adults under Protection in Terms of the Convention on Human Rights and Fundamental Freedoms	40
<i>Mikhailenko I. A., Teplyakova O. A.</i> Constitutional and Legal Mechanisms to Protect the Rights of Russian Minors Raising Abroad	52
Philosophy	57
<i>Glushkova S. I.</i> On Basic Conceptual Approaches to Russian National Idea Development	58
<i>Bystrov N. L.</i> To the Issue of Religious and Philosophical Context of Sofiological Symbolism in V. Ivanov's Poetry: Judaic Parallels	64
<i>Ostapenko N. N., Sityaeva L. P.</i> The Philosophy of Vocational Training Innovations: «the Simpsons» or the Integrated Personality?	82
<i>Korotkov V. O.</i> Challenges of the Modern Era as a Background for Jesuit Philosophy Transformation	88
<i>Batyuta Y. A., Belousova E. V.</i> The Consumption of Wonders	95
<i>Minina O. Yu.</i> Tourism: From the Urban Subculture to «Transsubkulture»	100
<i>Antonova I. A.</i> Man and Environment: Return to the Harmony	115
Scientific Events	121
<i>Glushkova S. I., Ogonovskaya I. S.,</i> Universal Values and Human Rights Issues in Russian Cinematography (the Interregional Conference Review)	122
Book Review	129
<i>Glushkova S. I.</i> The Review of E. M. Pavlenko Monograph «The Human Rights Education as the Grounds for the Legal Culture and the Human Rights Culture in the Russian Federation»	130
Submission Requirements for «LAU Vestnik» authors	135

Авторам и читателям!

Уважаемые читатели и авторы журнала «Вестник Гуманитарного университета», просим Вас обратить внимание на изменение научных направлений журнала.

В соответствии с требованиями к вносимым в список рецензируемых изданий, рекомендованных ВАК РФ, учредителями Гуманитарного университета и редакционной коллегией принято решение оставить три основные научные специальности: экономические науки, юридические науки, философские науки.

Просим Вас обратить внимание на требования к публикуемым материалам.

С уважением,
главный редактор,
д-р филос. наук, проф. Л. А. Зак

|| ЭКОНОМИКА

Проблемы мобилизационной подготовки экономики в условиях современного этапа социально-экономического развития России

В статье, с учетом специфики современного этапа социально-экономического развития России, определяемого как кризис, вызванный сложным комплексом внутренних и внешних факторов, рассмотрены проблемы мобилизационной подготовки экономики. Отдельно акцентирован аспект воинского учета и бронирования граждан.

Ключевые слова: экономический кризис; новая нормальность; мобилизационная подготовка; воинский учет.

Мировая экономика вступила в период высокой турбулентности. Логика протекания социально-экономических процессов в современных условиях больше не поддается прогнозированию привычными методами даже в среднесрочной перспективе. Закономерным результатом глобальных кризисов последнего десятилетия стало формирование потребности в новой модели экономического роста, адекватной условиям формирующейся экономической реальности, для обозначения которой сегодня принято использовать термин «новая нормальность». Получивший широкую популярность на фоне мирового финансового кризиса 2008–2009 годов, данный термин применяется для описания принципиально иной фазы в развитии мировой экономики. По мнению министра экономического развития РФ А. В. Улюкаева, он характеризуется снижением темпов мирового экономического роста, высокой волатильностью на всех товарных и денежных рынках и снижением эффективности традиционной фискальной и денежно-кредитной политики государства [1]. В этих условиях многие аксиомы экономической теории и практики требуют серьезной ревизии.

Россия, являющаяся неотъемлемой частью современного мира, в полной мере испытывает на себе негативное давление глобальных вызовов. Как отмечает в своей статье «Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики» Председатель правительства РФ Д. А. Медведев, факторы и обстоятельства экономического кризиса влияют на Россию и во многом определяют характер действий руководства страны в экономической и социальной областях. При этом подчеркивается, что Россия столкнулась с переплетением нескольких кризисов внешнего и внутреннего происхождения. Особое внимание, по мнению премьер-министра, стоит уделять фактору политической нестабильности, выражающейся в увеличении числа политических конфликтов в различных регионах мира. Поэтому важнейшей особенностью современного этапа развития (и современного кризиса) становится политизация экономической жизни [2, с. 6–7].

Социально-экономическая повестка определяет приоритеты экономической политики российского правительства на ближайшую перспективу. В качестве одного из направлений декларируется необходимость повышения качества государственного управления, отмечается, что «при всей важности решений в области

* **Никита Анатольевич Патраков**, 2-й курс, АНО ВО «Гуманитарный университет»; начальник отделения (предназначения, подготовки и учета солдат, сержантов и прапорщиков (мичманов) запаса) отдела планирования, предназначения, подготовки и учета мобилизационных ресурсов, военный комиссариат Свердловской области (г. Екатеринбург).

** **Наталья Владимировна Хмелькова**, д-р экон. наук, доцент, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

экономической политики она не даст ожидаемых результатов, если государственные институты не будут работать эффективно» [2, с. 24–25].

Важной проблемой, актуализирующейся в условиях отмеченных выше особенностей современного этапа социально-экономического развития России, является совершенствование системы национальной безопасности, в частности мобилизационной подготовки. Требования к ее функционированию сформулированы рядом документов: Стратегией национальной безопасности, утвержденной Указом Президента от 31 декабря 2015 года № 683, военной доктриной Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 года № Пр-2976 и Федеральным законом от 26 февраля 1997 года № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации».

В соответствии с п. 33 Стратегии национальной безопасности важнейшими направлениями совершенствования мобилизационной подготовки являются подготовка экономики Российской Федерации, экономики субъектов Российской Федерации, экономики муниципальных образований, подготовка органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов к выполнению задач в соответствии с их предназначением и удовлетворению потребностей государства и нужд населения в военное время.

В соответствии с п. 42 Военной доктрины определены основные задачи мобилизационной подготовки, среди которых:

- обеспечение устойчивого государственного управления в военное время;
- создание специальных формирований, предназначенных при объявлении мобилизации для передачи в Вооруженные Силы или использования в интересах экономики Российской Федерации;
- обеспечение дополнительными людскими и материально-техническими ресурсами Вооруженных Сил, других войск и органов, отраслей экономики для решения задач в условиях военного времени.

Также Федеральным законом № 31-ФЗ определено содержание мобилизационной подготовки, предполагающей:

- проведение мероприятий по переводу органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций на работу в условиях военного времени;
- организацию воинского учета в органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях¹;
- создание запаса Вооруженных Сил Российской Федерации, запаса Службы внешней разведки Российской Федерации, запаса Федеральной службы безопасности Российской Федерации;
- бронирование на период мобилизации и на военное время граждан, пребывающих в запасе Вооруженных Сил Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, имеющих запас, и работающих в органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях.

Финансирование вопросов мобилизационной подготовки осуществляется за счет средств федерального бюджета, бюджетных средств субъектов Российской Федерации, бюджетных средств органов местного самоуправления и средств организаций. В бюджете РФ на 2016 год по статье «Мобилизационная и вневойско-

¹ Порядок воинского учета граждан, в том числе первичного воинского учета, определен Федеральным законом от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», Положением о воинском учете, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2006 года № 719 и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности.

вая подготовка» заложено финансирование в размере более 5 млрд руб.² При этом отметим, что в действительности, поскольку в государственном бюджете военные расходы находятся в необособленном состоянии, определить их точную величину представляется затруднительным. В частности, как отмечает профессор Д. Л. Комягин, средства на мобилизационную подготовку экономики предусмотрены практически всем главным распорядителям бюджетных средств [3].

Как было отмечено ранее, одной из ключевых составляющих мобилизационной подготовки является организация воинского учета граждан. В связи с этим особо выделим Постановление Правительства Российской Федерации от 6 августа 2015 года № 813 «Об утверждении положения о государственной системе миграционного и регистрационного учета, а также изготовления, оформления и контроля обращения документов, удостоверяющих личность» (далее – система «МИР»).

Данный проект реализуется в рамках государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)», осуществляемой в соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1662-р, Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 7 февраля 2008 года № Пр-212, Стратегией инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 года № 2227-р, а также Стратегией развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2013 года № 2036-р.

К числу задач данной системы, принципиально важных с точки зрения обеспечения функционирования системы воинского учета, мы относим:

- обеспечение национальной безопасности Российской Федерации и общественной безопасности путем совершенствования миграционного и регистрационного учета, а также контроля обращения документов, удостоверяющих личность;
- обеспечение изготовления, оформления, выдачи и контроля обращения документов, удостоверяющих личность;
- повышение степени защиты документов, удостоверяющих личность, от подделки за счет применения современных методов и средств защиты.

В данном постановлении также определены конкретные функции по реализации данного проекта, закрепленные за ведомственными сегментами федеральных органов исполнительной власти.

Учитывая все вышесказанное, с учетом перехода органов государственной власти к электронному документообороту, мы можем говорить об обеспечении эффективного расходования и оптимизации средств федерального бюджета, бюджетных средств субъектов Российской Федерации, бюджетных средств органов местного самоуправления на основе использования информационно-коммуникационных технологий для исполнения государственных функций.

Несмотря на то что внедрение системы «МИР» в целом благоприятно скажется на регистрационном и миграционном учете, мы полагаем, что по ряду причин ее использование не позволит существенно повлиять на организацию воинского учета и бронирования граждан, пребывающих в запасе в органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях. Среди основных недостатков системы стоит отметить следующее:

² О федеральном бюджете на 2016 год : федеральный закон [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2015/12/15/budjet-site-dok.html>

- ведомственный сегмент Министерства обороны Российской Федерации не предусматривает автоматизированного сбора, хранения, обработки и передачи информации, собираемой при проведении персонального учета граждан, пребывающих в запасе;

- не предусмотрен информационный обмен между федеральными органами исполнительной власти (их территориальными органами), органами государственной власти, органами местного самоуправления и организациями в целях внесения (уточнения) сведений в документы воинского учета;

- участие федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций, не являющихся участниками информационного обмена, предусмотрено в добровольном порядке.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что данная система нуждается в дальнейшем совершенствовании в направлении учета требования Стратегии национальной безопасности, Федерального закона «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» и Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе».

Направлением совершенствования является внесение изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 6 августа 2015 года № 813 в части дополнения функций ведомственных сегментов, позволяющих нормативно закрепить использование системы межведомственного взаимодействия (СМЭВ) и единой сети передачи данных (ЕСПД) органов власти для передачи сведений воинского учета при осуществлении мероприятий регистрационного и миграционного учета, предусмотренных системой «МИР». Внесение обозначенных изменений позволит обеспечить взаимосогласованность государственных информационных ресурсов, используемых в различных государственных органах. Внедрение подобных изменений в систему для передачи сведений воинского учета потребует внесения соответствующих изменений в программное обеспечение, используемое для персонального учета граждан, пребывающих в запасе.

В заключение отметим, что в ближайшей перспективе Россия будет сталкиваться с серьезными вызовами, обусловленными ростом глобальной конкуренции и усилением геополитической нестабильности. В этих условиях одним из важнейших приоритетов государства станет безопасность [2, с. 29]. В связи с этим комплекс проблем, связанных с подготовкой экономики страны к эффективному выполнению задач в военное время, требует особого внимания со стороны государственных институтов. Направлениями развития могут стать как совершенствование законодательства, так и формирование действенных инструментов его реализации, в том числе с использованием современных информационно-коммуникационных технологий и при опоре на реализацию приоритетных проектов.

Литература

1. Мау В. А., Улюкаев А. В. Глобальный кризис и вызовы экономической политики современной России. – М. : ИД «Дело» РАНХиГС, 2015. – 64 с.
2. Медведев Д. Социально-экономическое развитие России // Вопросы экономики. – 2016. – № 10. – С. 5–30.
3. Комягин Д. Л. Военный бюджет (расходы на оборону) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/157312049>

Nikita Anatol'evich Patrakov,

Student, Liberal Arts University – University for Humanities;
Head of department (purpose, preparation and registration of soldiers,
sergeants and warrant officers (midshipmen) stock) planning department, mission,
training and mobilization and accounting resources, the Military Commissariat
of the Sverdlovsk region (Ekaterinburg)

Natal'ya Vladimirovna Khmelkova,

Doctor of Economics, Associate Professor,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

**Problems of Mobilization Preparation of the Economy
at the Current Stage of Socio-Economic Development of Russia**

This article considers the problems of mobilization preparation of economy. The specificity of the current stage of socio-economic development of Russia, defined as the crisis, caused by a complex set of internal and external factors is taken into account. The greater attention is paid to the aspect of military registration and reservation of citizens.

Key words: economic crisis; new normality; mobilization preparation; military registration.

Оптимизация управления запасами производственного предприятия

В статье рассматривается оптимизация процесса управления запасами. Актуальность проблемы оптимизации процессов организации и управления запасами на предприятии обусловлена тем, что состояние запасов оказывает определяющее влияние на конкурентоспособность предприятия, его материальное состояние и финансовые результаты. Также в работе рассмотрены виды запасов, существующих на предприятии.

Ключевые слова: запасы; управление запасами; оптимизация процессов; бизнес-процессы; эвристические методы.

Актуальность выбранной темы исследования заключается в том, что оптимизация процесса управления запасами производственного предприятия позволяет реализовать его бесперебойную деятельность, снижать затраты на использование материальных и трудовых ресурсов и обеспечивать сроки исполнения заказов на производство продукции. При этом основной задачей управления запасами является вложение оборотных средств в соответствующие бизнес-процессы таким образом, чтобы обеспечить максимизацию прибыли предприятия.

Управление запасами на производственном предприятии требует не только развитой системы информационного обеспечения при принятии решений, наличия грамотных и опытных специалистов, но и соответствующей корпоративной политики. Необходимо также учитывать, что ассортимент продукции, перечень производственных запасов и запасов готовой продукции на каждом предприятии уникален, поэтому каждому предприятию соответствует своя система управления запасами, которая учитывает специфику его функционирования.

Управление запасами – сложный процесс, который позволяет выявлять потребности производства в определенных ресурсах (материальных, финансовых, трудовых), конкретного их объема для технологического цикла с целью обеспечения заданного производственного ритма и выпуска продукции высокого качества при наименьших издержках. Если на предприятии отсутствует эффективная система управления запасами, то это влечет многочисленные негативные последствия: простои производства, убытки при реализации продукции, нарушение исполнения договорных обязательств или наоборот – замораживание оборотных средств в неликвидных запасах.

Отметим, что создание запасов на предприятии связано с дополнительными финансовыми расходами. В частности, происходит «омертвление» части финансовых средств, возрастают расходы на содержание складов, постоянный риск порчи материальных запасов, невозможность реализации просроченного товара и т. п. В то же время отсутствие необходимого объема запасов на предприятии влечет за собой потери от простоя производства, упущенную выгоду из-за отсутствия товара на складе в момент возникновения повышенного спроса, потерю потенциальных покупателей и др.

Таким образом, актуальность проблемы оптимизации процессов организации и управления запасами на предприятии обусловлена тем, что состояние запасов

* Елена Алексеевна Ходенева, аспирант АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

** Павел Павлович Плотников, студент ФГБОУ ВО Уральский государственный горный университет (г. Екатеринбург).

оказывает определяющее влияние на конкурентоспособность предприятия, его материальное состояние и финансовые результаты.

Запасы на предприятии существуют в нескольких видах [1], которые изображены на следующем рисунке.

Основные задачи, которые необходимо решать в процессе управления запасами:

- 1) расчет нормы запаса, т. е. размера запаса, требуемого для технологических циклов предприятия;
- 2) контроль за размером существующего запаса и его пополнение согласно установленным нормам.

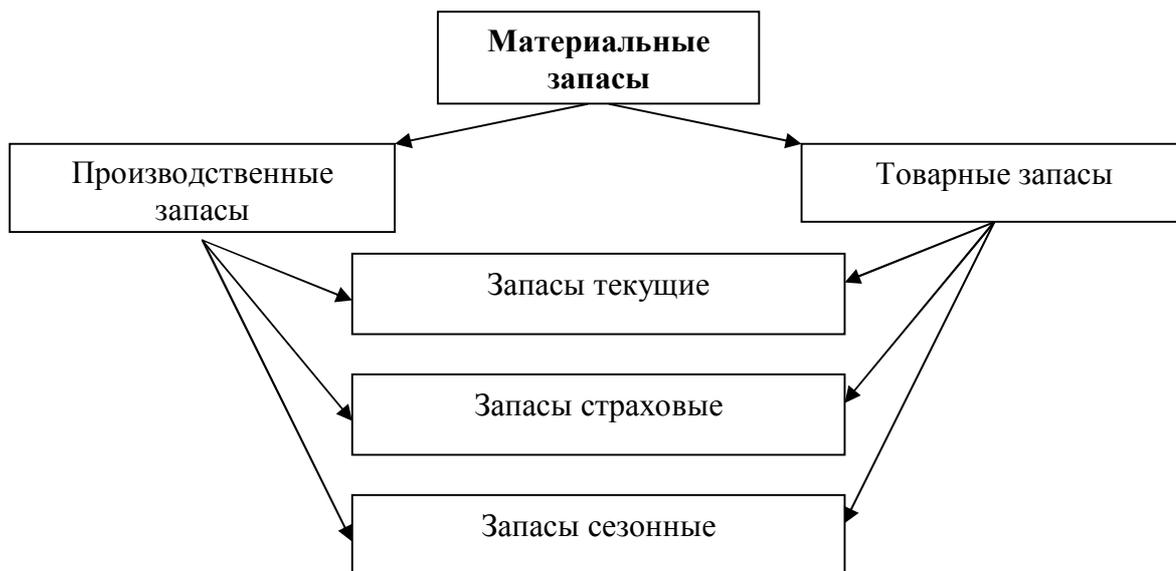

Рис. Основные виды материальных запасов

Последовательность бизнес-процессов, которые реализуются системой управления запасами, такова:

- 1) анализ состояния запасов в предыдущих периодах на предприятии. На данном этапе следует уделить внимание обеспеченности запасами производственного цикла предприятия и оценке эффективности их использования;

- 2) формулирование целей создания запасов, в которые будет включаться обеспечение производственной деятельности и деятельности в области сбыта в настоящий момент, а также создание сезонных запасов;

- 3) оптимизация размеров основных групп текущих запасов и управление затратами на их хранение и использование.

Рассмотрим практическую методику реализации процесса оптимизации управления товарными запасами предприятия [5].

На этапе анализа состояния запасов производится строгий учет товаров, определяются их группы и оценивается уровень их реализации в течение определенного периода времени. Этот этап является наиболее важным.

Существуют различные системы учета товаров, которые используются в зависимости от размеров и сложности управления запасами на предприятии.

Наиболее популярный тип учета – применение красной линии, т. е. того уровня, ниже которого не должно опускаться количество товарных запасов. Очень удобно, если при этом заказ производится автоматически при помощи специализированной компьютерной системы.

Второй тип учета основан на использовании двухсекторной стратегии для рабочего и резервного секторов. Здесь сигналом к приобретению товара является исчерпание запасов в рабочем секторе. После этого он заполняется резервным то-

варом, что служит сигналом к размещению заказа на новый товар. Эта стратегия помогает точнее определить оптимальный объем закупаемого товара.

Наиболее точным является учет товара на основе ABC-анализа. Для этого товары разбиваются на категории по популярности. При этом очень удобно использовать правило, которое гласит, что 20 % ассортимента дают 80 % от выручки. Разбив товар на группы, можно автоматизировать процесс его поступления на склад, точно спрогнозировав необходимый объем.

Необходимо отметить, что использование системы оптимизации управления запасами оправдывает себя только при наличии на предприятии средств контроля за ее реализацией. Для этого на предприятии вводят дополнительные штатные единицы сотрудников, которые управляют товарными запасами. Более дешевое и, в ряде случаев, более эффективное решение этой проблемы – внедрение на предприятии автоматизированной компьютерной системы, которая после выбора критериев оптимизации управления запасами способна в автономном режиме генерировать заказы на материальные запасы, корректируемые менеджером по закупкам [5].

Известно, что при эффективном управлении запасами можно добиться следующих результатов:

- 1) снижения производственных потерь по причине недостатка в запасах;
- 2) ускорения оборота финансовых и материальных ресурсов;
- 3) максимального уменьшения излишков товарно-материальных запасов (ТМЗ);
- 4) снижения затрат предприятия на хранение ТМЗ;
- 5) уменьшения потерь от порчи и старения запасов;
- 6) оптимизации налогообложения.

Напомним, что норма запаса – это минимальное количество материальных ресурсов, которое должно находиться в границах логистической системы для обеспечения ритмичной и бесперебойной работы по производству и реализации продукции [3].

Для определения нормы запасов выделяют следующие две основные группы методов.

1. **Эвристические методы**, использующие знания и опыт специалистов, которые изучают отчетную информацию о деятельности предприятия за предыдущие периоды, анализируют условия и потребности рынка и принимают решение о формировании минимального объема запасов, необходимых предприятию, которое основано на их субъективном понимании тенденций развития спроса.

2. **Экономико-математические методы**. Среди этих методов выделяют *стохастические модели и методы*, в которых используется информация о вероятностных характеристиках параметров бизнес-процессов, и *детерминированные модели и методы*, оперирующие с априори заданными детерминированными условиями и ограничениями на параметры рассматриваемой системы.

С использованием этих методов на производственном предприятии можно достичь решения следующих задач, касающихся товарно-материальных запасов (ТМЗ):

- 1) *оценивания необходимых данных* о деятельности предприятия в текущий момент времени;
- 2) *прогнозирования* потребности предприятия в ТМЗ;
- 3) *оптимизации стратегического управления* ТМЗ.
- 4) *оптимизации оперативного управления* ТМЗ.

В данной работе для решения этих задач предлагается использовать методы сетевого планирования и управления [2–4], которые относятся к классу инструментария детерминированного экономико-математического моделирования.

В рамках этого метода выделяется последовательность всех работ (операций), связанных с процессами формирования ТМЗ, и оценивается длительность их реализации и стоимость. На основании полученных данных формируются соответствующая им сетевая модель [2–4] и критерии качества, оценивающие реализацию процессов, связанных с ТМЗ на предприятии, а также цели, достижение которых желательно для субъектов управления рассматриваемыми процессами. Построенная сетевая модель служит основой для решения задач оптимизации стратегического и оперативного управления ТМЗ на предприятии.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что ТМЗ являются одним из основных элементов управления производственным предприятием и от эффективности управления ими зависят основные результаты деятельности предприятия – показатели прибыли, рентабельности и товарооборота. Основной задачей управления ТМЗ является нахождение оптимального решения по объему и срокам наличия запасов, удовлетворяющих потребности предприятия и рынка в текущий момент времени, а также минимизация затрат на хранение ТМЗ. При этом оптимизация управления ТМЗ включает в себя эффективное решение задач планирования производства, оперативного учета и контроля.

В заключение отметим, что основное преимущество предлагаемой в данной работе методики сетевого экономико-математического моделирования для оптимизации стратегического и оперативного управления ТМЗ перед традиционными методами состоит в том, что она позволяет оптимизировать управление рассматриваемыми процессами в рамках детерминированного экономико-математического моделирования на основе выбранных критериев качества. Данная методика служит основой для разработки информационной системы поддержки принятия решения для решения задач оптимизации управления ТМЗ.

Литература

1. Гаджинский А. М. Логистика. – М. : ИТК Дашков и К, 2010. – 484 с.
2. Таха Хемди А. Введение в исследование операций : пер. с англ. – 7-е изд. – М. : ИД «Вильямс», 2005. – 912 с.
3. Шориков А. Ф., Буценко Е. В. Построение сетевой экономико-математической модели для реализации процесса оптимизации инвестиционного проектирования // Прикладная информатика. – 2015. – Т. 10, № 2 (56). – С. 80–91.
4. Шориков А. Ф., Буценко Е. В. Методика оптимизации инвестиционного проектирования на основе сетевого моделирования и ее приложения // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» = Perm University Herald. Economy. – 2015. – № 4 (27). – С. 62–70.
5. Ходенева Е. А. Вопросы совершенствования и оптимизации управления запасами коммерческого предприятия // Новые голоса в науке: идеи и проекты-2016 : сборник материалов XI Межвузовского конкурса научно-практических работ студентов, магистрантов, аспирантов. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – С. 144–148.

Elena Alekseevna Khodeneva,

Post-graduate Student,

Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Pavel Pavlovich Plotnikov,

Student, the Urals Mining University (Ekaterinburg)

Optimization of Production Company's Stockpile Management

The article considers the process of stockpile management optimization. The state of stocks influences the competitiveness of a production company, its material support and financial results and these facts determine the importance of optimization of stockpile organization and management processes. The article analyzes the types of stocks of a production company as well.

Ключевые слова: stocks; stockpile management; process optimization; business-processes; heuristic methods.

Влияние социально-экономической ситуации на национальный и региональный туристский рынок

В статье рассматривается влияние социально-экономической ситуации в российской экономике на национальный и региональный туристский рынок

Ключевые слова: туристский рынок; тенденции развития; социально-экономическая ситуация.

Взаимное влияние туристской индустрии и общей социально-экономической ситуации в последние десятилетия достаточно очевидно. Туристический бизнес вносит все больший вклад в формирование мирового ВВП и в то же время в отдельных странах и регионах в значительной степени зависит от любых сколь-нибудь существенных макроэкономических колебаний. В частности, туристская индустрия многих стран и связанные с ней отрасли экономики ощутили негативные последствия из-за уменьшения покупательной способности российских туристов. Количество российских бронирований в Паттайе на новогодние каникулы 2015 г. упало на 70 %, на столько же уменьшилось количество российских туристов, посещающих Израиль с однодневной экскурсионной поездкой из Египта и Турции; из-за снижения потока российских туристов на 30 % сократились обороты брендовых магазинов в Австрии и т. д. [9]. Данная тенденция продолжилась в 2015 г. Снижение цен в летний период по сравнению с предыдущим годом составило в Черногории (-40 %), Болгарии (-34,8 %), Греции (-30 %) и т. п. [8]. Несмотря на общую устойчивость мирового рынка туризма, многочисленные проблемы в различных регионах приведут к снижению прогнозируемых в начале 2015 года темпов роста, которые, по предварительным оценкам, составят 3,5 % [3].

Увеличение роли туризма в мировой экономике привело, в том числе, к росту теоретических исследований влияния туризма на развитие мировой и региональной экономики. При этом глубокий всесторонний экономический анализ взаимозависимости туристической отрасли и общего состояния экономики в большинстве случаев вполне обоснованно опирается на особенности той или иной национальной или региональной экономики, поскольку вклад туризма в ВВП и занятость населения существенно различается не только в разных странах, но и в отдельных областях и регионах одной страны. Неравномерное развитие туризма в отдельных областях и регионах страны характерно и для России. В РФ есть регионы, для которых туристический бизнес является важнейшей составляющей экономического развития, к их числу относятся Краснодарский край, республики Крым, Карелия и регионы, для которых туристская составляющая в экономических показателях практически равна нулю, например республики Калмыкия, Ингушетия, Чукотский АО (по сумме доходов, поступивших от реализации турпродукта и доходов от КСР). Это косвенно подтверждается результатами первого национального рейтинга туристической привлекательности и потенциала регионов России, при построении которого использовались, в том числе, экономические составляющие, к которым относятся уровень развития туристического бизнеса (число мест в гостиницах, число жителей, занятых в сфере туризма), оборот туристических услуг (количество рублей, заработанных в сфере туризма, на каждого

* **Нина Валерьевна Савина**, старший преподаватель кафедры управления персоналом факультета социальной психологии, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

жителя региона), востребованность региона у россиян и иностранцев (по количеству ночевков в гостиницах).

Лидеры рейтинга вполне традиционны, поскольку у россиян наиболее востребован пляжный отдых (Краснодарский край – 1-е место рейтинга), Санкт-Петербург и Москва – принимают около 40 % иностранных туристов, которые практически не знают другие города и регионы России. Большинство субъектов УрФО вошли во 2-ю группу данного рейтинга, объединившую регионы, набравшие от 30 до 50 баллов (табл. 1) (для сравнения: общий балл лидера рейтинга – 70,9, аутсайдера – 16,5).

Таблица 1

Место субъектов УрФО в рейтинге туристической привлекательности и потенциала регионов России [4]

№ п/п в рейтинге	Наименование субъекта РФ	Общий балл
21	Тюменская область	48,0
24	Свердловская область	46,2
29	Челябинская область	43,6
51	Ханты-Мансийский АО	34,4
62	Ямало-Ненецкий АО	30,9
75	Курганская область	23,8

Среди социально-экономических факторов, определяющих развитие туристической отрасли в Уральском регионе, можно назвать вполне традиционные для всей отечественной туристической индустрии, в том числе курс национальной валюты, относительно высокую (до недавнего времени) стоимость отдыха в России, уровень жизни и уровень доходов населения, уровень безработицы и другие факторы, формирующие общую макроэкономическую ситуацию, которая в настоящий период усугубляется влиянием политической ситуации, которая также имеет конкретные экономические последствия в виде антироссийских санкций. Экономические санкции существенно усугубили кризис российского туристического рынка, приведя к значительно более серьезным последствиям, чем во многих других отраслях.

Так, по данным платежного баланса РФ, в 2014 году наиболее существенное сокращение импорта услуг в абсолютном выражении было именно по статье «Поездки», составившее 50,4 млрд долл. США по сравнению с 53,5 млрд в 2013 году, т. е. общее падение составило почти 6 %. Основной причиной этого, по мнению специалистов, послужило значительное сокращение доходов населения в долларовом эквиваленте, благодаря чему доступность заграничного отдыха также существенно снизилась. Очевидно, что в 2015–2016 гг. данная тенденция не только сохранилась, но и значительно усилилась. Темпы падения расходов российских граждан на деловые и личные поездки за границу от периода к периоду постепенно нарастают.

Если в I квартале снижение объема импорта услуг по статье «Поездки» (по сравнению с сопоставимым периодом 2014 года) составило 2,8 млрд долларов США, или 27,5 %, то по итогам I полугодия падение превысило 29 %. В целом за 2015 г. сокращение по данной статье платежного баланса составило чуть более 30 % [10]. Результаты первых шести месяцев 2016 г. продемонстрировали, что спад в туристической отрасли еще более ускорился. По данным таблицы 2 очевидно, что падение расходов россиян на зарубежные поездки происходило опережающими темпами, по сравнению с импортом услуг в целом.

**Сравнительная динамика экспорта и импорта услуг,
в том числе по статье «Поездки»¹**

Показатель	По сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, в % (+ / -)								
	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Янв. – март 2015 г.	Янв. – июнь 2015 г.	Янв. – сент. 2015 г.	Янв. – дек. 2015 г.	Янв. – март 2016 г.	Янв. – июнь 2016 г.
Экспорт услуг, всего	+7,4	+12,5	-6,2	-22,4	-23,6	-24,5	-21,3	-11,2	-7,0
в т. ч. по статье «Поездки»	-5,0	+11,4	-1,9	-25,8	-26,9	-27,2	-28,0	-29,6	-24,1
Импорт услуг, всего	+19,1	+17,9	-5,7	-23,4	-26,3	-27,9	-26,8	-23,8	-20,2
в т. ч. по статье «Поездки»	+30,1	+24,9	-5,7	-7,5	-29,2	-30,1	-30,7	-41,6	-38,0

Экспорт услуг по статье «Поездки», оставшийся в 2014 г. за счет расходов иностранных граждан по время Олимпиады в Сочи практически неизменным и составивший 11,8 млрд долл. США, в дальнейшем также показал отрицательную динамику. В I квартале 2015 г. по данной статье произошло сокращение объема предоставленных услуг на четверть (до 1,9 млрд долларов США), что было вызвано преимущественным сокращением удельного веса поездок нерезидентов из стран дальнего зарубежья, в первую очередь за счет их наиболее затратных видов: служебных и частных поездок. В дальнейшем сокращение расходов иностранных граждан во время их пребывания на территории нашей страны продолжилось, и, так же как в случае с импортом услуг по статье «Поездки», темпы падения превышали показатели в целом по экспорту услуг РФ (табл. 2).

В результате комплексного воздействия общей макроэкономической и политической ситуации в 2014–2015 годах, с одной стороны, изменились условия деятельности туристских предприятий, с другой стороны, значительно сократился спрос на услуги турфирм. Изменение условий функционирования турфирм связано как с ужесточением требований со стороны партнеров (банков, страховых компаний, отелей и т. д.), так и с закрытием наиболее востребованных туристами бюджетных направлений (Турция и Египет).

Сокращение спроса в данном случае также является многоплановым явлением. Существенное сокращение текущих доходов населения, которое всегда неизбежно приводит к изменению конъюнктуры рынка, сокращению дорогостоящих направлений и переориентации клиентов на более бюджетные варианты отдыха, в данный период привело к значительному обмелению турпотока по ряду направлений и практически полному закрытию других.

По данным Федерального агентства по туризму, за 9 месяцев 2015 года турпоток по зарубежным направлениям сократился в среднем на 31 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Наиболее существенное снижение спроса наблюдалось по таким направлениям, как Тунис (-83 %), Индия (-55 %), Китай (-53 %), Таиланд (-52 %) [13]. Данные, рассчитанные в соответствии с новой официальной статистической методологией оценки числа въездных и выездных туристических поездок, утвержденной приказом Росстата от 12 августа 2014 г., существенно меньше (падение составило чуть более 20 % как по данным за первые три квартала, так и по итогам 2015 года в целом), однако общая тенденция сохраняется. По предварительным данным за I полугодие 2016 г., выездной турпоток сократился немногим более чем на 13 % [5].

¹ Источник: [10]; расчеты автора.

Запрет на выезд в 150 стран российских военнослужащих и сотрудников силовых структур привел к еще большему сокращению емкости туристского рынка (по некоторым оценкам, данный сегмент составлял около 10 % туристского рынка [7, с. 22]), которое, вероятно, продолжится в ближайшее время. Данное предположение опирается на тот факт, что основу массового туристского потока составляет средний класс, поскольку, согласно аналитическому докладу Института социологии РАН [12], в его составе много работников так называемого третичного сектора экономики («государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение»). Кроме того, представители среднего класса в большей степени, чем остальное население, готовы тратить свободные средства на путешествия и отдых: 19 % представителей среднего класса против 13 % среди остальных россиян.

Помимо этого, негативное воздействие на спрос оказывает некоторое снижение общего уровня комфорта пребывания российских туристов за границей, вызванное сложностями использования пластиковых карт (Visa и Master Card) и введением процедуры дактилоскопирования для получения Шенгенских виз.

Долгосрочное воздействие на уровень спроса на услуги турфирм, которое сложно оценить в настоящее время, безусловно окажет и снижение общего уровня жизни населения. Изменение данного показателя зависит не только от текущих доходов, но и от их покупательной способности, определяемой уровнем инфляции, размерами накоплений, уровнем безработицы и т. д. Темпы инфляции в РФ в 2015 г. составили 12,9 % [11] (с учетом инфляции в 2014 году в размере 11,4 % [15] рост потребительских цен за два года составил более 25 %). Аналогичный показатель по Свердловской области в 2015 г. составил 15,8 % [14].

Несмотря на незначительный рост номинальной заработной платы за данный период, реальные доходы россиян снизились. Сокращение реальных доходов жителей УрФО оказалось больше, чем в среднем по России за аналогичный период (99,3 %). В наибольшей степени это отразилось на доходах жителей Свердловской области. Данная тенденция продолжилась в 2015 г. По данным Росстата, по итогам первой половины 2015 года показатель реальных денежных доходов населения в целом по УрФО составил 95,8 % к уровню первой половины 2014 года. Сокращение отмечено во всех субъектах округа, в Челябинской области показатель снизился на 1,4 %, в Тюменской – на 2,8 %, в Курганской – на 4,3 %, в Свердловской области – на 5,4 %. Размеры реальной среднемесячной заработной платы за аналогичный период также сократились и составили в Челябинской области 93,7 % от уровня предыдущего года, в Свердловской – 91 %, в Курганской – 88,2 % [2] по сравнению с первым полугодием 2014 г., что говорит о росте доли государственных трансфертов в структуре доходов населения УрФО (данная тенденция характерна и в целом для РФ, на долю различных социальных пособий и пенсий приходится 19,3 % всех доходов россиян [1]).

Весь комплекс социально-экономических факторов, так или иначе, влияет на формирование потребительских ожиданий, в том числе долгосрочных. По данным Федеральной службы государственной статистики, рассчитывающей индекс потребительской уверенности, используемый, в том числе, для анализа поведенческой модели на потребительском рынке и оценки влияния потребительской активности на состояние экономики, на протяжении 2014–2015 гг. данный индекс демонстрирует преимущественно отрицательную динамику, что соответствует динамике реальных располагаемых денежных доходов россиян (табл. 3). Столь низкие показатели индекса потребительской уверенности последний раз наблюдались в посткризисные 1999 и 2009 годы.

Таблица 3

Общий индекс потребительской уверенности россиян [15]

2014 год				2015 год		
I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал	I квартал	II квартал	III квартал
-11	-6	-7	-18	-32	-23	-24

Неблагоприятная экономическая ситуация в целом отразилась на российском туристском рынке. Большинство показателей в 2014–2015 гг. продемонстрировало существенную отрицательную динамику. Общая численность реализованных фирмами в 2014 г. турпакетов сократилась почти на 19 %, оказавшись на уровне 2010 г. (табл. 4), число обслуженных туристов также близко к показателям 2010 года. Немного замедлить темпы сокращения продаж позволил рост внутреннего турпотока, который обеспечил и положительную динамику общей численности турфирм на российском рынке. По данным ЕМИСС, общая численность туроператоров, работающих в сфере внутреннего туризма, возросла в 2014 г. на 8,5 % (с 2 421 до 2 626) [6]. Однако число россиян, которые в 2014 г. приобрели туры по России, выросло по сравнению с предыдущим годом весьма незначительно (+3 %) и составило 1 974 тыс. человек [18]. Сегменты международного въездного и выездного туризма, напротив, вполне закономерно продемонстрировали значительное сокращение. Деятельность в данных сегментах в течение года прекратили 538 (28,4 %) и 64 (24,6 %) [6] компании соответственно, в том числе крупнейшие в России компании «Лабиринт», «Южный Крест», «Нева Трэвел», «Идеал тур», «Солвекс Турне», «Верса» и другие. Ниша въездного туризма демонстрирует крайнюю неустойчивость, годовые колебания с амплитудой натуральных показателей до 40 %, а стоимостных – около 90 % свидетельствуют о значительной зависимости данного направления от малейших макроэкономических и политических изменений как в российской, так и в мировой экономике в целом. (Для сравнения приведена динамика основных показателей в 2008–2009 гг., по ряду параметров сжатие рынка в 2014 году оказалось более значительным, чем в посткризисном 2009-м.)

Многие компании не смогли продолжить свою деятельность, в результате чего в 2014 г., впервые с 2009-го, произошло сокращение общего числа сотрудников российских турфирм. В течение 2015 г. количество операторов, специализирующихся на выездном туризме, уменьшилось еще на 58,5 %: с 1 649 (на конец 2014 г.) до 685 компаний (по состоянию на начало 2016 г.).

Таблица 4

Динамика основных показателей деятельности российских турфирм²

Показатель	Изменение показателей в % к предыдущему году (+/-)					
	2009/ 2008	2011/ 2010	2012/ 2011	2013/ 2012	2014/ 2013	2015/ 2014
Численность турфирм	+6,5	+12,4	+4,9	+5,1	+2,6	+2,4
Средняя численность сотрудников турфирм	-4,5	-1,8	+2,5	+3,0	-9,3	+6,5
Число реализованных населению турпакетов, всего	-14,8	+1,6	+7,6	+13,0	-18,6	-8,2
в том числе:						
гражданам РФ по территории России	-19,4	+6,6	-2,7	+7,2	+2,3	+34,1
гражданам РФ по зарубежным странам	-12,9	-1,2	+12,4	+13,4	-23,3	-23,7
иностран. гражданам по территории России	-30,3	+43,8	-29,8	+45,2	-20,3	+51,4
Стоимость реализованных населению турпакетов, всего	+8,9	+4,4	+18,7	+20,1	-2,6	-1,6
в том числе:						
гражданам РФ по территории России	-12,3	+15,9	+7,0	+5,0	+6,6	+98,5
гражданам РФ по зарубежным странам	+12,8	+3,0	+20,1	+21,1	-3,5	-14,2
иностран. гражданам по территории России	-10,8	+3,4	+38,3	+94,9	-7,9	+36,9
Численность туристов, обслуженных турфирмами, всего	-8,6	-2,2	+11,4	+10,5	-14,1	-38,0
в том числе, отправленных в туры:						
по территории России	-17,7	-0,6	+3,5	+6,9	+3,0	+33,1
по зарубежным странам	-5,4	-2,6	+13,6	+11,4	-18,2	-59,6

В 2015 году основные тенденции развития российского туристского рынка не просто сохранились, но и проявились еще отчетливее, о чем, в частности, свидетельствует почти двукратный рост внутреннего турпотока в натуральном выражении. Сходные изменения наблюдались в 2014–2015 гг. на туристском рынке Свердловской области и Уральского федерального округа в целом.

² Источник: [16]; расчеты автора.

Основные показатели деятельности российских туристских фирм [16]

Показатель \ Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015 [17]
Численность турфирм ³	9 133	10 266	10 773	11 324	11 614	11 893
Средняя численность сотрудников турфирм, чел.	48 312	47 452	48 662	50 144	45 463	48 433
Число реализованных населению турпакетов – всего, тыс.	4 358,0	4 427,0	4 762,8	5 384,0	4 384,1	4 024,0
в том числе:						
гражданам РФ по территории России	872,0	929,5	904,6	969,5	991,8	1 330,7
гражданам РФ по зарубежным странам	3 366,8	3 325,9	3 737,7	4 239,5	3 252,8	2 482,0
иностран. гражданам по территории России	119,3	171,6	120,5	175,0	139,5	211,2
Стоимость реализованных населению турпакетов – всего, млн руб.	167 933,1	175 366,5	208 117,9	249 898,0	243 452,6	239 554,2
в том числе:						
гражданам РФ по территории России	18 342,6	21 265,3	22 745,7	23 875,8	25 443,9	50 517,1
гражданам РФ по зарубежным странам	148 147,6	152 609,7	183 309,2	222 002,3	214 308,3	183 970,1
иностран. гражданам по территории России	1 442,8	1 491,4	2 063,0	4 019,9	3 700,4	5 067,0
Численность российских туристов, обслуженных турфирмами – всего, тыс. чел.	8 204,3	8 023,7	8 942,2	9 883,0	8 487,1	5 261,0
в том числе отправленных в туры:						
по территории России	1 741,3	1 731,0	1 792,3	1 916,4	1 974,2	2 628,2
по зарубежным странам	6 462,9	6 292,7	7 149,9	7 966,6	6 512,9	2 632,8

Литература

1. Allinvestments.ru: все об инвестициях [Электронный ресурс]. – URL: [https:// allinvestments.ru/uroven-zhizni-v-rossii/](https://allinvestments.ru/uroven-zhizni-v-rossii/) (дата обращения: 24.01.2016).
2. Агентство новостей «Доступ 1» [Электронный ресурс]. – URL: <http://dostup1.ru/economics.html> (дата обращения: 16.01.2016).
3. Ассоциация туроператоров. Вести АТОР [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.atorus.ru/NEWS/press-centre/new/33567.html> (дата обращения: 12.01.2016).
4. Впервые определены регионы – лидеры по туристическому потенциалу [Электронный ресурс] // Российский туризм. Эксперты РТ. – URL: http://russiantourism.ru/experts-rt/experts-rt_14291.html (дата обращения: 12.01.2016).
5. Выборочная статистическая информация, рассчитанная в соответствии с Официальной статистической методологией оценки числа въездных и выездных туристских поездок [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федерального агентства по туризму. – URL: <http://www.russiatourism.ru/contents/statistika/> (дата обращения: 10.10.2016).
6. Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. – URL: <http://fedstat.ru/indicator/data> (дата обращения: 17.01.2016).
7. Зиганшин И. И., Овчаров А. О., Рысаева М. А. Влияние экономических санкций на развитие российского туризма // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 1 (33). – С. 17–25.

³ Включает компании, занимающиеся туроператорской и турагентской деятельностью, продвижением туров, экскурсионной и иной туристской деятельностью.

8. Информационное агентство «РИА Новости» [Электронный ресурс]. – URL: http://ria.ru/tourism_news/20151215/1342329364.html (дата обращения: 19.01.2016).
9. Онуфриева З. Русские не едут: как туристы влияют на экономики разных стран [Электронный ресурс] // Секрет фирмы. – 02.04.2015. – URL: <http://secretmag.ru/longread/2015/04/03/kak-russki-turist-menaet-mirovuyu-economiku/> (дата обращения: 12.01.2016).
10. Платежный баланс РФ (по методологии РПБ6). Стандартные компоненты [Электронный ресурс] // Центральный банк Российской Федерации. Статистика внешнего сектора. – URL: <http://www.cbr.ru/statistics/> (дата обращения: 21.02.2016).
11. Российская газета [Электронный ресурс]. – 13.01.2016. – URL: <http://www.rg.ru/2016/01/13/inflyacia.html> (дата обращения: 15.01.2016).
12. Средний класс в современной России: 10 лет спустя [Электронный ресурс] : аналитический доклад Института социологии РАН // Официальный портал Института социологии Российской академии наук. – URL: http://www.isras.ru/analytical_report_sredny_klass_10 лет_spustya.html (дата обращения: 15.01.2016).
13. Статистические показатели взаимных поездок граждан Российской Федерации и граждан иностранных государств [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федерального агентства по туризму. – URL: <http://www.russiatourism.ru/contents/statistika/> (дата обращения: 15.01.2016).
14. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области [Электронный ресурс]. – URL: <http://sverdl.gks.ru> (дата обращения: 16.01.2016).
15. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 16.01.2016).
16. Центральная база статистических данных. Основные показатели деятельности отдельных отраслей экономики. Туризм. Деятельность туристских фирм: [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/> (дата обращения: 20.01.2016).
17. Центральная база статистических данных. Основные показатели деятельности отдельных отраслей экономики. Туризм. Деятельность туристских фирм: [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/> (дата обращения: 10.10.2016).
18. Число отправленных в туры российских туристов [Электронный ресурс] // Центральная база статистических данных. Основные показатели деятельности отдельных отраслей экономики. Туризм. Число туристов по странам мира. – URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/> (дата обращения: 17.01.2016).

Nina Valer'yevna Savina,

Senior Lecturer at Human Resource Management Department,
Social Psychology Faculty,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

The Impact of the Socio-Economic Situation on National and Regional Tourist Market

The article reveals the influence that socio-economic situation of Russia makes on national and regional tourist market.

Key words: tourist market; trends of development; socio-economic situation.

|| ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Деятельность избирательных комиссий по защите избирательных прав граждан в Российской Федерации

В статье рассматриваются основные характеристики защиты избирательных прав граждан в избирательных комиссиях. Кроме того, освещены некоторые проблемы, возникающие при реализации избирательными комиссиями своих защитных функций.

Ключевые слова: избирательное право; защита избирательных прав; гарантии реализации избирательных прав.

Обеспечение и реализация избирательных прав граждан является важной функцией избирательных комиссий. Более того, закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» устанавливает, что избирательная комиссия **обеспечивает** реализацию и защиту избирательных прав (п. 3 ст. 20). Собственно говоря, законодатель именно на избирательные комиссии возлагает обязанность быть гарантом соблюдения избирательных прав [12, с. 20].

Реализация прав осуществляется, в том числе, через установление и соблюдение гарантий. В то же время, рассматривая деятельность избирательных комиссий, направленную на обеспечение законности в ходе выборов в узком значении, следует говорить о ее контрольных и правоохранительных полномочиях. То есть, в широком понимании, деятельность избирательной комиссии – это организация процесса (организационно-правовые полномочия), а в узком – обеспечение соответствия этого процесса нормативно-правовым установлениям.

Важнейшей составляющей деятельности избирательной комиссии любого уровня, связанной с обеспечением реализации избирательных прав граждан и соблюдения порядка проведения выборов, является реализация комиссиями правозащитных функций. Тем самым избирательные комиссии, как государственные органы, исполняют важнейшую обязанность государства, закрепленную в ст. 2 Конституции Российской Федерации, – защиту [1, с. 17].

Под защитой субъективного права М. В. Баглай понимает «действия судебных и административных органов по восстановлению нарушенного права или недопущению такого нарушения, а также созданию соответствующих правовых гарантий» [2, с. 17]. Если рассматривать данное определение применительно к защите прав избирательными комиссиями, то включенные в содержание данного определения институты – восстановление нарушенного избирательного права и предотвращение его нарушения, в совокупности с созданием специальных гарантий, образуют деятельность избирательных комиссий по **защите избирательных прав граждан**.

И, как говорилось выше, избирательная комиссия есть гарант соблюдения избирательных прав, в то же время в сфере защиты избирательных прав граждан избирательные комиссии в значительной степени уступают судебным органам. В полномочии органов судебной власти, в зависимости от места в судебной системе, есть право оценивать конституционность избирательных законов, признавать их недействующими, право отменять решения всех избирательных комиссий. В целях защиты избирательных прав суды могут выступать в качестве второй инстанции по отношению к избирательным комиссиям. Для того чтобы обратиться в

* Светлана Михайловна Иошина, руководитель аппарата Избирательной комиссии Свердловской области, магистр юриспруденции (г. Екатеринбург).

суд, обращение в вышестоящую комиссию не является обязательным условием. В то же время, в случае если заявление о нарушении избирательного права подано одновременно и в суд, и в избирательную комиссию, комиссия обязана приостановить рассмотрение заявления до вынесения решения судебным органом [3, с. 17]. Между тем избирательная комиссия не наделена полномочиями по отмене каких-либо судебных решений.

Кроме того, на практике деятельность избирательных комиссий находится в плоскости реализации избирательных прав, хотя, как говорилось выше, в их полномочия входит не только реализация, но и защита этих прав. Судебные органы, в свою очередь, могут восстанавливать избирательные права вне избирательного процесса, когда субъект не только не может использовать право избирать и быть избранным на конкретных выборах, но и вообще лишен его. К примеру, если в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам отменен приговор по уголовному делу, лицо освобождается от наказания в виде лишения свободы, и одновременно с него снимаются ограничения в рамках избирательного законодательства. Такая же ситуация и с решениями по гражданским делам, связанным с признанием лица недееспособным.

Таким образом, деятельность избирательных комиссий по **восстановлению** нарушенного избирательного права есть устранение препятствий реализации права гражданина избирать и быть избранным, а также освобождение субъекта избирательного процесса от конституционно-правовой ответственности, к которой он был незаконно привлечен нижестоящей избирательной комиссией.

Устранение препятствий возможно через осуществление своих обязанностей, установленных законом и являющихся гарантией реализации избирательных прав. Об этом аспекте деятельности комиссий говорилось выше. И устранение препятствий возможно через процессуальные формы, в числе которых рассмотрение жалоб (заявлений) участников избирательного процесса.

В первую очередь необходимо отметить, что ст. 75 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» содержит ряд правовых норм, подробным образом регламентирующих процессуальный порядок обжалования решений, действий (бездействия), нарушающих избирательные права граждан [12, с. 20].

Во-первых, установлен перечень субъектов, которые могут обратиться в комиссию с жалобой на решения и действия (бездействие), нарушающие избирательные права граждан. Это избиратели, кандидаты, их доверенные лица, избирательные объединения и их доверенные лица, иные общественные объединения, наблюдатели, а также избирательные комиссии.

Во-вторых, установлен круг вопросов, по которым за защитой избирательных прав можно обратиться только в суд: например, решение о регистрации кандидата (п. 6 и 7 ст. 76); решение нижестоящей комиссии об итогах голосования, о результатах выборов после установления итогов голосования, определения результатов выборов вышестоящей комиссией (п. 1.1 ст. 77); об оспаривании итогов голосования на избирательном участке, на котором избиратель принял участие в выборах (п. 1.3 ст. 77).

В-третьих, регламентирован перечень решений, которые комиссия вправе принять при рассмотрении жалобы:

- а) оставить жалобу без удовлетворения;
- б) отменить обжалуемое решение полностью или в части (признать незаконным действие (бездействие) и принять решение по существу);
- в) отменить обжалуемое решение полностью или в части (признать незаконным действие (бездействие), обязав нижестоящую комиссию повторно рассмотреть вопрос и принять решение по существу (совершить определенное действие).

В единый день голосования 13 сентября 2015 года состоялось более 10,7 тысячи избирательных кампаний и кампаний местных референдумов в 83 субъектах Российской Федерации. При этом на выборах всех уровней замещалось более 92 тысяч мандатов и выборных должностей. В ходе этой избирательной кампании в ЦИК России поступило и было рассмотрено 1 587 обращений о нарушениях избирательного законодательства. В 170 (10,7 %) из них факты нарушений подтвердились. Большая часть обращений касалась вопросов неправомерных, по мнению заявителей, решений, действий или бездействия избирательных комиссий, их должностных лиц, выдвижения и регистрации кандидатов, списков кандидатов, регистрации доверенных лиц и уполномоченных представителей политических партий, а также вопросов нарушения порядка проведения предвыборной агитации [11, с. 19].

Исходя из вышеупомянутого анализа обращений в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации, можно сделать следующий вывод: круг вопросов, по которым можно обратиться в избирательную комиссию, очерчен ее полномочиями, установленными законом в сфере защиты избирательных прав. В связи с этим можно определить ряд вопросов, в рамках которых осуществляется защита избирательных прав:

1. Обращения по вопросам назначения выборов.
2. Обращения по вопросам образования избирательных округов, избирательных участков, формирования избирательных комиссий, назначения и освобождения членов избирательных комиссий.
3. Жалобы по вопросам выдвижения и регистрации кандидатов, списков кандидатов, регистрации доверенных лиц и уполномоченных представителей и пр.
4. Жалобы на неправомерные решения, действия (бездействие) избирательных комиссий, их должностных лиц, включая организационные, технические и информационные недостатки в работе избирательных комиссий, неудовлетворенность заявителей поступившими в их адрес ответами на предыдущие обращения.
5. Обращения о нарушениях порядка проведения предвыборной агитации, к которым относятся:
 - распространение подложных агитационных материалов, не соответствующих требованиям законодательства о выборах;
 - подкуп избирателей;
 - проведение агитации в день голосования и в день, предшествующий дню голосования.
6. Жалобы на неправомерные (по мнению заявителей) действия (бездействие) при подготовке ко дню голосования, в ходе голосования (в том числе досрочного), при подсчете голосов избирателей, установлении итогов голосования, определении результатов выборов:
 - на недостатки в списках избирателей или отсутствие избирателя в списках избирателей;
 - нарушения порядка выдачи открепительных удостоверений;
 - нарушения прав членов избирательных комиссий, наблюдателей, представителей СМИ, связанные с удалением или ограничением доступа в помещение избирательной комиссии;
 - неправомерный подвоз избирателей к помещениям для голосования, нарушения при голосовании вне помещения для голосования;
 - недостатки в технологическом оборудовании, в том числе связанные с работой КОИБ, КЭГ;
 - нарушения при подсчете голосов избирателей, составлении протокола об итогах голосования, выдаче копий протоколов об итогах голосования.

7. Жалобы на неправомерные действия (бездействие) при проведении досрочного голосования:

- на воспрепятствование в реализации активного избирательного права;
- подвоз избирателей к помещениям для голосования, досрочное голосование без уважительных причин;
- принуждение к голосованию.

8. Жалобы на фальсификацию, в том числе предполагаемую, итогов голосования, результатов выборов либо предложения о признании результатов выборов недействительными:

- на нарушения при голосовании по открепительным удостоверениям;
- незаконную выдачу бюллетеней для голосования (голосование лиц, не обладающих активным избирательным правом, включенных в список избирателей, без регистрации по месту жительства и открепительного удостоверения).

9. Нарушения, связанные с использованием преимуществ должностного (служебного) положения, в том числе правоохранительными органами. Неправомерные действия иных лиц и организаций.

10. Устранение препятствий реализации права контролировать законность проведения выборов.

11. Признание выборов недействительными.

Пределы настоящей работы не позволяют остановиться на каждом из вышеупомянутых полномочий Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, направленных на защиту избирательных прав. Остановимся на тех вопросах, которые чаще всего требовали вмешательства избирательных комиссий в единый день голосования 2015 года.

Одним из важнейших вопросов, на который обращает внимание ЦИК России, является устранение недостатков (ошибок и неточностей) в списках избирателей, которое может быть направлено как на охрану интересов избирательного корпуса в целом, так и на защиту активного избирательного права конкретного избирателя. Последнее имеет место в случаях, когда в списки избирателей включаются граждане, не имеющие права голосовать на соответствующем избирательном участке, выбывшие из числа избирателей по различным причинам (смерть, утрата дееспособности, лишение свободы по решению суда, включение в список избирателей по месту временного пребывания [5, с. 18]).

Так, законом установлено, что гражданин Российской Федерации, обладающий активным избирательным правом, вправе обратиться в участковую комиссию с заявлением о включении его в список избирателей, о любой ошибке или неточности в сведениях о нем, внесенных в список избирателей.

В течение 24 часов, а в день голосования в течение двух часов с момента обращения, но не позднее момента окончания голосования участковая комиссия обязана проверить сообщенные заявителем сведения и представленные документы и либо устранить ошибку или неточность, либо принять решение об отклонении заявления с указанием причин такого отклонения, вручив заверенную копию этого решения заявителю.

Решение участковой комиссии об отклонении заявления о включении гражданина Российской Федерации в список избирателей, участников референдума может быть обжаловано в вышестоящую комиссию или в суд (по месту нахождения участковой комиссии), которые обязаны рассмотреть жалобу (заявление) в трехдневный срок, а за три и менее дней до дня голосования и в день голосования – немедленно.

В случае если принято решение об удовлетворении жалобы (заявления), исправление в списке избирателей участников референдума производится участковой комиссией немедленно.

Кроме того, каждый гражданин Российской Федерации вправе сообщить в участковую комиссию об изменении сведений об избирателях, участниках референдума, включенных в список избирателей, участников референдума на соответствующем участке.

В большинстве случаев вопросы об уточнении информации в списках избирателей решаются на уровне участковых избирательных комиссий.

Во-первых, законом предоставлена возможность избирателям уточнять информацию о себе в целях обеспечения ее полноты и достоверности (п. 12 ст. 16).

Во-вторых, избиратель имеет право обратиться с заявлением об уточнении информации в списке избирателей.

В-третьих, за 10 дней до дня голосования участковая комиссия представляет список избирателей, участников референдума для ознакомления избирателей, участников референдума и его дополнительного уточнения (п. 15 ст. 17).

Автором дополнительно проведен обзор *судебной* практики за последние три года (2013–2015), который показал, что в судебные инстанции по вопросам уточнения информации в списке избирателей обращений не было. Избирательные комиссии вполне успешно справляются на своем уровне с вопросами составления списков избирателей.

Основная проблема, с которой избирательные комиссии сталкиваются и по настоящее время при рассмотрении жалоб на невключение того или иного лица в список избирателей, связана с определением вида проживания субъектов избирательного права на соответствующей территории избирательного участка либо округа. С одной стороны, факт нахождения места жительства гражданина на территории избирательного участка устанавливается органами регистрационного учета граждан в соответствии с законодательством. С другой стороны, регистрация гражданина по месту жительства или отсутствие таковой не могут служить основанием для ограничения или условием реализации прав и свобод гражданина [4, с. 17].

Так, в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Определении от 8 декабря 2011 г. № 1794-О-О, отсутствие у совершеннолетнего гражданина регистрации по месту жительства в пределах Российской Федерации не означает утрату им активного избирательного права, не может служить безусловным основанием для невключения его в списки избирателей в том избирательном округе и на том избирательном участке, в границах которых он фактически проживает, и отказа в голосовании на выборах. Если гражданин по тем или иным причинам не исполнил возложенную на него обязанность регистрации по месту жительства и, как следствие, не был включен в список избирателей, он в соответствии с п. 16 ст. 17 Закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» вправе обратиться в участковую избирательную комиссию с заявлением о включении его в список избирателей, которая в установленные законом сроки обязана проверить сообщенные им сведения и представленные документы, в том числе о регистрации по месту пребывания, и внести его в список избирателей либо принять решение об отклонении заявления с указанием причин такого отклонения [12, с. 20]. Решение участковой избирательной комиссии об отказе во включении в список избирателей может быть обжаловано гражданином в вышестоящую избирательную комиссию или в суд [8, с. 18].

На такой подход к регистрации (учету) избирателей и составлению списков избирателей ориентируют избирательные комиссии и суды не только федеральное законодательство, но и Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств, нормы которой (ст. 2; пп. «д» п. 2 ст. 19) [12, с. 20] возлагают на Российскую Федерацию, равно как и на другие государства-участники, обязательство

гарантировать каждому гражданину, достигшему установленного возраста, право избирать и быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления и осуществлять регистрацию (учет) избирателей на основе законодательно определенной недискриминационной и действенной процедуры, предусматривающей такие параметры регистрации (учета), как возраст, гражданство, место жительства, наличие основного документа, удостоверяющего личность гражданина.

Еще одной важной проблемой являются **обращения и жалобы по вопросам выдвижения и регистрации кандидатов, списков кандидатов**, регистрации доверенных лиц и уполномоченных представителей политических партий. По сути своей, рассмотрение таких обращений – не что иное, как устранение препятствий для реализации пассивного избирательного права.

Как правило, в этих случаях защита выражается в отмене вышестоящей избирательной комиссией решения нижестоящей комиссии об отказе в регистрации кандидата или об отмене уже произведенной регистрации. В частности, в период организации выборов в единый день голосования в сентябре 2015 года ЦИК России было рассмотрено 282 обращения о заявленных нарушениях избирательного законодательства в ходе избирательных кампаний, касающихся вопросов выдвижения и регистрации кандидатов, списков кандидатов, регистрации доверенных лиц и уполномоченных представителей. На решения избирательных комиссий об отказе в регистрации кандидата, заверении списков, исключении из списка кандидатов поступило 174 жалобы, еще 65 обращений касались отмены регистрации кандидатов, заверения списков, исключения из списка кандидатов. В 40 случаях подтвердилась правомерность обращения [11, с. 19].

Новацией Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» является необходимость предоставления кандидатом сведений не только о неснятой и непогашенной судимости, но и о судимости вообще, особенно за тяжкие преступления. Внесение информации о судимости в подписной лист, избирательный бюллетень является защитой избирательных прав всего избирательного корпуса от кандидатов с небезупречной репутацией [12, с. 20].

С одной стороны, судимость может стать ограничением пассивного избирательного права (пп. «а» п. 3.2 ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»), с другой стороны – основанием для отказа в регистрации в случае несоблюдения условий предоставления сведений о себе (пп. «е» п. 24 ст. 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации») [Там же].

Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации в отношении судимости граждан, воспользовавшихся пассивным избирательным правом, такова, что «назначенное когда-либо гражданину по приговору суда наказание в виде лишения свободы за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления влечет утрату им права быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления независимо от того, какой период прошел с момента отбытия им наказания, была ли его судимость снята или погашена, т. е. ограничение пассивного избирательного права распространяется на граждан, привлеченных к уголовной ответственности как до, так и после установления данного ограничения, и его действие прямо не обусловлено каким-либо сроком; не имеет значения и то, какой именно срок лишения свободы был назначен по приговору суда, отбывалось ли наказание в местах лишения свободы или оно было условным» [7, с. 18].

По своей природе в системе действующего правового регулирования «ограничение пассивного избирательного права, предусмотренное пп. «а» п. 3.2 ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», непосредственно не относится к мерам уголовной ответственности, поскольку носит не уголовно-правовой, а конституционно-правовой характер: оно введено федеральным законодателем в качестве особого конституционно-правового дисквалифицирующего препятствия для занятия выборных публичных должностей (и, следовательно, для возможности баллотироваться на соответствующих выборах), сопряженного с повышенными репутационными требованиями к носителям публичной (политической) власти, что обусловлено их прямым участием в принятии правовых актов (нормативных и индивидуальных) и ответственностью, с которой связано осуществление ими своих полномочий [12, с. 20].

Такое ограничение, не указываемое в приговоре в качестве наказания, в силу закона применяется как следующее самому факту осуждения к лишению свободы за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, т. е. за совершение предусмотренного уголовным законом деяния определенной категории, и, не будучи уголовным наказанием, тем не менее является общеправовым последствием судимости» [7, с. 18].

При этом Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» не содержит соответствующих ограничений ни в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести (за исключением осужденных за совершение преступлений экстремистской направленности, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, и имеющих на день голосования на выборах неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления – пп. «б» п. 3.2 ст. 4), ни в отношении лиц, совершивших тяжкие или особо тяжкие преступления, вне зависимости от погашения или снятия судимости, если назначенное им наказание не было связано с лишением свободы [12, с. 20].

Вместе с тем Федеральный закон содержит ограничения реализации пассивного избирательного права, связанного с судимостью не за тяжкое или особо тяжкое преступление. Так, основанием отказа в регистрации в соответствии с пп. «е» п. 24 ст. 38 части Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» является сокрытие сведений о судимости [Там же].

В частности, Постановлением ЦИК России от 11 сентября 2015 г. № 307/1761-6 было установлено нарушение пассивного избирательного права, связанного с таким основанием, как сокрытие судимости. В Центральную избирательную комиссию Российской Федерации поступила жалоба Л. В. Шакуровой на решение территориальной избирательной комиссии города Тобольска от 12 августа 2015 года № 99/362 «Об отказе в регистрации Л. В. Шакуровой кандидатом в депутаты Тобольской городской Думы шестого созыва по одномандатному избирательному округу № 2». Решением Избирательной комиссии Тюменской области от 21 августа 2015 года № 145/789-5 указанное решение территориальной избирательной комиссии было оставлено без изменения [9, с. 18].

Основанием для отказа в регистрации послужил пп. «е» п. 24 ст. 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (сокрытие сведений об имевшейся судимости). Приговором Тобольского городского суда от 3 ноября 2010 года по делу № 1-252/2010 Л. В. Шакурова была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 129 Уголовного кодекса Российской Федерации (клевета). Впоследствии ст. 129 Уголовного кодекса Российской Федерации

признана утратившей силу в соответствии с Федеральным законом от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». В заявлении от 22 июля 2015 года о согласии Л. В. Шакуровой баллотироваться кандидатом в депутаты Тобольской городской Думы шестого созыва по одномандатному избирательному округу № 2 указаний на это обстоятельство не имеется.

В то же время Федеральным законом от 28 июля 2012 года № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен ст. 128-1 «Клевета».

Следует отметить, что, действуя с должной степенью осмотрительности и внимательности, заявитель обратилась в Информационный центр УМВД России по Тюменской области, который сообщил об отсутствии сведений о судимостях кандидата, о чем выдал справку, которая была представлена в избирательную комиссию. Данные обстоятельства свидетельствуют об отсутствии факта сокрытия судимости и, следовательно, основания для отказа в регистрации. При таких обстоятельствах оспариваемые решения избирательных комиссий подлежат отмене. Принимая во внимание отсутствие иных оснований для отказа в регистрации, ЦИК России принял решение о регистрации Л. В. Шакуровой кандидатом в депутаты.

Несмотря на большой объем нововведений, не устранены, на наш взгляд, недостатки, связанные с проверкой подписей избирателей, внесенных в поддержку выдвижения кандидата, несмотря на проведенное законодателем разграничение недостоверности и недействительности подписей (п. 44, 45 ст. 2 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации») [12, с. 20]. Так, **недостоверной** признается «подпись, выполненная от имени одного лица другим лицом», а **недействительной** – «подпись, собранная с нарушением порядка сбора подписей избирателей и (или) оформления подписного листа».

С учетом того, что установление достоверности подписи методом опроса затрудняется, существенно возрастает роль экспертных учреждений, к которым избирательные комиссии вынуждены обращаться в целях обеспечения качественной проверки подписных листов. Однако на практике, в условиях наличия в законодательстве пробелов и противоречий, неизбежно возникновение новых избирательных споров и вынесение разноречивых решений.

Кроме того, возникают сомнения, сможет ли эксперт без получения образца подписи соответствующего гражданина сделать однозначный вывод, кем выполнена подпись в подписном листе. Вероятнее всего, речь пойдет лишь об установлении выполнения подписей (дат их внесения) одним или разными лицами.

Постановлением ЦИК России от 04 сентября 2015 г. 305/1749-6 была удовлетворена жалоба Т. А. Галимовой на постановление Избирательной комиссии Самарской области от 20 августа 2015 года № 186/1410-5 и решение территориальной избирательной комиссии Кировского района городского округа Самара Самарской области от 2 августа 2015 года № 73/4 «Об отказе в регистрации кандидата в депутаты Совета депутатов Кировского района городского округа Самара Самарской области первого созыва Галимовой» [10, с. 18].

Кандидату было отказано в регистрации на основании недостаточного количества достоверных подписей избирателей, представленных для регистрации кандидата. Так, для регистрации кандидату необходимо было представить не менее 54 подписей избирателей. Заявитель представила подписные листы с 59 подписями избирателей, собранными в поддержку своего выдвижения. По результатам проверок, проведенных территориальной избирательной комиссией и Избира-

тельной комиссией Самарской области, недостоверными и (или) недействительными были признаны 17 подписей избирателей, количество достоверных подписей составило 42, что оказалось недостаточно для регистрации кандидата. Однако в результате изучения подписных листов в Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, в соответствии с п. 7 ст. 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [3, с. 17], в том числе с привлечением экспертов-почерковедов, было установлено, что недействительной может быть признана одна подпись избирателя, а достоверными – 58 подписей избирателей, что является достаточным для регистрации кандидата.

Таким образом, восстановление нарушенных прав кандидата произошло только в Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. Две нижестоящие комиссии формально подошли к решению вопроса о признании подписей недействительными и устанавливали этот факт без привлечения экспертов.

Тем же постановлением ЦИК России обязала территориальную избирательную комиссию в течение трех календарных дней повторно рассмотреть вопрос и зарегистрировать кандидата в депутаты. В данной ситуации стоит отметить, что день голосования в 2015 году был 13 сентября, решение комиссии вынесено 4 сентября, еще три дня предоставлено нижестоящей комиссии для принятия решения о регистрации. По сути, хотя у кандидата и оказалось восстановлено пассивное избирательное право, однако большая часть времени, предоставленного на ведение предвыборной агитации, ушло на восстановление нарушенного права.

Разрешение споров в сфере избирательных правоотношений имеет особое значение, так как затрагивает права участников избирательного процесса. К сожалению, различные нарушения и разногласия, а следовательно, и споры порой возникают в любой избирательной кампании на всех стадиях избирательного процесса. Зачастую не всегда удается обеспечить реализацию избирательных прав через избирательные комиссии. В то же время, в заключение хотелось бы отметить, что комиссиям в защите избирательных прав должно принадлежать решающее влияние. В отличие от судов, комиссии постоянно находятся в процессе реализации избирательных прав, тогда как судебные органы выступают правозащитниками только в случае обращения заинтересованного лица. В большинстве своем охрана прав через судебные органы находится как бы в спящем состоянии, до тех пор пока не наступит необходимость вовлечения в этот процесс и суда. Избирательная комиссия по своей инициативе может предотвращать нарушения избирательных прав. Требуется детальное регулирование порядка рассмотрения обращений граждан избирательными комиссиями (необходимо определить сроки направления и рассмотрения обращений, состав субъектов, участвующих в заседании избирательной комиссии по рассмотрению обращений, закрепить процессуальные права и обязанности участников обжалуемого действия). Кроме того, право обжаловать решения избирательных комиссий о регистрации кандидатов (списков кандидатов) в инстанционном порядке необходимо предоставить только соответствующим кандидатам и избирательным объединениям.

Требуется законодательное установление сроков для нижестоящих комиссий в части исполнения ими решений вышестоящих избирательных комиссий, принятых по жалобам граждан.

В ходе исследования автор приходит к выводу о том, что правовая природа избирательных прав граждан закреплена в огромном массиве нормативно-правовых актов, которые зачастую содержат в своих текстах неидентичные понятия тех или иных процедур. В правовой науке не разработан устойчивый понятийный аппарат защиты, реализации и охраны избирательных прав.

Защита избирательных прав есть, с одной стороны, способ применения избирательного законодательства при возникновении избирательных споров при назначении, подготовке, проведении выборов в органы государственной власти и местного самоуправления и установлении их результатов, которые разрешаются избирательными комиссиями различных уровней либо в судебных инстанциях, а с другой стороны – принудительный механизм реализации избирательных прав граждан.

Механизм защиты избирательных прав выстраивается на гарантиях избирательных прав граждан, которые являются структурным элементом конституционно-правового статуса личности в Российской Федерации. И поэтому ограничение избирательных прав граждан может быть установлено только федеральными законами лишь в строго оговоренных Конституцией случаях. Выход за пределы этого установления включает механизм защиты избирательных прав через конституционное судопроизводство.

Кроме того, защита избирательных прав осуществляется и путем создания гарантий реализации избирательных прав, через выстраивание стройной системы юридико-технических норм, подробно регулирующих процедурные вопросы.

Автор приходит к выводу, что круг субъектов, в полномочия которых входит осуществление реализации и (или) защиты избирательных прав, настолько широк, а их обязанности размыты по значительному объему нормативного материала, что данный вопрос требует, во-первых, систематизации, а во-вторых, регулирования в части четкого распределения полномочий.

Несмотря на то что в научной литературе имеется значительное количество мнений о понятии защиты избирательных прав, автор данной работы согласен с мнением о том, что «под защитой избирательных прав следует понимать механизм восстановления нарушенных или устранения препятствий реализации субъективных избирательных прав, осуществляемый с применением соответствующих форм, процедур, способов и средств» [6, с. 18]. Защиту избирательных прав необходимо понимать также в качестве важнейшей гарантии их реализации. Формы и способы защиты постоянно совершенствуются и требуют законодательного закрепления.

Под процедурой защиты избирательных прав граждан следует понимать урегулированный процессуальными нормами порядок совершения субъектами избирательного процесса и правоприменительными органами действий по защите избирательных прав граждан. Все процедуры обеспечены гарантиями. Гарантии установлены законом.

Исследование показало, что основными формами защиты избирательных прав выступают: внесудебная, которая осуществляется различными государственными органами, прежде всего избирательными комиссиями; и судебная, которая осуществляется судами общей юрисдикции и Конституционным Судом.

Учитывая, что избирательная комиссия является органом власти, осуществляющим применение избирательного законодательства на практике, и первой сталкивается с различными последствиями его применения, вполне логичным представляется внести в законодательство изменения, разграничивающие вопросы осуществления защиты. То есть должно быть четкое разделение защиты права на судебную и внесудебную. К примеру, полномочия по рассмотрению споров об отказе в регистрации кандидатов, списков кандидатов закрепить за избирательными комиссиями. А обжалование решения подавать в вышестоящую комиссию. Для соблюдения конституционного принципа судебной защиты, предоставить возможность обжалования решений только Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, как конечной инстанции, осуществляющей защиту избирательных прав граждан.

Кроме того, на законодательном уровне следовало бы более четко сформулировать и закрепить перечень действий и решений, которые обжалуются сразу в судебном порядке, без обращения в избирательную комиссию. В настоящее время предоставление возможности обжалования в любой орган – комиссию или судебные инстанции – порождает массу противоречий при разрешении дел. Формирование практики по определенному кругу вопросов будет способствовать единому применению законодательства.

Литература

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник для вузов. – М. : ИНФРА-М, 1998.
3. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. 5.04.2016 года) // Российская газета. – 15.06.2002. – № 106.*
4. О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации : закон Российской Федерации. Ч. 2 ст. 3 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 32. – Ст. 1227.
5. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ (ред. от 05.04.2016) п. 2 ст. 4 // СЗ РФ. – 24.01.2014. – № 8. – Ст. 740.
6. Акчурин А. Р. Порядок защиты избирательных прав граждан в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 202 с.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пп. “а” п. 3.2 ст. 4 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, части первой ст. 10 и части шестой ст. 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Б. Егорова, А. Л. Казакова, И. Ю. Кравцова, А. В. Куприянова, А. С. Латыпова и В. Ю. Синькова» // СЗ РФ. – 28.10.2013. – № 43. – Ст. 5622.
8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 1794-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Евгения Георгиевича Волчева на нарушение его конституционных прав п. 4 ст. 4, п. 2 ст. 16, п. 4 и 17 ст. 17 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, п. 1 и 2 ст. 5, п. 2 и 6 ст. 16 Уставного закона Калининградской области “О выборах депутатов Калининградской областной Думы”, п. 1 и 4 ст. 5, п. 1, 2 и 6 ст. 11 Закона Калининградской области “О муниципальных выборах в Калининградской области”».
9. О жалобе Ларисы Васильевны Шакуровой на решение Избирательной комиссии Тюменской области от 21 августа 2015 года № 145/789-5 и решение территориальной избирательной комиссии города Тобольска от 12 августа 2015 года № 99/362 : постановление ЦИК России от 11 сентября 2015 г. № 307/1761-6 // Официальный сайт ЦИК РФ. – URL: http://www.cikrf.ru/law/decreed_of_cec/2015/09/11/307-1761-6.html (дата обращения: 17.04.2016).

* Ст. 75 п. 8. Предварительное обращение в вышестоящую комиссию, избирательную комиссию субъекта Российской Федерации, Центральную избирательную комиссию Российской Федерации не является обязательным условием для обращения в суд. Пункт 9. В случае принятия жалобы к рассмотрению судом и обращения того же заявителя с аналогичной жалобой в соответствующую комиссию, эта комиссия приостанавливает рассмотрение жалобы до вступления решения суда в законную силу. В случае вынесения судом решения по существу жалобы комиссия прекращает ее рассмотрение.

10. О жалобе Тимербики Аюповны Галимовой на постановление Избирательной комиссии Самарской области от 20 августа 2015 года № 186/1410-5 и решение территориальной избирательной комиссии Кировского района городского округа Самара Самарской области от 2 августа 2015 года № 73/4 : постановление ЦИК РФ от 04 сентября 2015 г. № 305/1749-6 // Официальный сайт ЦИК РФ. – URL: http://www.cikrf.ru/law/decree_of_scc/2015/09/04/305-1749-6.html (дата обращения: 29.03.2016).

11. Сведения о поступивших в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации обращениях о заявленных нарушениях избирательного законодательства в ходе избирательных кампаний в субъектах Российской Федерации по выборам в единый день голосования 13 сентября 2015 года // Официальный сайт ЦИК РФ. – URL: http://www.cikrf.ru/law/decree_of_scc/2015/08/12/296-1708-6.html (дата обращения: 30.03.2015).

12. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. 5.04.2016 г.) // Российская газета. – 15.06.2002. – № 106.

Svetlana Mikhailovna Ioshina,

The Chief of Staff, Sverdlovsk Regional Electoral Commission,
Master of Law (Ekaterinburg)

The Work of Electoral Commissions to Protect the Citizens' Electoral Rights in Russian Federation

The article considers the main features of the citizen's electoral rights protection by electoral commissions. In addition, the authors discuss some of the challenges faced in the electoral commissions functioning.

Key words: electoral law; electoral rights protection; guarantees for the implementation of electoral rights.

**Простое усыновление совершеннолетних,
находящихся под защитой, с точки зрения Конвенции
о защите прав человека и основных свобод****

В статье рассматривается ситуация, когда буквальное следование положениям Французского Гражданского кодекса нарушает право человека на его частную и семейную жизнь и право на усыновление. Эта двойная дискриминация, порождаемая как статьями Французского Гражданского кодекса, так и их интерпретациями, представляет собой нарушение права на уважение к частной и семейной жизни, защищаемого ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ), и в то же время она не учитывает положения ст. 14 той же Конвенции со ссылками на решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). С точки зрения позитивного права и вытекающего из него требования законности, суд вынужден принимать решение, предписанное законом. Однако автор обосновывает механизм принятия судебного решения *contra legem* в ситуациях, когда буквальное следование позитивному праву способно повлечь за собой вопиющую несправедливость, и приводит мотивацию такого решения *de facto* и *de jure*, основываясь как на ЕКПЧ, так и на прецедентах ЕСПЧ. Техника принятия подобных решений может быть использована и российскими судьями в случае, когда буквальное следование позитивному праву будет приводить к нарушению ЕКПЧ. В статье рассматриваются также дополнительные обязательства и полномочия судьи, вытекающие из Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Ключевые слова: права человека; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод; Европейский суд по правам человека; усыновление совершеннолетних; право на частную и семейную жизнь; посягательство на частную и семейную жизнь; согласие на усыновление; интересы личности; интересы общества.

Простое усыновление совершеннолетних, находящихся под защитой, которые не в состоянии дать согласие на свое собственное усыновление, а *prigoi* невозможно с точки зрения позитивного французского права. В действительности, поскольку Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) призывает национальный суд толковать внутреннее законодательство в соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ), необходимо учитывать, что в некоторых случаях французский судья обязан положительно воспринимать заявление об усыновлении находящегося под защитой совершеннолетнего, неспособного дать согласие на свое усыновление. В противном случае, его отказ будет противоречить ст. 8 и 14 ЕКПЧ. Обязанность французских судов толковать ст. 458 Гражданского кодекса Франции (ФГК) в соответствии с Конвенцией, как, впрочем, и все другие французские законы, индуцирует неявно, но неизбежно реальную власть. Для судебной власти пришло время востребовать ее, поскольку эта власть по праву принадлежит ей в соответствии с Конвенцией.

1. На первый взгляд проблематика данного исследования представляется очень технической. На самом деле мы предлагаем, свернув с проторенных тропинок, изменить парадигму, рассматриваемую ЕКПЧ и судебной практикой Страсбургского суда. Уточним опять же, что мы рассматриваем вопрос о простом усыновлении совершеннолетних, находящихся под защитой, которые не в состоянии дать согласие на свое собственное усыновление, как борьбу с позитивизмом, сим-

* **Екатерина Павловна Криеф-Семитко**, д-р права (Франция); почетный профессор УрГЮУ (г. Екатеринбург).

** *Перевод с французского на русский язык В. Д. Бурковой.*

© Е. П. Криеф-Семитко, 2016

© В. Д. Буркова, перевод на русский язык, 2016

птомом слепоты, которая заставляет нас забыть, что закон должен создаваться как можно ближе к идеалу справедливости [33].

2. В связи с этим рассмотрение Закона № 2007-308 от 5 марта 2007 года, реформирующего правовую защиту совершеннолетних [26], показывает, что правовые положения были созданы с целью выполнения рекомендаций Совета Европы, которые ставят во главу принципы «верховенства интересов и благополучия личности» и «уважения к [ее] пожеланиям и [ее] чувствам»¹. Именно с этой перспективой была написана ст. 458 ФГК, ибо она очевидно вписывается в данные рекомендации. Действительно, она излагает, что проведение действий, природа которых строго требует личного согласия, никогда не может позволить помощь или представительство защищаемого лица². Французский законодатель полагает, что защищаемое лицо не может быть принуждено выполнять против его воли строго личные акты, такие как согласие на собственное усыновление³. Эти правовые положения четко нацелены на соблюдение вышеупомянутых принципов, и в частности на уважение к пожеланиям и чувствам совершеннолетних, находящихся под защитой, и, следовательно, на «уважение свобод и человеческого достоинства» [36]. Но это предполагает, что защищаемый человек способен выразить какое-либо согласие. Таким образом, норма, установленная ст. 458 ФГК, а priori соответствуют букве ЕКПЧ. Но что можно сказать об ее духе?

3. Что, если защищаемое лицо не в состоянии выразить такое согласие? Должны ли мы признать, что в этом случае защищаемое лицо никогда не сможет выполнять такие действия, в частности, что оно никогда не сможет воспользоваться правом быть усыновленным, даже если это в его интересах? Законодатель, в отличие от случаев, подпадающих под действие ст. 459 и следующих статей Гражданского кодекса, ничего не предусмотрел для таких обстоятельств. Выразил ли тем самым закон запрет на усыновление совершеннолетних, находящихся под защитой, которые не в состоянии выразить строго личное согласие? Именно с этого вопроса начинается борьба – борьба за права человека, и эта борьба «является постоянной борьбой, повсеместной, индивидуальной и коллективной. Этот вопрос постоянно обсуждается и постоянно возобновляется, не с целью ли, скорее, отточить юридическую технику?» [34, р. 277]. Нет сомнения! На самом деле, если кажется, что закон запрещает усыновление совершеннолетних, находящихся под защитой, которые не в состоянии дать согласие на свое собственное усыновление, необходимо признать, что такая интерпретация не согласуется с ЕКПЧ. Таким образом, судья должен в таких обстоятельствах положить конец спорам, интерпретируя ст. 458 ФГК в свете ЕКПЧ.

1. Французский закон запрещает простое усыновление совершеннолетних, находящихся под защитой, которые не в состоянии дать согласие на свое собственное усыновление

1 (4). Работа по подготовке закона от 5 марта 2007 года показывает, что цель, которую преследовал законодатель, является абсолютно законной в той мере, в какой она способствует уважению защищаемой личности, ее чаяний и чувств. Но формулировка ст. 458 Гражданского кодекса реализует цель законодателя только в тех случаях, когда защищаемая личность в состоянии проявить строго личное

¹ *Блессинг Е.* О проекте закона (№ 3462) о реформе правовой защиты совершеннолетних в Национальной Ассамблее : доклад № 3557, 10 января 2007 г. [2]. – *Здесь и далее названия приводятся в переводе В. Д. Бурковой.*

² Для общего обсуждения см. диссертацию Л. Таларико «Личность находящегося под защитой совершеннолетнего» [38].

³ *Массип Дж.* Согласие находящегося под защитой совершеннолетнего на свое собственное усыновление, которое является сугубо личным актом и не может быть дано вместо него опекуном [32].

согласие. Как обстоит дело с тем находящимся под защитой лицом, которое объективно и, по мнению экспертов, не в состоянии выразить волю касательно своих желаний и чувств? Французский законодатель ничего не предусмотрел для него в данной ситуации. Так что создается впечатление, что закон запрещает простое усыновление совершеннолетних, находящихся под защитой, которые не в состоянии дать согласие на свое усыновление.

2 (5). Таким образом, а priori можно было бы подумать, что с точки зрения позитивного права никто не может усыновить совершеннолетнего, находящегося под защитой, который не в состоянии дать согласие на свое усыновление [38, № 288]. Впрочем, нет никаких сомнений в том, что бывают случаи, когда такое усыновление может быть в интересах совершеннолетнего, находящегося под защитой⁴. Таким образом, в таких случаях, из-за молчания французского закона, принципы примата интересов и благополучия защищаемого взрослого и его право на уважение его чувств прямо и явно нарушены. В то время как находящийся под защитой взрослый не в состоянии дать согласие, он оказывается, в конечном счете, в такой же ситуации, как несовершеннолетний моложе тринадцати лет, который, как считается, не в состоянии дать осознанное согласие, на этом все для него прекращается: он не может законно дать согласие, так что он не может быть усыновлен! Ни одно решение не предлагается, чтобы преодолеть это отсутствие согласия, что обусловлено, следует помнить, только тем, что он не в состоянии дать его, не потому, а не тем, что он отказывается дать его! Бывают обстоятельства, когда это решение буквально возмутительно недостойно, или, как пишет Г. Радбрух, «действующий закон становится столь вопиюще несовместимым со справедливостью, что закон как “несправедливое право” отрицает справедливость» [40, с. 234].

3 (6). Также мы должны рассматривать, по нашему мнению, как нарушение ст. 8 и 14 ЕКПЧ отказ еще одной категории лиц по причине их возраста и инвалидности возможность вести семейную жизнь, которая обеспечила бы им как экономическое, так и эмоциональное равновесие вместе с соответствующей для их личностного развития обстановкой. Потому что на самом деле создание «классов лиц, которым вообще запрещено усыновление, равносильно лишению эффективного инструмента защиты, что противоречит преследуемой законом цели ...»⁵.

4 (7). Поэтому такое толкование неприемлемо в нынешнем состоянии позитивного права в области прав человека. Действительно, это слишком строгое толкование противоречило бы судебной практике ЕСПЧ, которая имеет прецедентное значение, что привело бы к принятию решений, противоречащих положениям ст. 8 и 14 ЕКПЧ.

Тем более что Гражданский кодекс Франции, в действительности, не запрещает напрямую усыновление взрослого человека, который не в состоянии дать явное согласие. Статья 458 Гражданского кодекса запрещает помощь и представительство находящегося под защитой совершеннолетнего в действиях, природа которых предполагает наличие строго личного согласия⁶. Другими словами, в отношении тех актов, таких как согласие на его собственное усыновление, защищаемому лицу никогда не следует иметь помощника или представителя. Оно принимает такие решения только самостоятельно. Тогда возникает проблема: является ли преодолимым не отсутствие, а неспособность защищаемого совершенно-

⁴ Таларико Л. Указ. соч. [38]; Фавье И. Нет простому усыновлению совершеннолетнего без опекуна, если он не в состоянии дать согласие на свое собственное усыновление [24].

⁵ Мюра Р. Невозможность усыновления совершеннолетнего, больного аутизмом, если он не в состоянии дать согласие на усыновление [35].

⁶ Души-Удо М. Усыновление: функция опекунского суда в случаях простого усыновления находящегося под защитой совершеннолетнего [23].

нолетнего продемонстрировать свое согласие по причине инвалидности? В этом случае молчание закона оглушительно. Как некоторые уже отмечали, «напрашивается вывод, что теперь совершеннолетний опекаемый будет легкой мишенью для мошенничества в качестве усыновляющего и не сможет пользоваться защитой, которую он мог бы получить в качестве усыновляемого: прекрасный результат!»⁷.

5 (8). Конечно, еще до реформы закона от 5 марта 2007 года Кассационный суд уже запрещал простое усыновление совершеннолетних, находящихся под защитой, которые не в состоянии дать согласие на свое собственное усыновление [24]. Тем не менее, такое решение нежелательно. Поэтому мы не можем быть удовлетворены! Оно не является ни объективным, ни разумным⁸. Это то, что мы собираемся сейчас рассмотреть.

2. Закон не может проявлять негибкость в запрете на такое усыновление

1 (9). Вполне вероятно, что французский законодатель хотел бы запретить усыновление совершеннолетних, находящихся под защитой, которые не в состоянии дать согласие на свое собственное усыновление, хотя не существует никакого объективного и разумного оправдания для запрета таких усыновлений в целом. Речь идет о парадоксе, который отражает «явное отсутствие баланса между поощрением к независимости и потребности в защите. Обращение к правам человека, несомненно, будет оздоравливающим моментом для всякого уязвимого совершеннолетнего, находящегося под правовым режимом защиты» [39, № 33].

2 (10). На наш взгляд, с учетом положений ЕКПЧ, есть объективные и разумные доводы, связанные с должным уважением, проявляемым французским государством к чувствам защищаемых лиц, как и к чувствам принимающей семьи, поощрять такие усыновления, а не запрещать их. Действительно, семейная жизнь является необходимым и часто достаточным обстоятельством для развития защищаемых лиц, особенно когда они особенно уязвимы по причине их психических расстройств. Исходя из этого, юридический запрет на основании ст. 458 Гражданского кодекса нарушает право на частную и семейную жизнь и порождает неприемлемую дискриминацию.

А. Посягательство на частную и семейную жизнь

3 (11). Статья 458 ФГК в определенных фактических обстоятельствах представляет собой нарушение частной и семейной жизни, в то время как она находится под защитой ст. 8 ЕКПЧ⁹. Действительно, ЕСПЧ считает, в общем, что вопрос о существовании или отсутствии «семейной жизни» является, по существу, вопросом фактическим, который зависит от наличия близких личных связей¹⁰. Он часто напоминает, что понятие «семья», упомянутое в ст. 8, не ограничивается исключительно отношениями на основе брака, но включает и другие связи, которые могут быть названы семейными *de facto*, когда, например, стороны проживают совместно за пределами каких-либо брачных отношений¹¹. Кроме того, Суд

⁷ *Сальваж-Герге П.* Действия, природа которых подразумевает строго личное согласие недееспособного несовершеннолетнего (Гражданский кодекс, статья 458; L. № 2007-308 5 марта 2007 г.): категория, требующая срочного надзора [37].

⁸ *Вассер-Ламбри Ф.* Гражданское состояние находящегося под защитой совершеннолетнего и наднациональное право по правам человека [39].

⁹ Этому вопросу посвящена статья У. Килкелли «Право на уважение частной и семейной жизни. Руководство по применению статьи 8 Европейской конвенции о правах человека» [29].

¹⁰ Постановления ЕСПЧ по делам «Маркс против Бельгии» (13 июня 1979 г., № 6833/74) [7], «К. и Т. против Финляндии» (12 июля 2001 г., № 25702/94) [18].

¹¹ См., например, Постановления ЕСПЧ по делам «Джонстон и др. против Ирландии» (18 декабря 1986 г., № 9697/82) [9], «Киган против Ирландии» (26 мая 1994 г., № 16969/90) [12], «Кроон

полагает, что отношения между родителями и взрослыми «детьми» не пользуются защитой ст. 8 без какого-либо доказательства «существования дополнительных элементов зависимости, кроме нормальных эмоциональных связей»¹². С этой точки зрения Суд предлагает метод определения, являлись ли отношения семейной жизнью в соответствии со ст. 8 Конвенции. В связи с этим Суд отмечает, что необходимо принимать во внимание целый ряд факторов, как например, «живут ли партнеры вместе, и как долго, и имеют ли они совместных детей в доказательство их взаимных обязательств»¹³.

4 (12). Что касается конкретно усыновления совершеннолетнего, Суд вынес решение по вопросу о применении ст. 8 Конвенции, чтобы обеспечить защиту уважения семейной жизни в таких условиях. Таким образом, в одном деле, когда речь шла о семейной паре, где один из партнеров являлся биологическим родителем усыновленного – молодой женщины лет тридцати на момент, когда было принято решение об удочерении, – Суд отметил, что все три заявителя жили вместе с 1986-го по 1992 год, а затем удочеренная ушла из дома, чтобы жить с мужем, с которым она развелась в 1998 году. С 2000 года удочеренная постоянно нуждалась в уходе и поддержке, которые ей были предоставлены усыновителями. Суд заключил на основании этого, что между усыновителями и удочеренной существовала связь, которая может быть классифицирована как семья *de facto*, включая «дополнительные элементы зависимости, кроме нормальных эмоциональных связей»¹⁴. Суд также отметил в этом случае, что если бы удочеренная не была рождена в свободном союзе усыновителей, она считала бы усыновителя своим отцом¹⁵. Таким образом, будущее родство через усыновление – т. е. такое, которое будет создано между кандидатами в усыновители и находящимся под защитой совершеннолетним на основании «взвешенного анализа национального судьи», – защищается ст. 8 ЕКПЧ, если элементы конкретного дела позволяют установить фактическое существование семейной жизни, как это определено судом. Французский судья не может игнорировать этот факт!

Б. Явное различие

4 (13). Статья 458 ФГК, которая требует согласия находящегося под защитой совершеннолетнего на свое усыновление, индуцирует, кроме всего прочего, явное различие между защищаемыми совершеннолетними в зависимости от того, способны ли они выразить явно свою волю; и различие между находящимися под защитой лицами в зависимости от их возраста. Другими словами, положения настоящей статьи создают двойное разграничение, в зависимости от возраста и инвалидности. Действительно, с одной стороны, когда умственно отсталый человек является несовершеннолетним, закон позволяет вмешательство судьи по делам опеки; если же он достиг совершеннолетия, то судья по делам опеки вмешаться не может, чтобы исправить недостатки закона. С другой стороны, когда находящийся под защитой совершеннолетний в состоянии дать согласие на свое собственное

и др. против Нидерландов» (27 октября 1994 г., № 18535/91) [13] и «X, Y и Z против Великобритании» (22 апреля 1997 г., № 21830/93) [10, р. 629].

¹² Постановление ЕСПЧ по делу «Кваки-Нти и Дюфи против Нидерландов» (7 ноября 2000 г., № 31519/96) [17].

¹³ См., например, дела «Кроон и др. против Нидерландов» [13], «X, Y и Z против Великобритании» [10, р. 630].

¹⁴ Постановление ЕСПЧ по делу «Эмоне против Швейцарии» (13 декабря 2008 г., № 39051/03) [4].

¹⁵ См., а *contrario*, Постановление ЕСПЧ по делу «Хаас против Нидерландов» (13 янв. 2004 г., № 36983/97) [5]. Суд считал, что не было никакой семейной жизни, потому что заявитель никогда не жил с сыном и имел с ним только эпизодические контакты. См. также Постановление ЕСПЧ по делу «Сёдербек против Швеции» (28 октября 1998 г., № 113/1997/897/1109) [15].

усыновление, он может воспользоваться простым усыновлением, а в том случае, когда его инвалидность такова, что он не может дать действительное согласие на усыновление, закон не оставляет никакой альтернативы и обрекает этого человека никогда не иметь права на усыновление, а значит, и на семейную жизнь. Эта двойная дискриминация, порождаемая как статьями Гражданского кодекса, так и их интерпретациями, представляет собой нарушение права на уважение к частной и семейной жизни, защищаемого ст. 8 ЕКПЧ, и в то же время она не учитывает положения ст. 14 той же Конвенции¹⁶.

5 (14). Суд считает, что должны существовать особенно убедительные и веские причины, чтобы оправдать такое нарушение в отношении прав, подпадающих под действие ст. 8 ЕКПЧ. Однако таких причин в нашем случае не существует, поскольку французский закон разрешает усыновление несовершеннолетнего с психическими расстройствами на основании решения суда по опеке, что открывает путь для создания семейных отношений путем усыновления умственно отсталых.

6 (15). Таким образом, ограничительное толкование – толкование в узком смысле (*stricto sensu*) ст. 458 ФГК – приводит к дискриминации с ущербом для совершеннолетнего лица, имеющего психические расстройства по причине его возраста и инвалидности, что могло бы привести к вынесению решения ЕСПЧ против Франции на основании ст. 14 ЕКПЧ. Действительно, учитывая судебную практику Суда, кажется, что надо рассматривать применение внутреннего законодательства только в духе ст. 8 Конвенции без какой-либо возможности принимать во внимание положение лиц, от которых внутреннее право требует согласия на их собственное усыновление, хотя они не в состоянии дать его, что несовместимо с требованиями настоящей статьи.

7 (16). С этой точки зрения, чтобы установить справедливый баланс между конкурирующими интересами личности и общества, запрещение усыновления находящегося под защитой совершеннолетнего, который не в состоянии дать согласие на свое усыновление, не должно быть, на наш взгляд, принято к исполнению, если такая мера является несоразмерной преследуемой законом цели. В этом случае речь идет о том, чтобы определить, было ли решение, принятое в связи с конкретной ситуацией данных лиц, необходимым в демократическом обществе. Кроме того, надо задать себе вопрос, было ли оно принято для удовлетворения общественных потребностей и являются ли использованные средства соразмерными преследуемой цели. В связи с этим некоторые уже заявили по поводу реформы 2007 года, что «новый закон призван обеспечить пропорциональность. “Строго необходимые меры“, “строго личные действия” были словами, сказанными для того, чтобы ограничить судью или представителя, чтобы они больше обращали внимание на личность, а не на нормы» [25].

8 (17). Что необходимо сказать? Целью закона в данном случае является уважение желаний и чувств находящегося под защитой совершеннолетнего и его благополучия в целом. С этой точки зрения становится ясно, что полный запрет простого усыновления находящихся под защитой совершеннолетних, которые не в состоянии дать согласие на свое усыновление, является абсолютно непропорциональным или даже в некоторых случаях противоречащим преследуемой законом цели [37, № 6]. Следовательно, французский судья должен толковать ст. 458 ФГК в свете ЕКПЧ и адаптировать эту интерпретацию к рассматриваемым им фактам.

¹⁶ О защите от дискриминации см. «Руководство по европейскому праву в вопросе о недискриминации» [31].

3. Французский судья обязан компенсировать правовой запрет, потому что ЕСПЧ наделил его такой властью

1 (18). Предлагаемая проблематика проста. Можно ли считать, что если закон молчит, то не нужно ничего делать и можно и далее полагать, что невозможно давать разрешение на простое усыновление находящихся под защитой совершеннолетних, которые не в состоянии дать личное согласие? И каким бы ни был исход, возмущающий, поскольку, в конечном итоге, жестокий, настолько его объективность игнорирует чувства, о которых идет речь? Должны ли мы, наоборот, искать другие источники права, которые позволят вынести решение одновременно объективное и разумное, обосновывающее усилия, которые были приложены для обеспечения в рассматриваемом деле разумной соразмерности между используемыми средствами и целью французского закона?

2 (19). Вторая часть альтернативы более согласуется с позитивным правом прав человека и обязательствами, взятыми на себя французским судьей на основании судебной практики ЕСПЧ. Действительно, это дает национальным судьям право толковать правовые положения права в соответствии с Конвенцией¹⁷. Это право порождает обязательство, вернее обязанность, что может, на наш взгляд, рассматриваться в виде конкретного позитивного обязательства, которое Конвенция налагает на государства¹⁸. Исходя из этого, мы предлагаем сначала рассмотреть источники обязательства, возложенного на французского судью, прежде чем предложить несколько оснований для его решения в области простого усыновления совершеннолетних, находящихся под защитой, которые не могут дать согласие на свое собственное усыновление.

А. Источники обязательства, возложенного на французского судью

3 (20). В целом, ЕСПЧ может применяться непосредственно во внутреннем праве, что уже давно признано Кассационным судом Франции¹⁹, но также вменено в обязанность ЕСПЧ²⁰. Однако отдельное толкование ст. 458 ФГК способно нанести ущерб должному уважению к частной и семейной жизни, и в то же время это приводит к дискриминации в отношении права на уважение частной и семейной жизни между находящимися под защитой совершеннолетними в зависимости от того, в состоянии ли они принять решение, которое предполагает строго личное согласие, и теми, кто не в состоянии дать такое согласие. Точно так же данное толкование имеет эффект создания дискриминации между людьми с ограниченными интеллектуальными возможностями в зависимости от их возраста. В самом деле, не существует в данном случае разумной соразмерности между используемыми средствами и преследуемой целью, которая заключается в защите уязвимых совершеннолетних. Хуже того, эта интерпретация приводит к результату, противоположному преследуемой цели, поскольку она не позволяет особенно уязвимым защищаемым лицам иметь когда-либо семейную жизнь в результате простого усыновления.

4 (21). Поэтому такое толкование, по нашему мнению, представляет собой недопустимое вмешательство со стороны публичных властей в осуществление права на уважение частной и семейной жизни в соответствии со ст. 8 ЕКПЧ. Тем не менее, в соответствии со ст. 8, такое вмешательство возможно только при двойном

¹⁷ Постановление ЕСПЧ по делу «Пла и Пенсерно против Андорры» (13 июля 2004 г., № 69498/01) [6].

¹⁸ О позитивных обязательствах см. работу Ж.-Ф. Аканди-Комбе «Позитивные обязательства в соответствии с Европейской конвенцией о правах человека : Руководство по реализации Европейской конвенции по правам человека» [1].

¹⁹ См., например: [22; 28; 3; 27].

²⁰ Дело «Пла и Пенсерно против Андорры» [6].

условии, что оно предусмотрено законом и является необходимой в демократическом обществе мерой, в частности для охраны здоровья или защиты прав и свобод других лиц. Если судья находит, что находящийся под защитой совершеннолетний, например, является фактически членом принимающей семьи, которая желает его усыновить, или что существуют сильные эмоциональные связи в отношении этого семейства, или же что эти связи укреплялись в течение долгого времени, то, по нашему мнению, он должен иметь возможность принять решение о простом усыновлении данного защищаемого лица. Мотивация такого решения должна быть просто сформулирована *de facto* и *de jure*, основываясь как на ЕКПЧ, так и на прецедентах ЕСПЧ. Именно эту мотивацию мы намерены предложить сейчас вашему вниманию.

Б. Основания принятия решения в пользу такого усыновления

5 (22). В области частной и семейной жизни, Суд неоднократно заявлял, что он предоставляет преимущественное право толковать и применять внутренние законы национальным органам и особенно судам²¹. Таким образом, когда последние призваны выносить решения в спорах подобного рода, национальные органы, и в частности суды, пользуются большой свободой усмотрения²². Исходя из этого, проблема посягательства на частную и семейную жизнь может возникнуть только «в случае оценки национальным судьей фактических или юридических элементов национального законодательства, которые бы являлись очевидно необоснованными или произвольными или явно противоречили основополагающим принципам Конвенции»²³. В связи с этим ЕСПЧ указывает, что он в принципе не призван решать чисто частные споры. Тем не менее при осуществлении контроля Суд «не может оставаться инертным при интерпретации национальным судом правового акта, будь то завещательное распоряжение, частный контракт, публичный документ, *положение закона* (курсив наш. – *Е. К.-С.*) или же административная практика, представляющаяся неразумной или произвольной»²⁴ короче говоря, находящаяся в вопиющем противоречии с принципами, вытекающими из Конвенции²⁵.

6 (23). Таким образом, Суд возлагает на национальный суд обязанность толковать внутреннее законодательство в соответствии с Конвенцией в отношении фактов, которые были представлены на его рассмотрение. Тем не менее, если ст. 458 ФГК гласит, что согласие на свое собственное усыновление предполагает наличие строго личного согласия, не допускающее ни помощи, ни представительства защищаемого лица, закон не предусматривает никакой альтернативы в том случае, когда находящийся под защитой совершеннолетний не в состоянии дать согласие на свое собственное усыновление. Кроме того, соблюдение *stricto sensu* этих правовых положений фактически запрещает любую возможность усыновления умственно неполноценного человека, поскольку он не может дать согласие. По нашему мнению, такое применение, несомненно, является возмутительным вмешательством в осуществление прав, гарантированных ст. 8 Конвенции, поскольку такое вмешательство оправдано только в том случае, если оно преследует законную цель и необходимо в демократическом обществе.

²¹ Постановления ЕСПЧ по делам «Винтерверп против Нидерландов» (24 октября 1979 г., № 6301/73) [11], «Иглесиас Хиль и Ауди против Испании» (29 апреля 2003 г., № 56673/00) [16], «Сливенко против Латвии» (9 октября 2003 г., № 48321/99) [20].

²² Постановление ЕСПЧ по делу «Де-Диего Нафрия против Испании» (14 марта 2002 г., № 46833/99) [8].

²³ Дело «Пла и Пенсерно против Андорры» [6, § 60].

²⁴ Там же.

²⁵ Постановления ЕСПЧ по делам «Ларкос против Кипра» (18 февраля 1999 г., № 29515/95) [19], «Негрепонтис–Джаннизис против Греции» (28 ноября 2011 г., № 56759/08) [14], «Пла и Пенсерно против Андорры» [6, § 59].

7 (24). Разумеется, эти правовые положения носят объективный характер, обоснованный необходимостью обеспечить в демократическом государстве примат интересов и благополучия защищаемого лица и уважение к его желаниям и чувствам. Вместе с тем механическое применение ст. 458 ФГК без какой-либо возможности принять во внимание конкретное положение защищаемого лица несовместимо с требованиями ст. 8 и 14 Конвенции. Действительно, суд признает, в общем, что уважение частной и семейной жизни требует учета социальных реалий и обстоятельств дела, чтобы избежать механического и слепого применения закона в каждом отдельном случае. По этой причине Суд установил нарушение ст. 8 Конвенции, когда пренебрежение фактическими обстоятельствами прямо противоположно «пожеланиям заинтересованных лиц и не приносит никому реальную пользу»²⁶.

8 (25). Поэтому правильный баланс между конкурирующими интересами усыновляемого и приемных родителей, с одной стороны, и интересами общества – с другой предполагает, что отказ от принятия заявления об усыновлении находящегося под защитой взрослого, не способного выразить свое согласие, может быть осуществлен только в целях удовлетворения настоятельных общественных потребностей и при условии, что такой отказ пропорционален преследуемой законом цели. Так же, по нашему мнению, неуклонное применение ст. 458 ФГК без учета обстоятельств дела представляет собой нарушение права на уважение частной и семейной жизни как потенциальных приемных родителей, так и защищаемого совершеннолетнего; это происходит всякий раз, когда такая оценка фактов и внутреннего законодательства является явно необоснованной и находится в вопиющем противоречии с фундаментальными принципами Конвенции. Действительно, такое применение будет представлять собой грубое нарушение интимных отношений взаимной привязанности и любви, существующих между кандидатами в усыновители и находящимся под защитой совершеннолетним.

9 (26). Кроме того, такое применение безотносительно к обстоятельствам конкретного дела неизбежно приводит к дискриминации в отношении права на уважение частной и семейной жизни между находящимися под защитой совершеннолетними, в зависимости от того, способны ли они принимать самостоятельные решения, предполагающие строго личное согласие, и теми, кто не в состоянии дать такое согласие. А также, как мы уже говорили ранее, такое толкование имеет еще одним следствием порождение дискриминации между людьми с ограниченными умственными возможностями в зависимости от их возраста. Теперь эта двойная дискриминация является явным очевидным нарушением ст. 8 и 14 Конвенции, поскольку в этом случае не существует разумной соразмерности между используемыми средствами и преследуемой целью. Действительно, такая интерпретация приводит к результату, противоположному преследуемой цели, игнорируя чувства находящихся под защитой совершеннолетних и их благополучие и необоснованно нанося ущерб частной жизни кандидатов в усыновители. Это прямо противоречит пожеланиям потенциальных приемных родителей и защищаемого совершеннолетнего, не принося никому реальной пользы. Исходя из этого, такая интерпретация положений Гражданского кодекса Франции оказывает плохую услугу всему обществу. Это не оправдано ни общественными интересами, ни какой-либо общественной потребностью, ни даже защитой заинтересованного лица.

10 (27). В этих обстоятельствах нет никаких причин отклонять заявление о простом усыновлении находящегося под защитой совершеннолетнего, хотя он и не в состоянии дать согласие на свое собственное усыновление, поскольку это в его интересах. Таким образом, возникло понимание, что лакуны французского за-

²⁶ См. дела «Кроон и др. против Нидерландов» [13, § 40], «Эмоне и др. против Швейцарии» [4, § 86].

конодательства могут быть устранены с помощью комбинированного применения ст. 8 и 14 ЕКПЧ, тем более что Французский Гражданский кодекс, в действительности, не запрещает напрямую усыновление умственно отсталого совершеннолетнего. В ситуации, когда закон молчит, и с учетом положений ст. 8 и 14 Конвенции, судья может вынести решение на основании интерпретации различных правовых положений, относящихся к его решению, сообразно обстоятельствам каждого дела. Это позволит судье придерживаться принципа, установленного в ЕСПЧ, который возлагает на него обязанность интерпретировать внутреннее законодательство в соответствии с ЕКПЧ и адаптировать его к каждому рассматриваемому им делу. Так, судья может разрешить простое усыновление во благо находящихся под защитой совершеннолетних, которые не в состоянии выразить свое согласие, если из обстоятельств дела следует, что кандидаты на простое усыновление уже давно разместили у себя защищаемого совершеннолетнего; что они испытывают по отношению к нему сильную эмоциональную привязанность, воспринимая его в качестве полноценного члена семьи; что поведение защищаемого совершеннолетнего в их доме подтверждает его привязанность к потенциальным усыновителям. Иными словами, французский судья может положительно принять заявление о простом усыновлении защищаемого совершеннолетнего, не способного выразить согласие на свое усыновление, каждый раз, когда *de facto* имеет место семейная жизнь в соответствии с ЕКПЧ, поскольку семейная жизнь защищена ст. 8 Конвенции, которая в иерархии норм находится выше ст. 458 ФГК²⁷.

11 (28). В грядущие времена было бы хорошо поразмышлять о той роли, которую ЕСПЧ отводит национальному судье, роли, которая не чужда французскому законодательству. Судам административным и судам по уголовным и гражданским делам уже, косвенно, рекомендовано взять на себя ответственность за постановление Конституционного Совета от 15 января 1975 года²⁸. Они должны были контролировать соответствие внутреннего законодательства международным договорам или соглашениям, основываясь на ст. 55 Конституции 1958 года, которая предусматривает, что «договоры или соглашения, должным образом ратифицированные или одобренные, приобретают с момента своей публикации силу, превосходящую силу законов, при условии, что каждое соглашение или договор применяются также и другой стороной» [30, p. 256].

12 (29). Но когда речь идет о защите прав человека, осторожность – это не лучший подход. Тем более что ЕСПЧ возлагает на национальные суды функцию контроля за применением местного законодательством в ходе рассмотрения дел. Когда это применение приводит к нарушению прав человека, национальный суд обязан восполнить этот пробел, приняв решение в соответствии с ЕСПЧ. Этот долг гуманности призывает судью держать глаза открытыми, чтобы освободиться от позитивизма, и открывает перед ним новую перспективу – перспективу естественной справедливости, исполненной доброжелательности, а значит, расположенную ближе к истцу. Воплощенная справедливость, очеловеченная, осознавшая, наконец, меру своей независимости, может быть только тогда по-настоящему гарантирована, когда судебная власть получит признание [Ibid., p. 42]. Однако эта власть имеет последствия, поскольку порождает новые, еще более ограничивающие обязательства, ибо будущее «публичных свобод, в конечном счете, зависит от каждого из нас... Как это выражает статуя Бартольди, достаточно размахивать факелом своей свободы, чтобы осветить горизонт общественных свобод...» [Ibid., p. 535].

²⁷ См. дело «Эмоне против Швейцарии» (13 декабря 2008 г.) [4].

²⁸ Постановление Конституционного Совета № 74-54 DC от 15 января 1975 г. (Добровольное прерывание беременности) [21].

13 (30). Исходя из сказанного, какую бы область права мы ни рассматривали, французский судья, воодушевленный своей собственной свободой, должен проявлять свою независимость, изыскивая для каждого рассматриваемого им дела решение, которое находится за пределами позитивного права, поскольку глаза его смотрят в сторону горизонта гражданских свобод. Речь идет именно об естественной справедливости! Той самой, к которой нас призывает Европейская конвенция по правам человека.

Литература

1. Akandji-Kombé J.-F. Les obligations positives en vertu de la Convention européenne des droits de l'homme : Un guide pour la mise en oeuvre de la Convention européenne des droits de l'homme // Précis sur les droits de l'homme. – № 7. – Direction générale des droits de l'homme : Conseil de l'Europe, 2006.
2. Blessing E. Rapport Assemblée Nationale, № 3557, 10 janv. 2007, sur projet de loi (№ 3462), portant réforme de la protection juridique des majeurs, devant l'Assemblée nationale.
3. Bulletin civil, 1992, ass. plén., № 13.
4. CEDH, 13 déc. 2008, № 39051/03, Emonet c/ Suisse : JCP G 2008, I, 110, № 9, obs. F. Sudre ; AJF 2008, p. 76, note F. Chénéde.
5. CEDH, 13 janv. 2004, № 36983/97, Haas c/ Pays-Bas, § 42.
6. CEDH, 13 juill. 2004, № 69498/01, Pla et Puncernau c/ Andorre : JCP G 2005, II 10052, note F. Boulanger.
7. CEDH, 13 juin 1979, № 6833/74, Marckx c/ Belgique : Rec. CEDH 1979, série A, № 31, p. 14 et s., § 31.
8. CEDH, 14 mars 2002, № 46833/99, De Diego Nafria c/ Espagne, § 39.
9. CEDH, 18 déc. 1986, № 9697/82, Johnston et a. c/ Irlande : Rec. CEDH 1986, série A, № 112, p. 25, § 55.
10. CEDH, 22 avr. 1997, № 21830/93, X, Y et Z c/ Royaume-Uni : Rec. CEDH 1997, II, p. 629, § 36.
11. CEDH, 24 oct. 1979, № 6301/73, Winterwerp c/ Pays-Bas : Rec. CEDH 1979, série A, № 33, p. 20, § 46.
12. CEDH, 26 mai 1994, № 16969/90, Keegan c/ Irlande : Rec. CEDH 1994, série A, № 290, p. 17, § 44.
13. CEDH, 27 oct. 1994, № 18535/91, Kroon et a. c/ Pays-Bas : Rec. CEDH 1994, série A, № 297-C, p. 55 et s., § 30.
14. CEDH, 28 nov. 2011, № 56759/08, Negreponis-Giannisis c/ Grèce : JCP N 2012, № 17, 1206, № 10, É. Fongaro.
15. CEDH, 28 oct. 1998, № 113/1997/897/1109, Söderbäck c/ Suède : Rec. CEDH 1998, VII, p. 3095, § 32.
16. CEDH, 29 avr. 2003, № 56673/00, Iglesias Gil et AUI c/ Espagne, § 61.
17. CEDH, 7 nov. 2000, № 31519/96, Kwakye-Nti et Dufie c/ Pays-Bas.
18. CEDH, gr. ch., 12 juill. 2001, № 25702/94, K. et T. c/ Finlande, § 150.
19. CEDH, gr. ch., 18 févr. 1999, № 29515/95, Larkos c/ Chypre, §§ 30–31.
20. CEDH, gr. ch., 9 oct. 2003, № 48321/99, Slivenko c/ Lettonie, § 105 : JCP G 2004, I, 107, № 16, obs. F. Sudre.
21. Conseil Constitutionnel. Décision № 74-54 DC du 15 janvier 1975 (Loi relative à l'interruption volontaire de la grossesse).
22. Cour de cassation, assemblée plénière, 11 déc. 1992, № 91-11.900 et № 91-12.373 : JurisData № 1992-002867.
23. Douchy-Oudot M. Adoption : office du juge des tutelles en cas d'adoption simple d'un majeur protégé : note sous Cassation Ire chambre civile. – 2008. – 8 oct. – préc. : Procédures 2008. – comm. 334.
24. Favier Y. Pas d'adoption simple pour le majeur sous tutelle inapte à consentir à sa propre adoption : note sous Cassation Ire chambre civile. – 2008. – 8 oct. – № 07-16.094 [JurisData № 2008-045278] : JCP G 2009, II, 10012.
25. Fossier Th. La protection de la personne, un droit flexible // Droit de la famille. – 2007. – étude 17.

26. Journal Officiel. – 2007. – 7 Mars. – P. 4325.
27. JurisClasseur Périodique G 1993, II, 21991, note G. Mémeteau.
28. JurisData № 1992-002595.
29. Kilkelly U. Le droit au respect de la vie privée et familiale : Un guide sur la mise en oeuvre de l'article 8 de la Convention européenne des droits de l'homme // Précis sur les droits de l'homme. – № 1. – Conseil de l'Europe, 2003.
30. Lebreton G. Libertés publiques et droits de. – 7e éd. – Paris : Armand Colin, 2005.
31. Manuel de droit européen en matière de non-discrimination / Agence des droits fondamentaux de l'Union européenne. – CEDH – Conseil de l'Europe, 2011.
32. Massip J. Le consentement d'un majeur protégé à sa propre adoption, qui est un acte strictement personnel, ne peut être donné en ses lieux et place par son tuteur // Defrénois. – 2008. – P. 2431.
33. Mazeaud H., Mazeaud L., Mazeaud J., Chabas F. Leçons de droit civil. – T. 1, vol. 1 : Introduction à l'étude du droit. – 12e éd. – Paris : Montchrestien, 2000. – № 17. – P. 48.
34. Morange J. Manuel des droits de l'homme et libertés publiques. – Paris : PUF, 2007. – № 211. – P. 277.
35. Murat P. L'inadoptabilité de l'autiste majeur, inapte à consentir à son adoption : note sous Cassation 1re chambre civile. – 2008. – 8 oct. – préc. : Droit de la famille. – 2008. – comm. 173.
36. Peterka N. Brèves réflexions sur les actes du tuteur // Leçons du droit civil : Mélanges en l'honneur de F. Chabas / études coordonnées par N. Guimezanes. – Bruxelles. – 2011. – № 6. – P. 753–758.
37. Salvage-Gerest P. Les actes dont la nature implique le consentement strictement personnel du majeur en tutelle (C. civ., art. 458 ; L. № 2007-308, 5 mars 2007) : une catégorie à revoir d'urgence // Droit de la famille. – 2009. – étude 17.
38. Talarico L. La personne du majeur protégé : Thèse. – Lyon 3, 2008.
39. Vasseur-Lambry F. Le statut civil du majeur protégé et le droit supranational des droits de l'homme // Droit de la famille. – 2011. – Dossier 3.
40. Радбрух Г. Философия права. – М. : Международные отношения, 2004.

Ekaterina Pavlovna Krief-Semitko,

Doctor of Law (France);

Emeritus Professor at USLU and Liberal Arts University (Ekaterinburg)

A Simple Adoption of the Adults under Protection in Terms of the Convention on Human Rights and Fundamental Freedoms

The article examines the situation where the literal adherence to every letter of French Civil Code violates the man's rights to privacy, family and adoption. This double discrimination caused by the articles of the French Civil Code and their interpretations constitutes the violation of the right to respect for private and family life, which is protected by the Article 8 of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (ECHR). At the same time, it does not take into account the Article 14 of the same Convention invoking judgments of the European Court of Human Rights (ECtHR). In the context of the positive law and, consequently, the legality requirement, courts have to take decisions stipulated by the law. However, the author substantiates the *contra legem* judicial decision in case of taking a literal interpretation of the positive law that can lead to a grave injustice, and describes the motivation of these decisions *de facto* and *de jure*, referring to both ECHR and ECtHR precedents. Judges in Russia can use such decision-making procedures when the literal adherence to the positive law leads to ECHR violation. The article also regards additional obligations and powers of the judge determined by the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms.

Key words: Human rights; the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms; the European Court of Human Rights; adoption of the adults; right to private and family life; infringing on the privacy and family life; consent to adoption; personal interests; social interests.

Конституционно-правовые механизмы защиты прав несовершеннолетних граждан Российской Федерации, воспитываемых за рубежом¹

Одной из тенденций, наблюдаемых в современном обществе, является увеличение числа межнациональных браков. Отличительной чертой подобного союза можно назвать особый процесс воспитания детей, заключающийся в одновременном изучении двух различных культур и религий. Все чаще ребенок – гражданин Российской Федерации переезжает для проживания в страну, являющуюся родиной одного из родителей, и оказывается в чуждой для него среде. В таких условиях ограничение механизмов защиты прав несовершеннолетнего недопустимо, поэтому авторы обращаются к вопросу: как положения Конституции Российской Федерации распространяются на несовершеннолетних граждан Российской Федерации, проживающих в другом государстве? Авторы отмечают определенные недостатки в имеющемся конституционно-правовом механизме защиты ребенка. Одинаковое правовое регулирование данной сферы в отношении взрослого населения и детей является правовой проблемой. Дети обладают равными с взрослыми правами, однако механизмов реализации и защиты прав у них значительно меньше. Авторы считают, что в данном случае необходимо вносить изменения в законодательство, направленные на индивидуализацию данной сферы, позитивную дискриминацию в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: межнациональный брак; конституционные права несовершеннолетних; конституционно-правовой механизм защиты прав ребенка; защита несовершеннолетнего, проживающего за границей.

Исторически сложилось так, что ребенок является наиболее уязвимым к насилию, зависимым от взрослых субъектом, что предопределяет необходимость особого внимания к нему и закрепление специальной защиты его прав и законных интересов. Сегодня защита несовершеннолетних приобрела характер масштабной международной социально-правовой проблемы.

Конституция провозглашает Российскую Федерацию правовым государством, следовательно, права и свободы человека являются высшей ценностью общества. Часть 2 ст. 7 Конституции России провозглашает, что «в Российской Федерации... обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства...»; согласно п. 1 ст. 38 «материнство и детство, семья находятся под защитой государства». Данные конституционные положения являются основой для принятия государством мер по охране прав и законных интересов несовершеннолетних и закрепления правовых механизмов такой охраны.

Конституционно-правовая защита прав и свобод человека и гражданина являлась объектом исследования многих ученых [6; 4], однако необходимо справедли-

* **Ирина Александровна Михайленко**, студентка 4-го курса направления «Юриспруденция», Институт государства и права Тюменского государственного университета (г. Тюмень).

E-mail: iramikhailenko@gmail.com

** **Ольга Андреевна Теплякова**, д-р юрид. наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Институт государства и права Тюменского государственного университета (г. Тюмень).

E-mail: teplyakova.oa@yandex.ru

¹ *Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 14-03-00524 «Защита прав ребенка в русско-финской семье: международные стандарты, межкультурные различия, конституционно-правовое регулирование».*

во отметить, что проблеме механизма защиты прав несовершеннолетних как самостоятельных субъектов прав уделено недостаточно внимания.

В российской науке можно выделить два основных подхода к пониманию конституционного механизма защиты прав несовершеннолетних. Согласно первой концепции, сущность конституционно-правовой защиты ребенка заключается в совокупности норм, регулирующих общественные отношения, связанные с защитой детства, материнства и семьи [3, с. 10; 1, с. 57]. Исследователи, придерживающиеся второго подхода, рассматривают конституционно-правовую защиту как деятельность компетентных органов, должностных лиц и граждан [5, с. 65].

Обе точки зрения по-своему интересны и заслуживают внимания. Однако стоит отметить, что в имеющихся сегодня научных исследованиях нет четкого определения конституционно-правовой защиты ребенка, а представленные позиции характеризуются широкой трактовкой данного термина. Сложившаяся ситуация во многом обусловлена тем, что законодательство, закрепляющее правовой статус несовершеннолетнего, длительное время рассматривалось исключительно в контексте семейных отношений.

На наш взгляд, конституционно-правовую защиту ребенка следует понимать как совокупность закрепляющих статус ребенка как самостоятельного субъекта общественных отношений и устанавливающих основы организации деятельности государственных органов, общественных организаций, осуществляющих правозащитную деятельность, правовых норм, направленных на создание условий, обеспечивающих ребенку высокий уровень правовой защищенности, а также устраняющих препятствия в реализации его субъективных прав.

Все конституционные нормы, определяющие правовое положение несовершеннолетнего, можно условно разделить на три группы.

К первой группе относятся положения, закрепляющие правовой статус несовершеннолетнего, т. е. его права, свободы, обязанности. Необходимо отметить, что Конституция не содержит норм, непосредственно устанавливающих правовой статус ребенка. Закрепленные во 2-й главе Конституции права и обязанности гражданина в равной степени распространяются и на несовершеннолетних. С одной стороны, установление равных прав и обязанностей независимо от возрастного критерия обеспечивает защиту от дискриминации. Но, с другой стороны, учитывая специфику возрастных особенностей ребенка, его уязвимость по сравнению с взрослыми, данную ситуацию можно рассматривать как недостаток правового регулирования, свидетельствующий о низком уровне защиты несовершеннолетних. Обладая равными правами и законными интересами со взрослым населением, несовершеннолетние практически не имеют механизмов реализации своих прав. На наш взгляд, позитивная дискриминация, т. е. принятие мер, направленных на предоставление льгот и преимуществ социально уязвимым группам (в данном случае детям), была бы правомерна. Закрепление в Основном законе специальных норм, определяющих защиту прав детей, будет способствовать гарантированности их статуса. Тем самым Конституция систематизирует права и законные интересы несовершеннолетнего и поднимет защиту прав детей на межотраслевой уровень.

Ко второй группе относятся положения, закрепленные в ст. 2 Конституции (человек (независимо от возраста), его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства), а также положения ст. 7, закрепляющей механизм реализации социальной политики государства в защиту интересов несовершеннолетних. Данные нормы прямо относятся к защите прав и законных интересов детей.

Третья группа норм – это положения Конституции, непосредственно относящиеся к детям (детству) по своему содержанию. К данной группе относится ст. 38, закрепляющая, что материнство и детство, семья находятся под защитой

государства; забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей. Необходимо отметить, что детство упоминается в Конституции только в контексте материнства и семьи, однако можно утверждать, что ребенок все же рассматривается Конституцией как самостоятельный субъект прав.

На фоне развития межгосударственных связей происходит стабильное увеличение числа смешанных (межнациональных) браков, поэтому особый интерес представляют конституционно-правовые механизмы защиты прав ребенка в межнациональной семье.

Межнациональный брак – это супружеская связь, заключенная между лицами разной национальности, процесс социализации которых происходил в разных этнокультурных средах [2, с. 62]. Такие браки являются сложным социокультурным, психологическим феноменом, в такой семье можно увидеть всю сложность межэтнических отношений. Несоответствие традиций, обычаев, культур, подходов к воспитанию позволяет проявиться различным этнокультурным, этнодемографическим, этносоциальным процессам. Наиболее ярко различие ценностных ориентиров проявляется в браке, в котором представители относятся к различным цивилизациям (восточной и западной). Если Восток сохраняет систему ценностей традиционного типа с явно выраженным патриархатом, то для Запада характерны свобода личности и равенство супругов. Принадлежность супругов к различным этническим культурам сказывается на особенностях воспитания ребенка в таких семьях.

Нередким явлением сегодня становится переезд ребенка – гражданина Российской Федерации на постоянное место жительства в другое государство – родину одного из своих родителей. В такой ситуации ребенок попадает в чуждую для себя среду. Подходы к воспитанию, уклад жизни может резко измениться, и уменьшение механизмов защиты прав несовершеннолетнего в такой ситуации только ухудшит сложившееся положение. В связи с этим возникает вопрос: как конституционно-правовые механизмы защиты распространяются на несовершеннолетних, проживающих за границей?

Статья 27 Конституции закрепляет право граждан свободно выезжать за пределы Российской Федерации, а также беспрепятственно возвращаться. Граждане, выехавшие в иностранное государство, попадают под его юрисдикцию. Тем не менее отношения с Российской Федерацией, гражданство которой имеет выехавший, не прерываются. Статья 61 Конституции гарантирует гражданам защиту и покровительство за пределами Российской Федерации. Данные положения в равной степени распространяются как на взрослое население, так и на несовершеннолетних (независимо от возраста).

Содержание защиты и покровительства Российской Федерацией своих граждан, выехавших за границу, можно определить в нескольких аспектах: как конституционный принцип, как обязанность государства по отношению к своим гражданам, как субъективное право гражданина Российской Федерации на защиту и покровительство, как право Российской Федерации по отношению к другим государствам на осуществление защиты и покровительства.

Обязанность обеспечить меры по защите возложена на дипломатические представительства и консульские учреждения Российской Федерации. Они должны содействовать тому, чтобы гражданам Российской Федерации были гарантированы возможность пользоваться в полном объеме всеми правами, установленными законодательством Российской Федерации, нормами международного права, законодательством того государства, в котором проживает либо находится лицо, а также условия для защиты их прав и законных интересов.

Рассматривая нормативную базу конституционно-правовой защиты граждан Российской Федерации за ее пределами, необходимо отметить, что существующая

система норм внутренне не согласована и не представлена единой системой. Имеющаяся законодательная база не может гарантировать выполнение основных направлений государственной политики в отношении граждан, находящихся за границей. Более того, именно механизм реализации конституционно-правовой защиты граждан Российской Федерации, находящихся за ее пределами, является самым слабым звеном из всех элементов защиты в течение длительного времени.

Говоря о конституционно-правовой защите несовершеннолетних, находящихся за рубежом, необходимо вновь справедливо отметить, что данный институт также не содержит какой-либо индивидуализации в отношении особо незащищенной группы граждан. Несовершеннолетние граждане Российской Федерации обладают за ее пределами теми же правами и гарантиями реализации прав, что и взрослое население, однако фактически оказываются лишенными механизмов реализации данных прав, так как в силу возраста не могут самостоятельно обратиться к компетентным в данной области должностным лицам за защитой своих прав. Это еще раз подчеркивает необходимость применения позитивной дискриминации к данной категории граждан.

Подводя итоги всему вышесказанному, хочется еще раз подчеркнуть несовершенство конституционно-правовой защиты несовершеннолетних граждан. На наш взгляд, дальнейшее совершенствование законодательства, направленное на индивидуализацию данного института, будет способствовать обеспечению реальной защиты прав и законных интересов детей.

Литература

1. Абрамян С. К., Коперчак К. О., Рязанцева А. А. Правовой статус ребенка в России // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – № 4. – С. 55–57.
2. Корнюх А. О. Межнациональный брак в контексте изучения трансформационных изменений института семьи и брака // Альманах современной науки и образования. – 2014. – № 12 (90). – С. 62–64.
3. Кузнецова О. В. Конституционно-правовая защита семьи, материнства, отцовства и детства в России : дис. ... канд. юрид. наук / О. В. Кузнецова. – Челябинск, 2004. – 160 с.
4. Лебедев В. А. Конституционные права и свободы : монография. – М. : Проспект, 2016.
5. Снежко О. А. Конституционно-правовая защита семьи // Государство и право. – 2008. – № 2. – С. 63–71.
6. Уваров А. А. Конституционно-правовой механизм охраны и защиты прав и свобод человека // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2010. – № 28-1. – С. 291–295.

Irena Aleksandrovna Mikhailenko,

Law Student, the Institute of State and Law of Tyumen State University (Tyumen)

Olga Andreevna Teplyakova,

Doctor of Law, Associate Professor at Constitutional and Municipal Law Chair,
the Institute of State and Law of Tyumen State University (Tyumen)

Constitutional and Legal Mechanisms to Protect the Rights of Russian Minors Raising Abroad

An increase in inter-ethnic marriage is one of the trends observed in modern society. The characteristic feature of these alliances is a specific child-rearing process, which involves a simultaneous acquirement of two cultures and religions. With increasing frequency, a child – a citizen of the Russian Federation – moves to live in one of his parent's motherland, and finds himself in a hostile environment. In these circumstances, the limitations of this minor's right-protection mechanisms is unacceptable. That is why the authors have addressed the articles of the Constitution of the Russian Federation and investigated how the Minors – citizens of the Russian Fed-

eration living abroad – are subject to the Constitution. The authors notice some weaknesses of current constitutional and legislative mechanisms of child protection. The same legal regulation for both adults and children present a juridical problem. Children have the same rights as adults, but they have much less possibilities to implement and to protect their rights. The authors suggest that legislative amendments will have to be made aimed at the individualization of the area and the positive discrimination in respect of the minors.

Key words: inter-ethnic marriage; the minors' constitutional rights; constitutional and legislative mechanisms of child protection; protection of the minor living abroad.

|| ФИЛОСОФИЯ

К вопросу об основных концептуальных подходах к разработке национальной идеи в России

В статье представлены различные подходы к разработке национальной идеи. Среди них: системный, идеологический, отраслевой, сравнительный, ценностный и др. Национальная идея рассматривается в контексте феноменов национализма и патриотизма. Анализируется политико-правовое наследие И. А. Ильина, в частности его размышления о патриотизме, духовном самоопределении, национальных сокровищах, духовно-национальном воспитании. Автор статьи обращается к известным в российской истории триадам, составляющим национальную или религиозно-национальную идею. Наряду с этим в статье предлагаются базовые принципы (формулы новых триад, воплощающих приоритеты демократического развития России) для конструирования национальной идеи.

Ключевые слова: национальная идея; ценности; патриотизм; национальные сокровища; приоритеты; традиции.

Поиски национальной идеи волнуют представителей любого государства и гражданского общества. И каждый раз, когда возникают тенденции к расколу, децентрализации, опасность гражданской войны или революции, внешней агрессии, любое общество и государство нуждаются в объединяющей основе, цементирующем фундаменте, которым чаще всего и выступает национальная идея, призванная разрушить или укрепить традиции, возродить старые или создать новые ценности и идеалы.

Национальная идея неизбежно является отражением национальной культуры, поэтому со сменой ценностных ориентиров в политике, экономике, духовной сфере, менталитете, с появлением новых лидеров, формированием новых традиций меняется как сама культура (духовная, политическая, правовая, социальная, экономическая, национальная), так и ее квинтэссенция – национальная идея.

В разные периоды формирования и развития той или иной страны национальная идея может быть сформулирована идейными лидерами общества и государства как национальный девиз или принцип, идея объединения, или так называемый код успешности, популярный и известный всему миру бренд в политике или культуре.

Среди основных концептуальных подходов, которые были или могут быть использованы при разработке национальной идеи, уместно, по нашему мнению, отметить следующие:

1) ценностный, при котором в основе рассмотрения национальной идеи – триада или целый комплекс характерных, традиционных для данной нации/народа ценностей (свобода, справедливость, правда, равенство, достоинство личности, равенство прав и возможностей, права человека, верховенство закона, законность, верховенство права, правопорядок, духовность, народность и др.);

2) отраслевой – исторический, психологический, культурологический, правовой, экономический, политологический и др.;

3) сравнительный и/или бинарный подход, предполагающий противопоставление или сравнение разных оснований, и в результате выбор для политики объе-

* Светлана Игоревна Глушкова, д-р полит. наук, завкафедрой прав человека, директор Центра правового просвещения и прав человека Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), приглашенный профессор Университета Париж-Запад (Франция).

динения общества и государства в данный период той или иной бинарной позиции: новации или традиции, прогресс или регресс, мораль или право (для тех, кто до сих пор противопоставляет эти феномены), политика агрессии или пацифизм, насилие или ненасилие, свобода или зависимость, права человека или права государства, дух и вера или атеизм, политкорректность или правда, политика возрождения или выживания, приоритет коллектива или индивида, персонцентристский или социоцентристский подход и др.;

4) миссионерский, когда данная нация и конкретная страна рассматриваются как новая миссия для трансформации мира в настоящем или будущем: такой подход достаточно опасен, и история имеет печальные уроки и огромные разрушительные последствия попыток реализации такой миссии;

5) стратификационный подход, который предполагает создание национальной идеи для той или иной страты, социальной группы, класса, имеющего узкогрупповую заинтересованность в реализации той или иной национальной идеи;

6) системный подход, который предполагает формирование и развитие в данной стране усилиями объединенной нации той или иной политической или правовой системы, например демократической политической и правовой системы;

7) идеологический подход, в основе которого преобладают консервативные, либеральные или радикальные идеологические установки и приоритеты в политике, экономике, культуре и правовой сфере;

8) интернациональный или националистический подход, при этом последний предполагает исключительность народа или нации по сравнению с другими народами и нациями (такой подход слишком опасен, особенно в настоящее время, в связи с миграционным кризисом в Европе);

9) мультикультурный подход, рассматривающий возможность достижения в настоящем и будущем диалога культур, народов, личностей (крах политики мультикультурализма в европейских странах не мешает, тем не менее, оставлять данный подход среди рассматриваемых в данном ключе);

10) медиативный подход, содержащий в своей основе идею примирения (медиации) народов, социальных групп, классов и страт в обществе, а также идею примирения и единения, взаимодействия на партнерских началах общества и государства.

В разные исторические периоды развития России использовались те или иные подходы к формированию национальной идеи, но основной линией в поиске такой идеи в соответствии с конкретной исторической ситуацией всегда был аргумент в пользу объединения, консенсуса, позже (уже в конце XX – начале XXI века) – диалога. Хотя обоснование необходимости объединения, достижения консенсуса или диалога серьезно отличались друг от друга, как и те меры, инструменты и ресурсы, которые использовались для достижения объединения или диалога.

Что такое национальная идея, как она связана с национализмом и патриотизмом? Сегодня многие снова задаются этим вопросом, так как сами понятия «национализм» и «патриотизм» рассматриваются в XXI веке больше с негативной стороны. Национализм чаще всего предстает в сознании современного человека в образе «больного», извращенного национализма, который выражается, например, в лозунге «Россия для русских». Патриотизм часто упоминается с характеристикой «хваленый», т. е. ненастоящий, наигранный патриотизм, проявленный не к месту и не ко времени.

Хотя мы можем отметить, что истинные проявления чувства патриотизма и единства с российской многонациональной и мультикультурной нацией мы проявляем достаточно часто и в определенной степени закономерно, по крайней мере

в ряд многих памятных исторических и знаменательных дат нашего Отечества (например, юбилей Победы в Великой Отечественной войне).

В связи с этим особый интерес представляет анализ феномена патриотизма И. А. Ильина, который отмечал в работе «Общее учение о праве и государстве»: «Человек может прожить всю жизнь в пределах своего государства и не обрести своей родины, так что душа его будет до конца патриотически пустынна и мертва, и эта неудача или неспособность приведет его к своеобразному духовному сиротству, к творческой беспочвенности и бесплодности. Ибо обретение родины есть акт духовного самоопределения, указывающий человеку его собственную творческую почву и обуславливающий поэтому духовную плодотворность его жизни...» [1, с. 298].

Приоритет моральных, а не правовых регуляторов жизнедеятельности общества и государства традиционно развивали в российской общественно-политической и политико-правовой мысли представители консервативных, либеральных и радикальных течений, сторонники славянофильства и западничества.

Эти идеи разделяли и представители русского зарубежья, видевшие в духовной России особую миссию на земле и развивавшие идеи патриотизма и национализма, политософию евразийства.

Среди представителей русского зарубежья одной из ярких фигур, к творчеству которой мы всё чаще обращаемся в России начала XXI века, является Иван Александрович Ильин (1883–1954), рассматривающий Родину как «живую духовную силу». В работе «Путь духовного обновления» он вводит новые категории в своей концепции патриотизма: духовное питание, живая сила добра, духовная энергия, духовная жизнь Родины. Настоящий патриот, по его мнению, «видит не только духовные пути своего народа, но и его соблазны, слабости и несовершенства» [2, с. 237]. Одним из таких соблазнов он считает распространенные попытки оправдания своего народа и возложения ответственности за все его беды на враждебные внешние или внутренние силы.

История знает, к сожалению, много примеров создания расовых, националистических, классовых идеологий на основе следования соблазну оправдания своего народа и поисков врагов народа, агентов, космополитов и др.

Размышляя о том, как воспитывать истинных патриотов, как прививать любовь к Родине, Ильин называет национальные сокровища для духовного и культурного обогащения, которые должны быть доступны каждому в своей стране с раннего детства и которым надо обучать детей с самого раннего возраста, в частности родной язык, песни, молитвы, сказки, жития святых и героев, поэзия, история, армия, территория, хозяйство. Именно они, по его мнению, являются источниками национальной силы и славы. И учителя истории должны учить детей уважать и любить эти источники, эти национальные сокровища. Духовно-национальное воспитание, по мнению Ильина, должно закладывать основы духовной почвенности и хозяйственного патриотизма [2, с. 241–251].

Можно во многом согласиться с И. А. Ильиным. Действительно, нам нужно сохранять и приумножать наши национальные сокровища, чтить исторические национальные и семейные традиции и праздники, приобщать наших детей и молодежь к уважительному отношению к своим национальным и семейным истокам и сокровищам российского культурного наследия, продвигать свои культурные традиции в условиях засилия информационного шума и навязывания нам, как потребителям информационных услуг, чуждых традиций и мнимых ценностей.

Именно в духовных и культурных истоках, в ценностных ориентирах исторической памяти, исторического предназначения и исторической судьбы Российского государства, общества и народа и необходимо искать основы национальной идеи.

В России, в частности в имперской истории, и православной летописи и иконописи, уже были известные триады, олицетворяющие национальную или религиозно-национальную идею, в частности: «Православие. Самодержавие. Народность», «Вера. Надежда. Любовь». Были популярными и распространенными в нашей истории и лозунги, ставшие в определенные исторические периоды развития России своеобразными выражениями национальной идеи («За царя и Отечество», «За Родину, за Сталина!», «Россия, вперед!», «Боже, храни Россию!», «Пока мы едины, мы непобедимы!» и др.). Ряд из них нередко вспоминали и видоизменяли (особенно политики, манипулируя сознанием народа), использовали в XX – начале XXI века согласно той или иной исторической или политической обстановке в России.

По нашему мнению, национальная идея в современном обществе и государстве должна отражать те стремления и ценности в политике, экономике, социальной, духовной, культурной, правовой политике, политической и правовой культуре, которые существуют в настоящее время и нацелены на прогрессивное, здоровое развитие нации, благополучие человека и уважение человеческой личности, на достойное существование каждого человека. В начале XX в. именно это право – право на достойное существование было выдвинуто философом В. С. Соловьевым и развито правоведом П. И. Новгородцевым, основателем в России школы «возрожденного естественного права», который придал юридическое обоснование этому основному праву человека.

Проблема многих демократических государств, которая существует и в России и препятствует поступательному развитию по избранному пути, – это проблема социального неравенства. Высокий уровень коррупционности, клановость, часто сохраняющийся дисбаланс между преступлением и наказанием в отношении элитарных групп – эти и многие другие факторы, сохраняясь в современной России (как и во многих других молодых демократиях мира), тормозят развитие демократической стратегии России от социоцентризма к персонцентризму, от социоцентристской к персонцентристской (человекоцентристской, персоналистской) правовой культуре (в центре которой – уважение к человеческой личности, прежде всего уважение достоинства личности), по пути к развитому правовому государству и гражданскому обществу.

При формировании национальной идеи в современной России было бы неверным ограничиваться сведением ее сути до одной нации, одной страны, представляя саму идею однообразным и ограничительным национальным лозунгом «Одна нация. Одна идея. Одна страна. Один язык». Ибо такое ограничение опасно доведением уровня развития политической и правовой системы до абсурда авторитарного или тоталитарного режима, когда в условиях многонациональной страны только один язык и одна культура будут иметь неоправданный приоритет и государственную поддержку, а в политике только один человек, один лидер будет олицетворяться с целым народом и огромным государством. Такую негативную практику монополизации, узурпирования государственной власти мировая история знает на примере тоталитарных режимов XX века. Нельзя допускать повторения и возрождения подобной практики, которая часто сопровождается уничтожением, истреблением целых наций, этносов, народов, национальных меньшинств, человеческих поколений, национальных и культурных ценностей целой цивилизации.

В национальной идее России необходимо отражать стратегические цели развития России, которые объединяют представителей общества и государства. К ним прежде всего, по нашему мнению, относятся:

в политической сфере – демократия и демократические ценности (главная из которых – сам человек с его свободами и равенством возможностей в государстве

и обществе, индивидуальные таланты и особенности, физические и интеллектуальные ресурсы каждого человека, максимально возможные и доступные пути реализации своих ресурсов как в своей стране, так и за ее пределами);

в правовой сфере – верховенство права и закона, развитие правовой культуры, продвижение и поощрение ценности прав и свобод человека, соблюдение, обеспечение и защита прав и свобод человека и гражданина (прежде всего, «права на права» (С. С. Алексеев)), в первую очередь права на достойное существование;

в культурной сфере – сохранение и приумножение национальных и семейных традиций, обеспечение открытого и равного доступа к культурным ценностям и всем уровням образования, поддержка и активная реализация государственной политики «образование для всех», предполагающей формирование устойчивой системы непрерывного образования человека (от младенческого возраста всю жизнь, включая пенсионный период и пожилой возраст);

в экономическом и социальном развитии – уважение человеческого достоинства, экономической и социальной свободы человека, поддержка здорового образа жизни, полной и здоровой семьи. При этом важно, чтобы государственная политика основывалась на гуманистических ценностях, антидискриминационных принципах, прежде всего на уважении человеческого достоинства не только зрелого и здорового человека, но и человека любого возраста, в том числе человека с ограниченными возможностями.

Большое значение в продвижении национальной идеи России, развитии патриотического воспитания и правового образования детей и молодежи, а также взрослого населения имеет образовательная политика государства, в которой должны быть реализованы, по нашему мнению, следующие принципы: доступность, эффективность, ненасилие, уважение личности, четкая ориентация в мире информации и умение работать с информацией, формирование знаний, умений и навыков по соблюдению, обеспечению и защите своих прав и свобод в любой ситуации и любом возрасте.

Среди возможных триад, воплощающих суть национальной идеи России в настоящее время, можно было бы предложить для обсуждения и возможной общественной дискуссии, как на полях данного журнала, так и в формате круглых столов, семинаров, научно-практических конференций, следующие:

1. Духовные и семейные традиции. Верховенство права и закона. Развитие человека.
2. Духовность. Равенство прав и возможностей человека. Сохранение и приумножение исторических традиций, культурных ценностей.
3. Демократия. Уважение человека. Сохранение традиций.
4. Благополучие и здоровье человека. Демократическое развитие государства. Сохранение национальных традиций и культурных ценностей.
5. Здоровая и процветающая Россия. Правовое государство и гражданское общество. Уважение культурных и духовных традиций народов России.

Литература

1. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве. – М. : АСТ Москва : Хранитель, 2006. – 510 с.
2. Ильин И. А. Путь духовного обновления. – М. : АСТ, 2003. – 365 с.

Svetlana Igorevna Glushkova,

Doctor of Political Science, Head of Human Rights Chair,
Director of the Centre for Human Rights and Legal Education,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg);
Visiting Professor of Université Paris X – Nanterre (France)

On Basic Conceptual Approaches to Russian National Idea Development

The article presents different approaches to the national idea development. There are system approach, ideological approach, sectoral approach, comparative approach, value approach, etc. among them. The national idea is considered in terms of nationalism and patriotism phenomena. The study analyzes the political and law heritage of I.A. Il'in, particularly, his contemplations of patriotism, spiritual self-determination, treasures of the nation, spiritual and national education. The author refers to the triads, known in the history of Russia, which expressed the national or religious ideas. Alongside with this overview, the article suggests some basic principles for developing the national idea (the formulas of new triads reflecting the democratic development priorities).

Key words: national idea; values; patriotism; treasures of the nation; priorities; traditions.

К вопросу о религиозно-философском контексте софиологической символики в поэзии Вяч. Иванова: иудаистические параллели

В статье предпринимается попытка сопоставления софиологической символики в поэзии Вячеслава Иванова с концепцией Шехины (Божественного присутствия), играющей важную роль в иудейской мистике. В центре внимания – параллели между мифом о Шехине и образностью Вечной женственности, а также связанными с ними мотивами «славы» и «прозрачности» у Вячеслава Иванова.

Ключевые слова: софиологическая символика; символическое подобие; Вечная женственность; София; мариология; иудейская мистика; Шехина.

Известно, что иудейская мистика не входила в ряд первостепенно значимых для Вяч. Иванова интеллектуальных традиций. Однако нельзя сказать, что она оставалась в стороне от его интересов: некоторые стихотворения (в частности, входящие в состав мелопеи «Человек»), а также неоконченная «Повесть о Светомире царевиче» включают в себя отчетливо звучащие иудаистические мотивы, почерпнутые, вероятнее всего, не из аутентичных источников, а из так называемой европейской каббалы. В. Паперный в работе, посвященной отношению поэта к «еврейскому вопросу», отмечает: «Иванов высоко ценил не только иудейскую мистику языка (которая, напомним, находит отражение в стихотворении “Встретив брата, возгласи...” из второй части “Человека”. – Н. Б.), но также и в целом еврейскую мистическую традицию, хотя знал ее довольно поверхностно, фрагментарно, как бы “из вторых рук”. Он использовал в своих мифопоэтических построениях целый ряд мотивов, восходящих к иудейской мистике, и считал, что “тайны”, открываемые ею, составляют существенную часть универсального тайного знания (гнозиса) о Боге, мире и человеке» [38, р. 98–99].

В предлагаемой статье будут рассмотрены некоторые иудаистические параллели к символике Софии в поэзии Вяч. Иванова или, точнее, приметы сходства между этой символикой и чрезвычайно важной для иудаизма концепцией Шехины – Божественного Присутствия. Следует сразу же отметить, что речь пойдет не столько о прямых аллюзиях или цитатах, сколько о таких аналогиях, которые, оставаясь для самого Вяч. Иванова либо неочевидными, либо не очень значимыми, в сознании читателя могут быть актуализированы как элементы некоего «объективного» (т. е. существующего в известном смысле помимо воли автора) контекста ивановской «поэтической софиологии».

В интерпретации софийной символики (и, прежде всего, самой Софии как философско-поэтического символа) Вяч. Иванов исходит из принципа, сформулированного им в статье «Две стихии в современном символизме»: «Подобно солнечному лучу, символ прорезывает все планы бытия и все сферы сознания и знаменует в каждом плане иные сущности, исполняет в каждой сфере иное назначение. <...> В каждой точке пересечения символа, как луча нисходящего, со сферой сознания он является знаменем, смысл которого образно и полно раскрывается в

* **Никита Львович Быстров**, канд. филос. наук, доцент кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

E-mail: nikita-bystrov@yandex.ru

соответствующем мифе» [12, II, с. 537]¹. Символ, воплощенный в каком-либо образе, должен быть строго соотнесен с тем или иным предметом (другими словами, он всегда есть символ чего-то определенного – змеи, Солнца, розы и т. п.). Но сам по себе он – чистая стихия «ознаменования» и потому не имеет ни ограниченного числа значений, ни единственного, раз и навсегда данного, имени (объективирующей понятийно-образной формы). Значения и имена он обретает в движении сквозь разные слои и аспекты культуры («сферы сознания»), в чередовании сменяющих друг друга мифов, каждый из которых представляет собой его частное (но не частичное) осуществление.

Именно так существует в истории культуры и символ Софии: Вяч. Иванов узнает ее «под разными именами, символами, космогоническими обозначениями: Хохма каббалистов, Ахамот гностиков, Дева Света мандеев, мистическая Роза суфийской поэзии и европейских средневековых легенд» (IV, 382). За этими именами-символизациями угадывается уже не просто имя, равноправное с другими, а скорее исконная причина всякого именованья – Премудрость Божия (по словам О. Дешарт, «В. И. узнал в ней нетварную Премудрость» (I, 108)). Показательно в этом смысле, что Вяч. Иванов не ставит собственные софиологические интуиции в прямую зависимость от каких бы то ни было известных ему учений и мифов о Софии, в частности от софиологии Соловьева (хотя «обручением с Единой», как сказано в адресованном Блоку стихотворении из сборника «Нежная тайна», он обязан именно автору «Трех свиданий»).

Из тех философских определений Софии, которые встречаются в процитированной выше статье о Лермонтове и в некоторых более ранних текстах (например, в «Заветах символизма»), можно привести следующие: София – «форма зиждущая, forma formans, вселенной в Разуме Бога» (IV, 379) и «...она есть совершившееся единение твари со словом Божиим» (IV, 382–383). Вариантом второго определения является дефиниция, сообщенная, очевидно, в устной форме и приведенная О. Дешарт в примечаниях к статье «О значении Вл. Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания»: «Там, где Логос касается материи – там и София» (III, 762). Иначе говоря, София есть грань, связующая Логос и материю, момент единства между вечным и временным, «ноуменальным» и «феноменальным». Она – совершенная гармония онтологически различного, и она же – закон такой гармонии; в ней – не только со-бытие всего со всем, но и неизменный прообраз любого со-бытия.

Впрочем, как бы ни были важны эти определения, софиология Вяч. Иванова в его теоретических работах находит лишь самое общее и к тому же весьма фрагментарное обоснование. Так что если иметь в виду под софиологией систематически разработанную и изложенную в строгих понятиях философскую концепцию, то как раз такой софиологии у него нет. Есть ряд положений, в совокупности составляющих по-своему цельный «каркас» текстуально неоформленной теории, но воплощаемых и развиваемых (вернее, обретающих более или менее внятный отзвук) вне пределов логико-понятийного дискурса – в поэзии: недаром в одном из стихотворений «Римского дневника 1944 года» сказано, что у Софии с поэтом «больше лада», чем с «мудрецами», чье внимание отдано абстракциям «закона и строя».

Поэтический миф о Софии, создаваемый Вяч. Ивановым, в своем движении сквозь многогранную и многосмысленную символику его стихов, во взаимодействии с другими «авторскими мифами» развертывается в целостную систему софийной поэтики, или, лучше сказать, поэтики софийности. Думается, это понятие –

¹ Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи в круглых скобках, с указанием только тома римской цифрой и страницы – арабской. Курсив везде, кроме особо оговоренных случаев, наш.

софийность (интуитивно постигаемая причастность мира к Софии)² – довольно точно характеризует ту первоосновную бытийную гармонию (в терминах Вяч. Иванова – «реальнейшее», *realiora in rebus*), на которую прямо или косвенно указывают многие сюжеты и мотивы его поэзии:

...Исконное – и чуждое, не наше –
то бытие, подобное по край
Наполненной, покоящейся чаше (III, 534).

Софийная реальность складывается из символических проявлений одного и того же события – «касания» материи Логосом. Поэтому софийным можно называть все то, в чем обнаруживает себя это «касание» или, говоря определенной, то, чем означена граница между пребывающим и становящимся, – граница, которая в поэтическом мире Вяч. Иванова не разделяет, а, скорее, соединяет все мнимо разобщенные элементы сущего, наглядно утверждая их неизменное, ничем не нарушаемое согласие. Эта «пограничная» реальность для Вяч. Иванова настолько неиллюзорна, что оказывается едва ли не в большей степени предметом чувственного восприятия, нежели интеллектуального созерцания: «Она (София. – Н. Б.) не покидает этот мир и *чистому глазу видна непосредственно*» (IV, 383)³. Видимая гармония бытия (как бы проблеск того «нового мира с искупленной Красотой», которое «сердце увидеть хочет»⁴), при отчетливом акцентировании ее видимости, непосредственной зримости, – устойчивый и, что существенно, порой соотносимый с символикой Вечно-женственного, мотив ивановской лирики:

Какой прозрачный блеск! Печаль и тишина...
Как будто над землей незримая жена,
Весы хрустальные склоняя с поднебесья,
Лелеет хрупкое мгновенье равновесья... (III, 515).

Твоя ль голубая завеса,
Жена, чье дыханье – Отрада.
Вершины зеленого леса,
Яблони сада

Застлала пред взором, омытым
В эфире молитв светорунном,
И полдень явила повитым
Ладаном лунным?
<...>

² Это понятие особенно широко использовалось С. Н. Булгаковым. Ср., например, его суждение о софийности творчества: «Оно метафизически обосновывается реальной причастностью человека к Божественной Софии, проводящей в мир божественные силы Логоса и по отношению к природе как продукту имеющей значение *natura naturans*» [4, с. 158].

³ На первичность непосредственного зрения-узрения (сближающегося с «прозрением», как в стихотворении «Красота»: «Кто мой лик узрел, / Тот навек прозрел, / Дольный мир навек пред ним иной») у Вяч. Иванова указывает Н. В. Котрелев: «*Рассуждение*, работа *мысли* могут углубить, уточняя, смысл постигнутого, но только в силу того, что общее, целое уже схвачено в первичном акте *узрения*» (выделено автором. – Н. Б.) [14, с. 9].

⁴ См. стихотворение «Звездное небо» из книги «Кормчие звезды» (I, 526). Стоит отметить, что, по словам Памелы Дэвидсон, его последние строки, «...Новый мир увидеть хочет / С искупленной Красотой», представляют собой некую «софиологическую сентенцию», поскольку «Иванов, следуя Соловьеву, ассоциирует Красоту с Софией, как это видно, например, из стихотворения «Красота»» [32, р. 155].

Еще окрылиться робело
Души несказанное слово, –
А юным очам голубела
Радость Покрова.

*И долго незримого храма
Дымилось явленное чудо...* (II, 279–280).

В стихотворениях, так или иначе затрагивающих софийную тематику, Вяч. Иванов, как правило, избегает слишком явного олицетворения и вообще какой-либо «психологизации» Вечной женственности. Нередко он ограничивается простым указанием на ее *присутствие*:

*И она, улыбаясь, проходит мимо нас
Через тишину. Тишина таит богов...* (I, 740).

*Ты с нами, незримая, тут;
А мы унываем, не зная
Той нити, что силы прядут.
Томит нас неволя земная.
А ты, несмутимая, тут...* (III, 539).

Это – присутствие, непосредственно воспринимаемое (хотя и почти лишенное признаков персонифицированности), непреложное, всегда уже данное, – именно присутствие, но не ожидание «Ее шагов», не призывание, не томительное всматривание в ту даль, откуда «Она» должна явиться (как, например, в «Стихах о Прекрасной Даме» Блока). Такое впечатление, что именно это присутствие и является основным предметом «поэтической софиологии» Вяч. Иванова и что внимание поэта сосредоточено не столько на образе той, *кто* присутствует, сколько на самом факте ее интуитивно очевидного пребывания («она... проходит мимо нас», «ты с нами», «ты... тут»), на ее имманентности миру (притом что ее образ может быть недвусмысленно соотнесен и с самой Софией-Премудростью, и с Девой Марией, и с Мировой Душой, и с другими воплощениями Вечно-женственного).

Здесь и возникает пусть не обязательная, но все же, как представляется, вполне уместная аналогия между ивановской Софией (со всей ее «многоименностью») и мифопоэтическим символом Шехины. По определению, данному в «Энциклопедии иудаики», Шехина – это «сверхъестественное Присутствие Бога в мире», или «Бог, видимый в пространственно-временных условиях “здешнего” бытия – как присутствие, которым Он освящает какое-либо место, объект, индивидуального человека или людей в целом, как откровение святости посреди профанного мира» [33, р. 440]. В каббалистической теософии Шехина «является последней из сфирот (т. е. отождествляется со сфирой Мальхут. – *Н. Б.*), посредствующей между небесами и землей, и служит как бы оком или дверью, через которые мистик может достичь созерцания Бога» [Ibid., р. 443].

Поскольку формы Божественного присутствия многообразны, Шехина предстает в разных обликах. «Авторы раввинистических трактатов, – пишет Джошуа Абельсон, – выражают свои представления об имманентности Бога (Immanence of God) в образе материального света. Шехина есть вселенский свет» [31, р. 31]. Этот свет, в свою очередь, ассоциируется со Славой Божией; ср., например, в трактате «Авот де-рабби Натан»: «“И вот слава Бога Израиля шла от востока, и глас Его – как шум вод многих, и земля осветилась от славы Его” (Иез. 43:2) –

слова ... «осветилась от славы Его» *указывают на лик Шхины*» [24, с. 80]⁵. Кроме того, Шехина нередко представляется в образе облака [31, р. 92–93] (также соотносимого с Божественной славой), в облике некоей одушевленной сущности, обладающей крыльями (в числе устойчивых выражений: «крылья Шехины», «быть под крылом Шехины» [Ibid., р. 89–90]), в виде поля, расцветающего розами среди пустыни [Ibid., р. 97], и т. д. Наконец, под влиянием идей, изложенных в книге «Зогар» (в/п XIII в.), утверждается понимание Шехины как Женственного начала в Боге, которое, будучи тождественным последней, «низшей» из десяти сфирот, соответствует «границе» между Богом и творением и обеспечивает Его присутствие в мире (функция, типологически сближающая Шехину с Софией христианской традиции)⁶. В этом качестве она – «не только Царица, Дочь и Невеста Бога, но и праматерь каждого индивидуума во Израиле» [29, с. 289]⁷. Гершом Шолем называет ее «символом “вечной женственности”» [Там же], а в «Энциклопедии иудаики» говорится о том, что «ее популярность в каббале формируется, возможно, не без влияния культа Девы Марии» [33, р. 443]⁸.

Согласно каббалистическим представлениям, отразившимся также в народных верованиях, актом грехопадения Адама и Евы Шехина «изгоняется» из мира, в силу чего утрачивается возможность ее непосредственного постижения. Йосеф Джикатила, философ XIII в., объясняет это так: «В начале творения сердцевина Шхины находилась в низших сферах. И так как Шхина была внизу, небо и земля составляли единство и пребывали в совершенной гармонии. Родники и каналы, через которые все из верхних сфер стекает в нижние, еще действовали полностью и беспрепятственно, и, таким образом, Бог заполнял все сверху донизу. Но когда явился Адам и совершил грех, порядок вещей превратился в беспорядок, и небесные каналы разрушились» (цит. по: [29, с. 290])⁹. В мире, пораженном грехом

⁵ «Шхина» (с ударением на втором слоге) – форма допустимая и даже более адекватная оригинальному произношению, чем «Шехина». Возможна и другая, тоже грамматически оправданная форма – «Шекина».

⁶ Еще в трактате «Сефер а-Бахир» (приписывается Нехунии бен а-Кану, I в. н. э., но создан, видимо, в XII в.) различаются Шехина «внизу» (именно на «границе» между Богом и миром) и Шехина «вверху» (в мире Божественном): «Шехина внизу – так же, как и Шехина вверху, и что (есть) эта Шехина? Это возвышенный (לְעֵלָה) свет из света первичного, который есть Премудрость, и он так же наполняет все, ибо сказано: “Наполнена вся земля славой Его” (Исайя, 6:3)» [41].

⁷ Шолем отмечает, что философы и талмудисты долгое время отказывались принимать такую интерпретацию, но, тем не менее, «она стала неотъемлемым элементом верований, широко распространенных в еврейских общинах Европы и Востока» [29, с. 288].

⁸ У Артура Грина – как бы более уверенная позиция: «Недвусмысленная феминизация Шехины в каббале XIII в. была иудейским ответом на возрожденное почитание Марии в христианской церкви XII в.» [34, р. 1].

⁹ Ср. интерпретацию этого события В. С. Соловьевым: «...грехопадение Адама состояло из отсечения Мальхута (последней сфиры, Шехины. – Н. Б.) от дерева остальных Сефиротов. Что это значит? <...> Грех состоит в том, что человек реальное обладание жизнью ставит для себя как цель саму по себе, независимо от тех умственных и нравственных качеств, которые в ней должны реализоваться. Адам захотел воспользоваться плодом божественной жизни [вместо], поставил его себе целью [вместо того, чтобы] помимо умственных и нравственных условий этой жизни; он захотел усвоить себе плоды дерева, не усвоив его корней. Но так как плоды, сорванные Адамом, были плодами именно этого дерева, то упразднение плодов ведет за собою упразднение и самого дерева. Приняв средство за цель, человек погубил и значение цели» [23, с. 464]. Думается, можно провести некоторую аналогию между идеей «изгнания Шехины» и гностической концепцией «грехопадения Софии» (послужившей, кстати сказать, исходной моделью учения Соловьева о Мировой Душе). На ее принципиальную допустимость указывает Джордж Макрей: «Идея падения небесных (божественных) созданий, хорошо известная в иудейской апокалиптической литературе, появляется в результате интерпретации Быт. IV 1–4; данное событие воспринимается здесь как причина возникновения зла на земле... Важнейший источник идеи падения (Софии в гностицизме. – Н. Б.) – то, что книга Бытия рассказывает о падении Евы» [36, р. 99]. Следует заметить, что в случае Шехины аналогия с «падением небесного существа» может быть не прямой, а лишь типологически значимой (хотя от этого не менее существенной), потому что Шехина, строго говоря, не

первых людей, Шехина становится недоступной обычному («профанному») восприятию и открывается лишь праведникам или искренне молящимся¹⁰ (здесь можно было бы употребить приведенное выше выражение Вяч. Иванова: «...чистому глазу видна непосредственно»). Праведность и молитва – те новые (только уже не «небесные», а земные) «каналы», через которые восстанавливается ее утраченное единство с человеком и Богом. Как утверждает Артур Грин, «святое супружеское соединение Бога и Шхины (на самом деле воссоединение, поскольку изначально они представляли одно целое) определено как цель всей религиозной жизни» [9, с. 57]¹¹ (ср. распространенное в литературе представление о Софии как Невесте Небесного Жениха).

В русской религиозно-философской традиции сопоставления Софии и Шехины встречаются, хотя и нечасто. В. С. Соловьев упоминает ее в статье о каббале, написанной для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, но образ Софии обычно соотносит с библейской Хохма (собственно Премудростью). Впрочем, в раннем трактате «София» он обозначает Вечно-женственное (взятое в аспекте «предвечной материи») именем «Beth-Col» [22, с. 99]¹² (правильная форма «Бат-Коль», на иврите – «Дочь Голоса»), которое в каббалистической литературе употребляется как одно из имен Шехины. В этом, согласно К. Бурмистрову, можно усмотреть «наиболее ранний пример отождествления Соловьевым “Вечной женственности”, “Девы Божественной Премудрости”, Софии – с “женским принципом” Каббалы, “Дочь Божественного Голоса”, тождественной в данном случае Шхине или Малхут» [6, с. 33–34].

«падает», а «изгоняется» (человеком), «уходит», скрывается из глаз. Так же иногда воспринимается и христианская (не гностическая) София: ср., например, размышления В. Ф. Эрн о том, что «творческие интуиции и первоначальные акты познания... есть не что иное, как обнаружение в сознании тех умопостигаемых усилий и тех глубинных передвижений, которые делает душа человеческая в поисках своей утерянной софийности» [30, с. 842].

¹⁰ Ср. приводимые Моше Иделем описания видений Шехины, которая являет себя молящемуся во время ритуального «мистического плача»; таково, например, видение литовского хасида р. Ицхака Сафрина: «И плакал я много всем сердцем перед Господом Вседержителем из-за страданий Шехины. Мои переживания и рыдания привели к тому, что я потерял сознание и на некоторое время уснул, и явилось мне в сиянии ослепительного света видение фигуры девушки, украшенной и сияющей ярким светом, и не удостоился я увидеть лица ее... И она сказала: “Будь сильным, сын мой”» (цит. по: [13, с. 159]). Интересно это совмещение черт «девушки» и матери: Шехина одновременно может восприниматься как мать, сестра и даже возлюбленная, – вероятно, потому, что, как сказано в «Зогаре», «все женщины мира существуют в тайне Шехины» (цит. по: [29, с. 289]).

¹¹ Напомним в этой связи о том, что у символа и порождаемого им мифа – своя собственная логика. Как указывает Моше Идель, «в “Зогаре” Моисей всегда воспринимается как “*муж Шехины*”» (здесь именно «husband of Shekhinah») [35, р. 26]. Это убеждение в среде каббалистов соседствует с восприятием Шехины как символической «супруги» каждого праведно живущего человека. Так, например, в трактате «Томер Двора» Моше Кордоверо (в/п XVI в.) сказано: «Тот, кто хочет соединиться с Дочерью Царя (Шехиной. – Н. Б.) так, чтобы она его никогда не покидала, должен сперва украсить себя всеми возможными украшениями и приятными одеждами, и они – исправления всех свойств (души. – Н. Б.). И когда он усовершенствует себя этими исправлениями, он захочет получить ее (Шехину. – Н. Б.), ибо он занимается Торой и несет бремя заповедей в сокровенной устремленности к единству (תורה כבוד כבוד). И сейчас же она выйдет за него замуж и не расстанется с ним. Это – при условии, что он будет чистым и освятит себя» [40]. Таким образом, Шехина – «жена» Моисея и одновременно каждого «исправившего» себя праведного иудея. Но «брак» человека с Шехиной приобретет черты всеобщности и постоянства только в том случае, если совершится брачное воссоединение Шехины с Богом.

¹² Следует отметить, что в одном ряду с этим именем стоит у Соловьева и имя «mater Verbi», «мать Слова», которое принадлежит Деве Марии (Матери Бога-Слова). Помимо отчетливого, хотя и не оговариваемого специально, сближения символов «матери Слова» и «дочери Голоса», т. е. Богородицы и Шехины, здесь интересно совпадение в одном образе (собственно, в Софии) качеств «матери» и «дочери», – совпадение, которое характерно именно для каббалистической и фольклорной мифопоэтики Шехины.

У С. Н. Булгакова София прямо отождествляется с Шехиной, – правда, лишь в том случае, когда она (София) рассматривается как проявление Божественной Славы (в других аспектах – «любовь Любви», вечная Красота, имманентная материя Логоса и т. д. – сравнение с Шехиной оказывается, видимо, недостаточно релевантным): «Бог открывается в Софии и через Софию, которая, женственно приемля это откровение, есть “слава Божия” (*шехина* Каббалы) (выделено автором. – Н. Б.)» [5, с. 258]. Что касается П. А. Флоренского, то в своих философских текстах он, кажется, совсем не упоминает о Шехине (хотя в примечаниях к книге «Столп и утверждение Истины» много пишет о различных иудаистических трактовках Софии), но вот среди его поэтических опытов есть юношеское стихотворение «В лесу», где, в частности, сказано:

Все гармонию скрывает,
всюду свет идей играет, –
и значенье естества –
лишь Шехина Божества [17, с. 49].

Это вполне сравнимо с теми определениями, которые Флоренский дает Софии: «Премудрость... является, по преимуществу, метафизическою природою тварного естества» [26, с. 346]; она – субстанциальная «основа», «разум» и «духовность» твари [Там же, с. 349] и т. п. (конечно, не следует забывать, что в конечном счете все смысловые «векторы» софийности сводятся у автора «Столпа...» к образу Богородицы [Там же, с. 351–369]).

Интересны в этой связи суждения более позднего мыслителя – не «софиолога», но тонкого истолкователя мифа о Софии, С. С. Аверинцева. Поскольку София «не является ни Трансцендентностью как таковой, ни имманентностью как таковой, но точкой встречи их обеих» [1, с. 9], то именно в ней и через нее Бог «пробывает с нами». И в этом смысле она не просто подобна Шехине, но по одному из существенных признаков – способности «вмещать» Бога и быть гранью, соединяющей Его с творением, – близка к ней почти до тождества. Близость эта устанавливается посредством ряда символических уподоблений (принципиально исключающих «отождествление в однозначном смысле алгебраической формулы»): по слову ап. Павла, «Христос распятый» есть Премудрость Божия (1 Кор. 1:24), и здесь, говорит Аверинцев, – «предельная точка нисхождения Бога в кенотическое отчуждение от себя» [2, с. 599]. Но именно поэтому «понятно сближение Премудрости с образом непорочного и рождающего Материнства Девы» [2, с. 599]. Ее имена «напоминают о философском парадоксе Присутствия Вездесущего», и «Ее подобия – Скиния, Храм, Ковчег Завета (икос 12), т. е. образы Шехины» [Там же, с. 600]. Если Дева Мария уподоблена Софии и Шехине, значит, София и Шехина тоже связаны взаимным подобием: все три образа как бы отражаются в символических «зеркала» друг друга. Примечательно также, что, с точки зрения Аверинцева, слово «Шехина», которое обычно воспринимают как термин, характерный исключительно для гностицизма и каббалы, «само по себе ничего специфически “каббалистического” или гностического не имело и совершенно непосредственно и органично рождалось из переводческо-интерпретаторской работы над Словом Божьим» [Там же, с. 596].

Вяч. Иванов, конечно, был знаком с концепцией Шехины¹³, хотя – повторим сказанное ранее – прямые аллюзии на нее в его поэзии не встречаются. Возмож-

¹³ Это подтверждается некоторыми фрагментами «Повести о Светомире царевиче» (линия Хорса с его учением о «Кефир-Малхут», уже чисто терминологически ориентирующем на концепцию Шехины), символикой более ранних стихотворений (прежде всего, мелопеи «Человек»), а также переводами из Хаима Нахмана Бялика.

ность типологического сопоставления (никоим образом не отождествления) его софиологической символики с символикой Шехины обусловлена, прежде всего, особой акцентированностью *присутствия* (или постоянного, неустранимого, хотя и видимого лишь «чистому глазу», пребывания) Софии в его поэтическом мире. Шехина же, как было показано выше, не только обнаруживает черты сходства с Софией, но и определяется именно через понятия присутствия и имманентности. Кроме того, можно уверенно говорить о том, что образность поэзии Вяч. Иванова, в силу своей «полисемантической»¹⁴ и включенности в сложную систему символических опосредований (благодаря которым она как бы одновременно присутствует в самых разных культурных пространствах), в принципе *допускает* более или менее внятные созвучия с мифом о Шехине, а через него – со сторонними (но, быть может, существенными) религиозно-философскими и художественными контекстами ивановской софийной поэтики.

Приведем в пример стихотворение 1915 г. «Внутреннее небо» из книги «Свет вечерний»:

За сферу горящей Серафима
 (О, Человек, когда б в себя ты вник
 И целостным узрел свой вечный лик!) –
 Есть скиния с ковчегом Элоима.

Что в мареве сквозит земного дыма,
 Что Женственным в явлении привык
 Именоватъ младенческий язык, –
 В раю души – лазурь и ночь Солима.

Когда бы ты почил в голубизне
 Того шатра, увидел бы во сне
 Сидящего средь Града на престоле.

Слепительный не ослепил бы день
 Твоих очей, и не смутила боле
 Мысль: «Он – я сам!» Ты был бы – ночь и сень (III, 563).

Здесь, прежде всего, интересен контекст слова «скиния». Как обозначение «Святая святых» и, кроме того, как один из символов Богородицы, оно вполне привычно для Вяч. Иванова. Так, например, один из героев «Повести о Светомире царевиче», Лазарь, говорит своей будущей невесте, Отраде: «...Отрадою ты мне *из голубой той скинии*, слезным покрывалом занавешенной, послана», а несколько ранее именуется эту «скинию» «Богородичным раем» (I, 285). Когда же в стихотворении «Внутреннее небо» говорится о «скинии с ковчегом Элоима» и мы видим, что с этим «ковчегом» соседствуют «Женственное» и «голубизна шатра», то сквозь символику Девы Марии и Софии (голубой цвет шатра, «Женственное» как вариант «Вечно-женственного», «скиния» как символ Богородицы) начинает просвечивать иной образный ряд. Вероятно, определяющую роль при этом играет слово «Элоим» (др.-евр. «Бог», «Господь»), которое самой своей принадлежностью к оригиналу ветхозаветного текста направляет восприятие «скинии» в сторону ее исконной языковой формы – слова קֹמָחַן (*а-мишкан*), означающего «шатер», а в Книге Исхода – место Божественного присутствия: «И освящу Скинию, и буду обитать среди сынов Израилевых» (Исх. 29:44–45). Выражение «буду обитать» (וְשָׁכַנְתִּי , *вешаканти*) одного корня с *а-мишкан*, а само «обитание», «присут-

¹⁴ Термин, используемый Д. Н. Мицкевичем при исследовании поэтической символики Вяч. Иванова; см., например: [16].

ствие» – שֵׁחִינָה, *Шехина*. При таком ракурсе именно она, Шехина, выдвигается на первый план в сложной семантике «Женственного»: она наполняет «скинию», и в ней «Человек» может «почтить» и «увидеть во сне» (в запредельном «дневном» опыту переживании Божественного присутствия) «Сидящего среди Града на престоле». Этот «Град», конечно, есть «Град Небесный», но, опять же, благодаря его контекстуальному соседству с «Элоимом» в первой строфе и особенно с «лазурью и ночью Солима» (скорее всего, имеется в виду «Салим», «Шалем» – библейский топоним, возможно, первоначальное название Иерусалима¹⁵) во второй, он приобретает дополнительную «семантическую окраску», точнее, некую смутно ощущаемую связь с одним из своих изначальных земных образов, с изначальностью Присутствия вообще: «Было в Салиме жилище Его и пребывание Его на Сионе» (Пс. 75:3).

Эти зыбкие коннотации, возможно, в некоем общем виде предполагавшиеся самим Вяч. Ивановым (вряд ли упоминание имени «Элоим» имело для него только «декоративный» смысл), способствуют сближению двух контекстов софийной символики – христианского, связанного, прежде всего, с образом Богородицы, и иудаистического, развернутого вокруг символа Шехины. Основной мотив стихотворения, вероятнее всего, перекликается с мотивом «Богородичного рая» из «Повести о Светомире». «Скиния» – вместилище «Женственного», отмеченное голубым¹⁶ «софийным» ореолом (ср.: «ты мне из голубой той скинии... послана»). «Почивший» в ее «голубизне» мог бы увидеть «Сидящего... на престоле», и его «не смутила» бы «мысль: “Он – я сам!”». Очевидно, эта «мысль» указывает на причастность «рая души» (как бы перенесенной в нее «лазури и ночи Солима») не только Богу-Отцу, но и Богу-Сыну, при посредстве которого (у Вяч. Иванова – никак иначе) раскрывается тождество между «я» и Отцом. В данном случае и «скиния», и «ковчег Элоима», и «Женственное» должны быть соотнесены именно с Богородицею, тем более что христианская традиция видит в них Ее символические подобию¹⁷. Главное же в том, что если эти символы не имеют отношения к образу Богородицы, или имеют, но только косвенное, не «первостепенное», – то совершенно невозможно объяснить, как возникает в конце ивановского сонета формула «Он – я сам». Когда «скиния» – Дева Мария, такая формула не только уместна, но и необходима: «целостным узреть свой вечный лик» и без «смущения» осознать равенство с Богом («Элоимом») человек может лишь при том условии, что этот «лик» есть лик Христа¹⁸, и, значит, «в мареве сквозит земного дыма», скорее всего, Она, «Агнца и Пастыря Мати» (икос 4), а финальная «мысль»

¹⁵ Ср. в сонете VI Третьей части «Человека» (венок сонетов «Два града»): «Солима белый царь, Мелхиседек! / Без родичей земных, но человек! / Каких первин полны твои кошницы?» (III, 226).

¹⁶ После Соловьева голубой цвет и особенно «лазурь» – едва ли не обязательный атрибут Софии в русской модернистской литературе. У Вяч. Иванова ср., например, уже цитированные строки из стихотворения «Покров»: «Твоя ль голубая завеса, / Жена, чье дыханье – отрада...» и в статье «Наш язык» – метафору «софийской голубизны», в которую «возносятся» ветви «словесного древа» (IV, 677). См. также статью Андрея Белого «Священные цвета» и часто упоминаемые исследователями суждения Флоренского о голубом цвете как «цвете Софии» (что показательно, с приведением полного текста ивановского «Покрова»): [27, с. 552–576].

¹⁷ Сошлемся на уже упоминавшийся в цитате из С. С. Аверинцева икос 12-й Акафиста Пресвятой Богородице, где Богородица именуется «Святая Святых большая» и «Ковчеже, позлащенный Духом».

¹⁸ В одной из бесед с М. С. Альтманом Вяч. Иванов говорит: «И Он именно тем и был Спасителем, что явил человеку – человека. Он, Сын Человеческий, был зеркалом человеку. И не части его, не какому-нибудь отдельному виду и индивиду человеческому, а всему человеку» [3, с. 47]. Мотив «Он – я сам» находит вытнанный отзвук в стихотворении «Пою: железным поколеньям...» из мелодеи «Человек»: «Пою, что тает сон сновидца, / Встречает сердце Пришлеца; / Что блудный сын обрел Отца / В себе, невинном, и дивится» (III, 236).

стихотворения – не что иное, как вариант сказанного в Евангелии от Иоанна: «Я и Отец – одно» (Ин. 10:30).

Переводя взгляд с одного аспекта Женственного образа на другой, т. е. с символики Богоматери на как бы мерцающую сквозь нее символику Шехины, можно сказать, что последняя не только не противоречит первой, но и вполне органично ее дополняет. В иудаистической литературе Шехина, как и Дева Мария, объединяется с храмовой «скинией». Например, в трактате «Тания» р. Шнеура-Залмана из Ляды, говорится: «Шхина пребывала в Святая святых» [18, с. 230]¹⁹. О том же – в одном из раввинистических текстов, цитируемых Абельсоном: «Пока стоял Храм, Шехина пребывала в нем; когда же он был разрушен, Шехина покинула его и вознеслась на небо, как сказано: “Господь на небесах поставил Престол свой” (Пс. 102:19)» [31, р. 120]. Интересно, что с приведенными здесь словами псалма перекликается стих из икоса 5-го Акафиста Пресвятой Богородице (собственно, одно из Ее символических «определений»): «Селение преславное Суцаго на серафимех». «Престол» псалма (Шехина) – то же, что и «Селение» Акафиста (Богоматерь), и эта их близость как бы невольно подчеркнута поэтом в начальных строках «Внутреннего неба»: «За сферою горящей Серафима /.../ Есть скиния...»²⁰

¹⁹ Отметим попутно, что понимание Девы Марии как символа церкви, видимо, оказало влияние на каббалистическое представление о Шехине как образе «кнесет Исраэль» (религиозной общины Израйля), сформировавшееся примерно в XII–XIII вв. и в значительной мере дополнившее традиционное восприятие Шехины как Божественного присутствия в Святая Святых Храма или – после его разрушения – на его Западной Стене («Стене плача»). Таково мнение Артура Грина: «...Мария, которая воплощает церковь или символически отождествляется с нею, прямо сопоставима с Шехиной, идентифицируемой с кнесет Исраэль. Отождествление человеческой общины с божественным или квази-божественным женским началом впервые имело место в христианстве, и, вероятно, именно оно послужило источником типологически сходного процесса в каббале» [34, р. 29].

²⁰ Сопоставляя образы Девы Марии и Шехины, нельзя не упомянуть еще и о том сближающем их (хотя в данном контексте, наверное, и не самом важном) свойстве, которое отчасти уже было отмечено – способности совмещать в себе разные состояния «женственного». Так, например, Анн Мэттер, анализируя связь средневековой символики Богоматери с образностью «Песни Песней», замечает: «Пониманием Девы Марии как прекрасной возлюбленной из “Песни Песней” подчеркивается гибкость (в смысле “неоднородности”. – *Н. Б.*) ее природы (*her flexible nature*), подведомая в системе средневекового благочестия: Она Невеста Бога и Она Мать Бога; Она символизирует и Церковь, и каждого христианина» [37, р. 15]. В «Сефер ха-Бахир» есть «машаль» (притча), в котором Шехина представлена в столь же многогранном образе: «Притча о Царе, у которого комнат по счету тридцать две и к каждой комнате – особый путь. Хорошо этому Царю вводить всех в свою комнату по тому пути, который только для нее предназначен? Ты ответишь: “Нет”. А хорошо Ему показывать жемчуг свой и оправы свои, и то, что спрятано Им, и то, что мило для Него? Ответишь: “Нет”. Что же Он сделал? Прикоснулся к своей дочери и заключил все пути в ней и в одежде ее. И порой, кто захочет войти внутрь, тот просто смотрит на нее (т. е. “тому достаточно посмотреть на нее”. – *Н. Б.*) И отдал ее замуж за царя. И называет ее, любя, “сестра моя”, потому что из одного места (пространства, мира. – *Н. Б.*) они, а иногда называет ее “дочь моя”, ибо она – дочь Его. Иногда же именуется “мать моя”» [41]. Таким образом, Шехина – это Женственность во всей полноте ее возможных определений: сестра, дочь, мать и, как уже говорилось, невеста и жена. Надо заметить, что Вечная женственность у Вяч. Иванова также может выступать одновременно в нескольких «статусных позициях» по отношению к Богу, – по крайней мере, она почти всегда и дочь, и невеста. Например, в стихотворении «Ночь» из сборника «Нежная тайна» о Душе мира сказано: «Бездн Господних дочь», но ниже сама «Ночь», которая является здесь, видимо, одним из аспектов Мировой Души, именуется «Невеста вечная Отца»; наконец, в предпоследней строфе эта женственная стихия названа «Матерью» (обычное именование Мировой Души или, что то же, «Земли», у Вяч. Иванова): «И всех рождений ложесна, / Мы спим, как плод, зачатый в ней, – / И лоно Матери со дна / Горит мирьядами огней!..» (III, 13–14). В этой связи может быть интересна отмеченная М. Вайскопфом закономерность, характерная для религиозно-эротических сюжетов «женской» поэзии начала XX в.: «...замещаемая героиней “Богоматерь”, начиная от св. Духа, как бы вступала тем самым в брак и с Богом-Отцом, и с собственным Сыном

Коннотации с образом Шехины придают «скинии» в сонете Вяч. Иванова дополнительное измерение: они в некотором смысле «объективируют» ее, побуждают видеть в ней чистое «пространство» Божественного присутствия. Здесь Дева Мария – Шехина древнего «Солима» и еще более древней «первой» скинии, т. е. того «шатра», воздвижение которого у некоторых иудейских экзегетов понимается как истинное начало мира²¹. Но обе они означены символом «Женственного» и отмечены характерным для него («Женственного») голубым свечением. Иными словами, и та и другая наделены чертами Софии и, более того, по упомянутому выше принципу символического уподобления, Софией являются.

Значение образа Богоматери, с точки зрения, условно говоря, космологической, в одном из стихотворений «Римского дневника 1944 года» (первое в цикле «Май») представлено так:

Помирила небо с долом
Благодатная глаголом:
Ессе Ancilla Domini (III, 609).

Но у Софии – та же роль: она «там, где Логос касается материи», и поэтому она тоже есть «примирение» «неба с долом». По словам Анджея Дудека, Дева Мария в поэзии Вяч. Иванова выступает «ипостасью Софии», и именно в этом качестве является «посредницей между небом и землей» [10, с. 49]. Слово «ипостась» в данном случае, может быть, не самое удачное, так как оно придает отношению Софии и Марии характер иерархической зависимости: первая – изначально, вторая – как олицетворение первой – «производна» от нее. Думается, правильнее было бы говорить об их символическом тождестве – подобном тому, например, какое сам Вяч. Иванов устанавливает между софийной символикой и образом Девы Марии в статье «О Новалисе»: «Если любовь представляла духовному созерцателю покровы Мировой Души как алеющую розу, смерть пронизала землю в мистическом созерцании голубым цветом, и через Саисскую богиню, таинственную девственницу, которую не познал ни один бог и ни один смертный, просквозил облик Божьей Матери» (IV, 275). Три образа Вечной женственности связаны здесь отношением как бы «просвечивания» друг в друге: в «алеющей розе» Мировой Души «сквозит» Саисская богиня (Изида, девственная сущность природы), а в ней – Дева Мария. Глагол «просквозить» – в значении «обнаружиться», «раскрыться» (с оттенком некоей самопроизвольности) – употребляется у Вяч. Иванова именно в тех случаях, когда речь идет о символическом проявлении одной реальности через другую. Например, в стихотворении «Мать» из сборника «Свет вечерний» он так же, как и в размышлениях о поэзии Новалиса, использован в контексте взаимного «просвечивания» символов Смерти, Мировой Души и (в неявном, но косвенно обозначенном пределе) Богоматери:

– т. е. становилась супругой Христовой, – а рождая Иисуса, тем самым рождала и Его Отца (= небесного Отца всего человечества, а значит, и своего собственного)» [8, с. 28].

²¹ «Берешит рабба»... утверждает, что с первого дня творения Бог желал присутствовать не над миром, но в мире. Однако Он не присутствовал в мире, пока не была воздвигнута Скиния. После того как Шехина поселилась внутри нее, Бог сказал: «Пусть будет записано, что это – день, когда мир был создан» [31, р. 118]. Интересно, что в православной мариологии и эта скиния, и Святая Святых иерусалимского Храма выступают символами Богородицы – именно потому, что они были призваны «вмещать невместимого Бога»: «Святое святых служило образом Божией Матери, вместившей воплощенное Слово Божие. <...> Во внутреннем отделении скинии и храма – “Святое Святых”, стоял ковчег Завета – ящик, покрытый золотом снаружи и внутри вмещающий в себе священные предметы. Этот кивот уподобляется Божией Матери, вместившей не скривали Закона, а Самого Законодателя» (цит. по: [20, с. 27–29]).

И дольняя как бы ни застила пыль
 Очам одряхлелым священную былль,
 Во мне не найдешь иноверца:
*Зане нам обоим чрез милую Смерть
 В земле просквозила нетварная Твердь
 И тайна глубинного Сердца* (III, 524).

Один символ, «родственный» другому, не является его «ипостасью», а именно «сквозит» в нем – как то, что в нем всегда уже было, как *тот же самый* символ, но только раскрывшийся в особом, специально выбранном, ракурсе. В этом смысле любой символ ивановской поэзии можно уподобить кристаллической призме, в которой с какой-то одной точки зрения видится всего одна грань, однако в этой грани отражаются («сквозят») одновременно и все остальные. Именно так в образе Богоматери «просвечивает» образ Софии, а в Софии обнаруживают себя черты Богоматери, и в каждой из них, при определенном повороте «призмы» символа, открываются другие его аспекты – Мировая Душа, Земля, Память-Мнемозина и т. д., вплоть до тех, которые остаются актуально непроявленными. К этим аспектам, несомненно, относится и Шехина (даже если она представлена на уровне коннотаций или сколько-нибудь очевидных аналогий), поскольку она не просто является олицетворением Вечно-женственного, но, как следует из сказанного выше, обладает признаками, отчетливо соотносимыми и с символикой Богоматери («скиния», где присутствует Бог), и с собственно софийной образностью (граница между «небом» и «долем», а также, по определению, напоминающему некоторые софиологические формулы, הכלה הכלולה הכול, «Невеста, заключающая в себе все» (см.: [34, р. 30])²²).

Уже говорилось о том, что в иудейской религиозно-философской традиции Шехина, кроме прочего, символизирует Божественную Славу (ивр. תְּכָוָה, *кавод*). Так, Саадия Гаон, философ IX–X вв., в своей написанной по-арабски «Книге верований и мнений» утверждает: «Эта форма [преисполнена] большим почетом, нежели ангелы, великолепа по своему сотворению, блистает светом, и она именуется Славой Божией. <...> И она является тем, что мудрецы называют Шхиной» (цит. по: [11])²³. Божественная Слава незрима для глаз «обычного» человека, но ее видели пророки и могут видеть люди, наделенные мистическим зрением. Она открывается как бы в глубинном слое воздуха – как «второй воздух», состоящий из тонкой световой материи. «Величественна она в облике своем, – пишет Саадия, – [исполненном] яркости, сияния и блеска, и лучезарна. <...> И потому она зовется Славой Господней и Его Шхиною» (цит. по: [Там же]). Этот «второй» воздух находится между материальным миром и Божественной реальностью, разделяя их и одновременно объединяя. Он создан из огня разной плотности и разного цвета – синего, красного и черного. Но за счет взаимной нейтрализации этих цветов, а также «удаления влажности» он, подобно самому свету, бесцветен и *прозрачен* (см.: [19, с. 61–61]).

Для Вяч. Иванова «слава», по его собственным словам, есть «нечто зримое, некий ореол (*aureola*), некий нимб лучей вокруг головы, некий свет» [3, с. 52–53]. Он говорит, что «все вещи видит в славе» и что, например, поэты державинской эпохи «были ложноклассиками именно потому, что они не понимали истинной славы, т. е. *онтологической сущности вещей*» [Там же, с. 53]. В самом деле, Вяч. Иванов, может быть, единственный из русских поэтов, который был способен

²² Ср. с определением В. С. Соловьева: «София есть единство, не противопоставляющее себя множественности, не исключаяющее ее, но... *все в себе заключающее*» [21, с. 444].

²³ По мнению Гершома Шолема, идея Шехины как Славы Божией каббалистами «заимствована у Саадии, чье учение о Божественной славе должно было служить объяснением антропоморфизмов Библии и явления Бога в видении пророков» [29, с. 153].

представить «славу» как зримое явление идеального мира. Наиболее показательным в этом смысле стихотворение «Sogno Angelico» из книги «Кормчие звезды». Приведем сначала его первую строфу:

Скрылся день – и полосую
Дали тонкие златит.
Выси млеют бирюзою;
Тучка в зареве летит.
Полнебес замкнув в оправу,
Светл смарагд, и рдеет лал:
Вечер пламенную славу
Ополчил и разостлал...

Этот воздушный пейзаж дан в режиме вполне «обычного» видения: в нем – только предзакатный свет и его цветовые «сгущения» – «златящиеся» дали, «бирюза», драгоценные камни, с которым сравнивается цвет неба, наконец, «просторечная», по выражению Н. В. Котрелева, «тучка» (см.: [14, с. 10]). «Пламенная слава» – тоже как будто не более чем сияние лучей вечернего солнца. Однако после того, как взгляд сосредоточился на этом сиянии, в нем открывается совсем другой, внеположный «земному» опыту, но все же непосредственно зримый «пейзаж»:

И пред оком умиленным
Оживляется закат,
И по тучам отдаленным –
Легионом окрыленным –
Лики с пальмами стоят.
Блеск венцов, и блеск виссонный.
Но Христовой луч красы
Им довлеет – отраженный
В злате дольней полосы.
Там, в близи недостижимой, –
Ученик Христа любимый:
Как горят его волосы!.. (I, 535).

«Слава» в общей картине этого стихотворения оказывается как бы границей между вещественным и трансцендентным, причем и то и другое воспринимается одним и тем же зрением: оно – «двойное», в том смысле, что всматривание в какой-либо предмет внутренне побуждает его к переходу из одного бытийного пространства в другое (ср. в стихотворении «Gli spiriti del viso»: «духи глаз» «...глядят: молчанье – их завет. / Но в глубях далее грезят даль пространней» (I, 785)), однако – целостное и, что важно, непосредственное, и «слава», как световое излучение «онтологической сущности вещей», – та необходимая для него «среда», в которой оно свою «двойственность» реализует.

Комментируя «Sogno Angelico», Н. В. Котрелев отмечает, что «у Иванова слово “Слава” сохраняет предметную определенность, почти вечность иногда, как в Священном Писании... Самое важное в том, что Господь открывается человеку всегда в Своей Славе, будь то великий пророк или апостол, и сияние Славы может даже ослепить, как это случилось с ап. Павлом» [14, с. 16–17]. Если иметь в виду те речения Священного Писания о Славе Божией, которые встречаются в Ветхом Завете, то можно вновь привести слова из Книги пророка Иезекииля: «И вот слава Бога Израиля шла от востока, и глас Его – как шум вод многих, и земля осветилась от славы Его» (Иез. 43:2). Еще во времена составления Талмуда эту «славу» отождествляли с Шехиной. Например, в трактате «Пиркей авот» (так же, впрочем,

как и в цитированном выше «Авот де-раби Натан») говорится: «Слова “осветилась от славы Его” указывают на лик Шхины» [24, с. 80]. В том же ключе интерпретируется стих из Иер. 17:12 «Престол Славы, возвышенный от начала» [Там же, с. 86]. Согласно Абельсону, в некоторых раввинистических толкованиях на Книгу Исхода Шехина, как другое имя Божественной Славы, изображается в виде светящегося облака, и сама Слава именуется «облаком Шехины» [31, р. 381]. В этих текстах Шехина – свет, исходящий от Бога и обнаруживающий Его присутствие. Позднее, у Саадии Гаона, она – тот же свет, но только представленный в качестве воздушного пространства («второго воздуха»), лежащего между мирами Творца и творения и, в принципе, доступного созерцанию.

Как и «слава» в поэзии Вяч. Иванова, этот «воздух» не только не ослепляет, но, напротив, дает возможность видеть то, что невидимо «профанному» (не настроенному на «двойное» видение²⁴) зрению. Подобно этой «славе», он обладает солнечной, «огненной» природой²⁵ и, оставаясь трансцендентным (и даже неся на себе печать отчужденности, «изгнанности»), пронизывает все вещи, в подлинном смысле являясь их «онтологической сущностью» («второй воздух» – внутри «первого» и всего того, что в нем: Божественное присутствие как сущность вещей). Думается, такому пониманию Шехины была бы вполне созвучна дневниковая запись, сделанная Вяч. Ивановым 14 апреля 1910 г.: «При каждом взгляде на окружающее, при каждом прикосновении к вещам должно сознавать, что ты общаешься с Богом, что Бог предстоит тебе и Себя тебе открывает, окружая тебя Собою; ты лицезришь Его тайну и читаешь Его мысли» (II, 806).

Продолжая эту параллель, следует отметить, что софийный мир Вяч. Иванова, с его открытостью «чистому глазу», обладает тем же свойством прозрачности, что и световая реальность Шехины (особенно – у Саадии Гаона).

Какой прозрачный блеск! Печаль и тишина.
 Как будто над землей незримая жена,
 Весы хрустальные склоняя с поднебесья,
 Лелеет хрупкое мгновенье равновесья...
 Но каждый желтый лист, слетающий с деревес,
 На чашу золота слагая легкий вес,
 Грозит перекачнуть к могиле хладной света
 Дары прощальные исполненного лета (III, 515).

«Прозрачность» – символический атрибут «незримой жены» (очевидно, Софии или Мировой Души), но если вспомнить о том, что всякий символ есть, в определенной мере, и само символизируемое²⁶, то, значит, «Прозрачность» и «незримая жена» – одно. Иначе говоря, «Прозрачность» – это неизменная манифестация софийной Женственности, и там, где появляется последняя, присутствует и первая.

²⁴ На убежденность Вяч. Иванова в необходимости такого «настраивания» (которое у иудейских богословов всегда выглядит само собой разумеющимся) указывает Н. В. Котрелев, подчеркивая, что Вяч. Иванов искренне исповедовал «представление о поэтическом творчестве как подвиге» и «настаивал на понимании “подвига” как деяния героического» [14, с. 13].

²⁵ Ср. сонет «Печаль полдня» из сборника «Прозрачность» (приводим только терцеты): «Из золотых котлов торжественных рекой / Я знойных чар лию серебряные сплавы / На моря синего струящийся покой, // На снежной вечности сверкающие главы, / На красные скалы, где солнечные славы / Слагаешь ты, поэт, пронзен мой тоской» (I, 780).

²⁶ «Символ вещи есть тождество, взаимопронизанность означаемой вещи и означающей ее идейной образности» [15, с. 48].

В системе поэтических символов Вяч. Иванова «Прозрачность» – это такое состояние мира, переживание которого сопряжено с чувством непосредственной доступности скрытого, явленности запредельного, видимости невидимого:

Прозрачность! улыбочивой сказкой
Соделай видения жизни,
Сквозным – покрывало Майи!
Яви нам бледные раи
За листвою кущ осенних;
За радугой легкой – обеты... (I, 738).

С другой стороны, та же «Прозрачность» может выступать в качестве динамической силы, нематериальной энергии, имеющей явные признаки онтологической самостоятельности («субъектности») и, несомненно, причастной к трансцендентному источнику сущего – Божественному свету:

*Когда сердца пронзив, Прозрачность
Исполнит солнцем, темных, нас,
Мы возблестим, как угля мрачность,
Преображенная в алмаз (I, 754).*

Наконец, вполне допустимо понимание «Прозрачности» как субстанциального начала, равного и даже тождественного самому миру, притом что «мир» в данном случае – не наличная данность вещей и явлений, а откровение совершенного (софийного) первообраза бытия:

Пустых зеркал стооумутная мрачность
В ста бликах пьет дня первый робкий блик,
В ста откликах рассветный множит клик.
Глядится Бог в свой мир, и мир – прозрачность (I, 784).

В аспекте сопоставления этой разноликой «Прозрачности» с образом Шехины важно, прежде всего, что она выступает неким вариантом «славы»: будучи «солнечной» («...исполнит солнцем, темных, нас»), она – по ту сторону «покрывала Майи», обманчивого мира явлений, но при этом присутствует во всем и вообще являет собой постоянное присутствие – Софии, Божественного света, а через них – и Самого Бога²⁷. Отметим также, что она открыта как «земному», так и «небесному» зрению («Глядится Бог в свой мир...»), и поэтому для видящего ее «отсюда» сама может казаться в некотором смысле видящей, т. е. не просто позволяющей взгляду Бога «пройти» сквозь себя, но и (вероятно, в силу своей отчетливо выраженной «субъектности») обладающей автономной способностью видеть – быть «зрящей средой», как сказано в стихотворении «Сфинкс» («Кормчие звезды»):

²⁷ По наблюдению А. Ханзена-Леве, «солнечный миф» Вяч. Иванова построен на варьирующейся символике Небесного Творца и его воплощений-ипостасей: «Его (мифа. – Н. Б.) охват – от солнца-царя (в качестве Бога-Отца, создающего мир) через аполлонический и дионисийский восход и закат Феба до христианского Солнца-Христа и от него до solificatio художника, в качестве «огненосца» выполняющего свой прометеевский труд» [28, с. 169]. В этом смысле солнечный свет в сфере «Прозрачности» действительно можно воспринимать как зримое выражение Божественной творческой силы или, в ином ракурсе, как показатель Божественного присутствия.

И новый свет нахлынувшей волною
Мой дух воззвал, и зрящая среда
Слепительной разверзлась глубиною (I, 648)²⁸.

О том, что этот мотив может быть органичен и для мифопоэтики Божественного присутствия, свидетельствует, кроме прочего, переведенная Вяч. Ивановым поэма Хаима Нахмана Бялика «Заводь» (1905, перевод – 1915)²⁹. Здесь речь идет о лесной «Заводи», которая символизирует идеальный мир Шехины, некогда близкой герою, но давно его покинувшей. Эта «Заводь»³⁰ изображается идиллически: она погружена в спокойный сон и все время о чем-то «грезит»,

Но что в заветной глубине
Она таит – не разгадать... [7].

Вокруг нее – «лесная храмина», в глубине которой

...погруженная в дрему,
На ложе золотом, – юней
Весенних роз и роз нежней –
Лежит царевна древних дней...

«Царевна» тоже спит, и не проснется, пока к ней не придет жених, «царский сын». «Заводь», сквозь «дрему», пытается вспомнить,

...к чему
В песках сухих, в лесах глухих
Найти невесту мнит жених?

«Царевна» (у Бялика более традиционно – *בַּת הַמֶּלֶךְ*, «царская дочь» [39]) – обычное именование Шехины. Такое впечатление, что она и «Заводь» символизируют одну и ту же сущность: «царевна» словно бы во сне «Заводи» ждет «жениха» и не может понять, зачем он к ней стремится, а «Заводь», в свою очередь, оказывается своеобразным воплощением сна «царевны», продолжающегося с «древних дней». «Жених» не появляется, но все проникнуто его напряженным, смутно-сомнамбулическим ожиданием.

Здесь – едва ли не единственный раз в текстах Вяч. Иванова – звучит и имя Шехины:

О мир блаженный, тайный свет
Моих невозвратимых лет,
Когда над отрока челом
Шехина дрогнула крылом!

Это имя воспринимается как некая смысловая точка, в «фокусе» которой приобретают окончательную ясность все детали, интенции и, наконец, общая «атмосфера» поэмы. Как только оно возникает, «лесной шатер» (Вяч. Иванов употребляет здесь и слово «скиния», которого в оригинале нет) становится «храмом», а

²⁸ Ср. в «Наг возвращусь» («Свет вечерний»): «О плаванье, подобное покою, / И кругозор из глуби сферы полой – / Твое ли, Вечность, взморье то и всполье? / Пред очесами тихими какую / Одеждою прикрою стыд мой голый?..» (III, 563).

²⁹ Об истории этого перевода см.: [25].

³⁰ В оригинале – *בְּרִיחָה*, *брейха*, ивр. «пруд», «бассейн». Вяч. Иванов переводит это слово как «Заводь», возможно, для того, чтобы чисто грамматически подчеркнуть «женственный» характер бяликовского мира Шехины.

«Заводь» превращается в «лазоревый глаз», напоминая и об ивановской «Прозрачности», и о световой стихии Божественного присутствия:

Передо мной – не заводь вод,
А глаз лазоревый... Открыт,
Он в небо небом недр глядит,
Неизреченных полон дум,
Как леса непробудный шум...

Литература

1. Аверинцев С. С. *Non propter causam*. Премудрость Божия построила дом (Притчи 9:1), чтобы Бог пребывал с нами: Концепция Софии и смысл иконы // Аверинцев С. С. *София – Логос : словарь*. – Киев : Дух и Литера, 2000.
2. Аверинцев С. С. *Софиология и мариология: предварительные замечания* // Аверинцев С. С. *София – Логос : словарь*. – Киев : Дух и Литера, 2000.
3. Альтман М. С. *Разговоры с Вячеславом Ивановым*. – СПб. : ИНАПРЕСС, 1995.
4. Булгаков С. Н. *Философия хозяйства* // Булгаков С. Н. *Соч. : в 2 т. – Т. 1.* – М. : Наука, 1993.
5. Булгаков С. Н. *Первообраз и образ : соч. : в 2 т. – Т. 1 : Свет не вечерний*. – СПб. : ИНАПРЕСС ; М. : Искусство, 1999.
6. Бурмистров К. Владимир Соловьев и каббала. К постановке проблемы // *Исследования по истории русской мысли : Ежегодник за 1998 год*. – М. : ОГИ, 1998. – С. 33–34.
7. Бялик Х. Н. *Стихотворения и поэмы* [Электронный ресурс]. – URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/byalik-haim-nahman/stihotvoreniya-i-roemi> (дата обращения: 09.10.2016).
8. Вайскопф М. Голубь и лилия: Романтический сюжет о девушке, обретающей творческий дар // *Шиповник : историко-филологический сборник к 60-летию Романа Давидовича Тименчика*. – М. : Водолей Publishers, 2006.
9. Грин А. «Это слова...» : *Словарь еврейской мистики и духовной жизни*. – М. : Иерусалим : Гешарим, 2006.
10. Дудек А. *Поэтическая мариология Вячеслава Иванова* // *Studia Litteraria Polono-Slavica*. – № 1. – Warszawa : SOW, 1993.
11. Заболотная Н. *Теория профетического откровения Саадии Гаона: исторические метаморфозы* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rulit.me/books/teoriya-profeticheskogo-otkroveniya-saadii-gaonaistoricheskie-metamorfozy-read-175804-8.html> (дата обращения: 07.10.2016).
12. Иванов В. И. *Собр. соч. : в 4 т.* – Брюссель, 1971–1974.
13. Идель М. *Каббала: новые перспективы*. – М. : Иерусалим : Гешарим, 2010.
14. Котрелев Н. В. «Видеть» и «ведать» у Вячеслава Иванова. (Из материалов к комментарию на корпус лирики) // *Вячеслав Иванов – творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения*. – М. : Наука, 2002.
15. Лосев А. Ф. *Проблема символа и реалистическое искусство*. – М. : Искусство, 1995.
16. Мицкевич Д. Н. «Реалиоризм» Вяч. Иванова // *Христианство и русская литература: Взаимодействие этнокультурных и религиозно-этических традиций в русской мысли и культуре*. – Сб. 6. – СПб. : Наука, 2010.
17. Павел Флоренский и символисты: *Опыты литературные. Статьи. Переписка*. – М. : Языки славянской культуры, 2004.
18. Раби Шнеур-Залман из города Ляды. *Ликутей Амарим (Тания)* / пер. и комментарии Г. Липш, раввин Н.-З. Рапопорт, М. Шнейдер. – Иерусалим : Шамир, 1998.
19. Сират К. *История средневековой еврейской философии*. – М. : Иерусалим : Гешарим, 2002.
20. *Сказания о земной жизни Пресвятой Богородицы*. – М. : Типо-лит. И. Ефимова, 1904.
21. Соловьев В. С. *Россия и Вселенская Церковь*. – Минск : Харвест, 1999.

22. Соловьев В. С. София // Соловьев В. С. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. – Т. 2. – М. : Наука, 2000.
23. Соловьев В. С. Лекции, читанные на Высших женских (Бестужевских) курсах в 1882 году // Соловьев В. С. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. – Т. 4. – М. : Наука, 2011.
24. Талмудические трактаты: Пиркей Авот. Авот де-рабби Натан / под ред. Реувена Кипервассера. – М. : Иерусалим : Гешарим, 2011.
25. Тименчик Р., Копельман З. Вячеслав Иванов и поэзия Х. Н. Бялика // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 14.
26. Флоренский П. А. Соч. : в 2 т. – Т. 1 (1) : Столп и утверждение Истины. – М. : Правда, 1990.
27. Флоренский П. А. Соч. : в 2 т. – Т. 1 (2) : Столп и утверждение Истины. – М. : Правда, 1990.
28. Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. – СПб. : Академический проект, 2003.
29. Шолем Г. Основные течения еврейской мистики. – М. : Иерусалим : Гешарим, 2004.
30. Эрн В. Ф. Природа мысли // Богословский вестник. – 1913. – Т. 1.
31. Abelson J. The Immanence of God in rabbinical literature. – London : J. Bell and sons, 1912.
32. Davidson P. The poetic imagination of Vyacheslav Ivanov: A Russian symbolist's perception of Dante. – Cambridge : Cambridge University Press, 1989.
33. Encyclopaedia Judaica / ed. F. Skolnik, M. Berenbaum. – Vol. 18. – N. Y. : Macmillan Reference USA, 2007.
34. Green A. Shekhina, the Virgin Mary and the Song of Songs // AJS Review. – 2002. – Vol. 26 (1).
35. Idel M. R. Joseph Karo and His Revelations, Or the Apotheosis of the Feminine in Sa-fedian Kabbalah // Tikvah Center working paper. – 2010. – № 5.
36. Macrae J. The Jewish background of the Gnostic Sophia myth // Novum Testamentum. – 1970. – № 12.
37. Matter A. The Voice of My Beloved: The Song of Songs in Western medieval Christianity. – Philadelphia : University of Pensilvania Press, 1990.
38. Paperni V. Vyacheslav Ivanov on the Jewry: philo-semitic narrative and anti-semitic discourse // Toronto Slavic Quarterly. – 2011. – № 36. – Spring. – P. 98–99.
39. Бялик Х. Н. Собр. соч. [Электронный ресурс]. – URL: <http://benyehuda.org/bialik/> (дата обращения: 09.10.2016) (ивр.).
40. Кордоверо М. Томер Двора [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.daat.ac.il/he-il/mahshevet-israel/yesod/mahshava/tomer-dvora.htm> (дата обращения: 06.10.2016) (ивр.).
41. Сефер а-Багир [Электронный ресурс]. – URL: <http://spotidoc.com/doc/2601293/> / הַסֵּפֶר הַבְּהִיר kabbale-en-ligne (дата обращения: 09.10.2016) (ивр.).

Nikita L'vovich Bystrov,

Candidate of Philosophy, Associate Professor at Ethics, Aesthetics,
Theory & History of Culture Chair,
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg)

**To the Issue of Religious and Philosophical Context of Sofiological Symbolism
in V. Ivanov's Poetry: Judaic Parallels**

The article presents an attempt to compare the sofiological symbolism in Vyacheslav Ivanov's Poetry with the Shehine (the Divine Presence) conception, which plays an important role in Judaic mysticism. The author focuses on parallels between the Shehine myth and the image of the Eternal Femininity, as well as on V. Ivanov's motifs of the «glory» and the «serenity».

Key words: sofiological symbolism; symbolic similarity; Eternal Femininity; Sofia; Mariology; Judaic mysticism; Shehine.

Философия новаций профессионального образования: «симпсоны» или целостная личность?

Статья выдержана в полемическом стиле; критическому анализу подвергаются положения «Атласа новых профессий» (АСИ «Сколково»), касающиеся сферы профессионального образования; в противовес механистическому подходу, используя диалектико-антропологическую методологию, авторы обосновывают целостность личности педагога профессионального образования и критерии его профессиональной идентичности; в статье доказывается неприемлемость новаций профессионального образования, ориентированных на потребительские ценности, и утверждается философия новаций, базирующаяся на традициях, на целеполагании, суть которого – целостная личность как педагога, так и будущего профессионала.

Ключевые слова: новации профессионального образования; целостность личности педагога; критерии профессиональной идентичности педагога; диалектика традиций и новаций в профессиональном образовании.

Традиционно педагогическая деятельность в сфере профессионального образования связана с формированием будущих специалистов, освоением ими необходимых знаний, навыков и умений. Воспитательное начало, имманентно присущее этой целостной деятельности, в свою очередь предполагает целостность личности педагога профессионального образования. Вызовы современного общества требуют замены традиционной модели подготовки специалиста и изменения самой педагогической профессии. Почему же решения, принимаемые в ходе реформирования профессионального образования, часто вызывают активное неприятие педагогического сообщества и заинтересованной общественности?

По нашему мнению, одной из причин этого является неадекватность предлагаемых ответов: традиционная целостность профессиональной деятельности педагога замещается реформаторами «расчленением» ее на отдельные функции. Это не так безобидно, как кажется на первый взгляд, поскольку в результате выхолащивается воспитательная нагруженность профессии «педагог». В итоге педагог из «сеятеля разумного, доброго, вечного» превращается в усеченного «функционера от педагогики». Наиболее очевидным проявлением этой тенденции является недавно вышедшее второе издание «Атласа новых профессий» [2] (далее – Атлас). Его авторы, презентуя карты новых профессий по отраслям на ближайшие 15–20 лет, ратуют за необходимость пересмотра существующей модели профессионального образования. Эта разработка вызвала у нас множество вопросов и возражений, что и определило полемический характер настоящей статьи.

Прагматичность данного проекта очевидна: для родителей и выпускников, вступающих в жизнь, он дает определенные ориентиры в профессиональной подготовке. Авторы Атласа выделяют факторы, влияющие на появление новых профессий, как то: глобализация и экологичность, рост конкуренции и клиентоориентированность, работа в условиях неопределенности и рост сложности систем управления, автоматизация и ИТ. Перечисленные факторы и их влияние на систему профессионального образования не вызывают особых сомнений. Но в каче-

* Надежда Николаевна Остапенко, канд. филос. наук, доцент, ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (г. Екатеринбург).

** Любовь Павловна Ситяева, ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (г. Екатеринбург).

стве «заметки на полях» возникает вопрос: почему глобализация в Атласе не связывается с противоположной тенденцией – разломом современного мира по культурным основаниям и сохранением национального менталитета? [7]

При рассмотрении главного субъекта профессионального образования – педагога, авторы Атласа претендуют на свой оригинальный подход. Он, по сути, сводится к разделению синтетической профессиональной деятельности педагога на отдельные функции, за каждой из которых закрепляется новая профессия. Педагог-воспитатель «расчленяется» на Модератора, Разработчика образовательных траекторий, Тьютора, Организатора проектного обучения, Координатора образовательной онлайн-платформы, Ментора стартапов, Экопроповедника, Игромастера, Игропедагога, Тренера по майнд-фитнесу, Разработчика инструментов обучения состояниям сознания. Поблагодарим разработчиков Атласа хотя бы за то, что в одной из предложенных ими профессий сохраняется термин «педагог», правда в игривой форме – игропедагог.

Под видом новаций, по нашему мнению, в Атласе реализован механистический подход редуцирования целостной личности педагога к частичным ее проявлениям. Напротив, диалектико-антропологический подход предполагает «трансцендирование человека, выхождение за пределы достигнутого к новым открытиям», заключается «...в преодолении новых пределов, в противоречиях и борениях...» [3]. Принцип механицизма, применяемый авторами Атласа, свидетельствует, по нашему мнению, об отсутствии у них четких представлений о сути целостной педагогической деятельности. Это же находит свое отражение в семантике вышеприведенных профессий, название которых является примером псевдословотворчества.

Методологическую несостоятельность разработчиков Атласа отражает следующее умозаключение: «Само понятие “профессии” устаревает – на смену ему приходит гибкий набор навыков и компетенций, необходимый для решения определенных задач. Этот набор можно дополнить новыми умениями и “пересобрать” из них другую профессию». Авторы противоречат сами себе, утверждая, с одной стороны, что понятие «профессия» отмирает, но, с другой стороны, механически плодят новые профессии в сфере образования. Технократический подход, присущий создателям Атласа, проявляется в методе «дополнить и пересобрать»: профессия педагога трактуется в качестве своеобразного набора LEGO, что свидетельствует об игнорировании классического ее понимания как сочетания науки и искусства.

Диалектико-антропологический подход к специфике деятельности педагога и целостности его личности предполагает, по нашему мнению, выделение следующих критериев профессиональной идентичности:

- операционального – деятельности, основанной на принципе гуманизма;
- ментального – осознания и освоения социальной миссии, цели, ценностей, моральных норм, нравов, психологии и др., т. е. этоса профессии;
- поведенческого – реализации норм поведения и образа жизни педагогического сообщества.

В настоящее время наблюдается негативный процесс размывания профессиональной идентичности педагога. Это кризисное явление, отмечаемое педагогическим сообществом, имеет, на наш взгляд, несколько причин:

во-первых, нарастающую тенденцию работы выпускников педвузов не по специальности, уход их в другие сферы профессиональной деятельности;

во-вторых, отсутствие преемственности, воспроизводящей профессиональную элиту и педагогические династии;

в-третьих, постоянное возрастание педнагрузки при неадекватной материальной оценке труда;

в-четвертых, падение престижа и статуса педагогической профессии;

и наконец, в-пятых, сведение образовательно-воспитательного процесса к оказанию «образовательных услуг» (наряду с услугами торговли, сервисно-бытовыми услугами и др.), а обучения – к ретрансляции знаний.

Мы вынуждены констатировать, что в сфере отношений «педагог – социум» принцип профессионально-статусной определенности сегодня практически не реализуется. Указанный принцип предполагает ранжирование в иерархии других профессий труда педагога, учитывая его исключительно высокую социальную значимость. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» декларирует особый статус педагогических работников и определяет необходимость повышения социальной значимости и престижа педагогического труда, артикулируя созревшую общественную потребность в актуализации особой социальной миссии педагога [4]. Вызывает недоумение то, что в Атласе не отражены современные противоречия и коллизии в образовательной сфере, а также вектор развития, заданный Законом об образовании.

Стоит выразить особую благодарность авторам Атласа за то, что они все-таки приходят к выводу: «В будущем специалисты в области образования будут весьма востребованными...» Однако простая констатация этой перспективы недостаточна. На наш взгляд, следует отметить, что в условиях постиндустриального общества, интенсивного развития информационных технологий будет усиливаться субъектность педагога. Мера его субъектности (активности) проявляется в интериоризации духовных основ гуманистической культуры, в обретении своей целостности. В этом контексте особо актуально звучит высказывание С. Л. Рубинштейна: «...уровень развития определяется тем, насколько субъект является теплом и светом для других» [1, с. 43].

Следующее полемическое возражение, обращенное к создателям Атласа, связано с игнорированием ими традиционно принятого выделения базовых профессиональных знаний, умений, навыков (ЗУНов), а в формате ФГОСов – базовых компетенций. Разработчики Атласа предлагают заменить эту устоявшуюся терминологию на новую – «надпрофессиональные навыки», которые носят универсальный характер. При этом они вновь впадают в противоречие: почему же такой надпрофессиональный навык, как «экологическое мышление», необходим только Экопроповеднику, а в «мультиязычности» и «мультикультурности» отказывается Разработчику образовательных траекторий, Модератору, Тьютору, Организатору проектного обучения? При этом сам принцип надделения или «обделения» надпрофессиональными навыками в Атласе никак не обоснован.

Далее авторы Атласа, при характеристике профессионального образования, признавая его консервативный характер, подчеркивают, что «развитие технологий меняет наши представления о способах получения знаний и заставляет серьезно переосмыслить привычный подход к учебному процессу». Это утверждение, казалось бы, отражает стремление разработчиков Атласа применить диалектический метод анализа, исключая как «зряшное отрицание» предшествующего этапа развития образования, так и некритическое приятие нового. Однако дальше декларации разработчики не идут: диалектический метод не находит своего применения на страницах Атласа. Например, в качестве новационной перспективы на ближайшие 15 лет определяется, что «в будущем дистанционные школы и университеты станут равноправной альтернативой традиционному очному образованию, а “электронные наставники” будут курировать учебный процесс и помогать студентам осваивать программу». Хочется подчеркнуть, что дистанционное образование – это не такая уж и новация: оно активно развивается как минимум последние лет двадцать. При всех достоинствах этой формы обучения, опыт свидетельствует об ее ограниченности, заключающейся в отсутствии полноценного живого общения «педагог – студент». Профессиональное обучение предполагает не

информационную ретрансляцию, а дихотомный, эмоционально окрашенный, индивидуально-творческий процесс обретения знаний. В этом контексте особую роль играет *педагог*, которого нельзя низводить до уровня «электронного наставника». Поэтому в существующем формате дистанционное обучение не может быть перенесено в перспективную модель профессионального образования.

Другим примером, в котором авторами Атласа «старое» выдается за очередную новацию, является идея непрерывного образования. Так, в качестве современного тренда в Атласе обозначается, что «образование перестает быть этапом в начале самостоятельной жизни, а становится непрерывным процессом, сопровождающим человека на протяжении всей жизни». Разработчикам Атласа, судя по всему, не известно, что еще в начале семидесятых годов прошлого века профессор, доктор философских наук, действительный член Международной педагогической академии, эксперт ЮНЕСКО по проблемам непрерывного образования Владимир Николаевич Турченко опубликовал монографию «Научно-техническая революция и революция в образовании» [6], в которой доказывал необходимость непрерывного образования как важнейшего условия социального прогресса.

И наконец, еще одна «новация» создателей Атласа связана с идеей совмещения обучения с практикой. Они ссылаются на опыт десяти регионов России, где с 2013 г. реализуется пилотный проект «Дуальное образование», позволяющий сочетать учебу с работой по специальности. Вызывает недоумение незнание авторами Атласа опыта советской профессиональной школы по широкому распространению заочной и вечерней форм обучения. Очное образование также всегда было практико-ориентированным и включало в себя различные виды профессиональной подготовки на базовых предприятиях, вузовских опытных производствах и др.

Приведенные примеры говорят о том, что разработчики Атласа, видимо, не знакомы с богатейшими традициями и историей профессионального образования Российской империи и Советского Союза. Тем самым они отрицают преемственность, поэтому предлагаемые ими новации напоминают «изобретение велосипеда».

Справедливости ради надо отметить, что в Атласе правомерно в качестве главного фактора, влияющего на современное профессиональное образование, выделяется ИТ, которые дают новые неограниченные возможности по усвоению необходимых знаний, развитию умения работать с информацией. Вместе с тем создатели Атласа не видят, что ИТ несут определенные вызовы, которые нельзя не учитывать в образовательном процессе. Во-первых, это «информационный взрыв», отражающий негативную тенденцию, суть которой – в несоответствии между информационным валом и способностью студентов самостоятельно его осмыслить. Задача современного профессионального образования – научить студентов критическому анализу информации и методам ее преобразования в знания.

Во-вторых, авторы Атласа считают, что ИТ должны вводить обучаемых «в продуктивные состояния сознания... – состояние потока, когда человек полностью включен в созидательный процесс и не испытывает тревоги насчет возможного успеха или провала». И эту «миссию» будет выполнять новый специалист – Разработчик инструментов обучения состояниям сознания. Мы неоднократно подчеркивали, отстаивая свою позицию, что ИТ есть только средство обучения, которое при открывающихся фантастических возможностях все чаще подменяет содержание образовательного процесса [5]. «Зарубежные и отечественные психологи (М. Чикзентмихейли, А. Г. Макалатин и др.) обращают внимание на негативные изменения личности, связанные с т. н. “опытом потока”. Это особое состояние поглощенности ИТ, при котором цель познавательной деятельности подменяется процессом погруженности в информационный поток, протекающим

легко и шаблонно. Разрушительные последствия «опыта потока» приводят человека к имитации жизни, к замещению реальной жизни виртуальной» [5, с. 189].

Обращает на себя внимание поверхностное понимание создателями Атласа сути профессионального образования, выражающееся в сведении индивидуального подхода к формальным характеристикам: выбору формата, темпа обучения, а также отрицание группового обучения и общего расписания. С точки зрения содержания индивидуальный подход сводится к возможности обучаемого «сконцентрироваться на очень узкой теме или, наоборот, пройти необычную междисциплинарную программу». В качестве позитивного примера междисциплинарного курса на стыке социологии, политики и антропологии приводится «Еда и власть в XX веке» (Массачусетский технологический институт). Мы, будучи педагогами-ветеранами высшей профессиональной школы, «наивно» полагали, что любой спецкурс должен вскрывать закономерные связи и отношения между сущностями. Возникает вопрос о том, какое отношение имеет еда (если это научный термин) к власти: возможно, развитие сетей быстрого питания в XX веке обусловило быструю смену власти на рубеже веков?

Далее разработчики Атласа восторгаются уникальной возможностью студентов г. Беркли изучить основы философии на примерах из мультсериала «Симпсоны». Наша консервативная система профессионального образования никак не поддается такому «новационному» влиянию, традиционно предлагая постигать глубины философской мудрости по работам Сократа, Канта, Бердяева и других великих философов.

Эту полемику можно продолжать в юмористическом ключе, «если б не было так грустно». За позицией авторов Атласа скрывается опасное навязывание нам деструктивных ценностей потребительского общества, которые олицетворяются симпсонами и выдаются за образец «новационного прорыва» в образовании. В контексте парадигмы потребительского общества, призывающего: играй, развлекайся, наслаждайся, бери от жизни все, – игра в процессе обучения наделяется гипертрофированной ролью. Не случайно создателями Атласа выделяются такие профессии будущего, как Игромастер, Игропедагог, и при этом игнорируется подход к обучению как к серьезной трудовой деятельности. Мы не отрицаем, что игровые методики способствуют активизации студенческой аудитории, однако сводить профессиональное обучение к игре, развлечению и удовольствию нам представляется абсурдным. Традиционно профессиональная подготовка – серьезный труд, сопряженный с интеллектуальными и волевыми усилиями, самоорганизацией и самодисциплиной. Это способствует формированию нравственной составляющей специалиста: профессиональной ответственности, долга, чести, совести.

Еще один тезис авторов Атласа не может не вызвать нашей полемической оценки: «Мир меняется так быстро, что мы больше не сможем позволить себе пять лет изучать теоретические дисциплины, а потом еще какое-то время осваивать профессию за счет работодателя». Нельзя не согласиться, что стремительно меняется ритм и темп современной жизни. В то же время существуют законы универсума и социального пространственно-временного континуума, отражаемые фундаментальными знаниями. Только на базе этих знаний возможно формирование целостного мировоззрения специалиста, его ценностно-профессиональных ориентиров.

Владение специалистом фундаментальными теоретическими знаниями имеет и прагматический аспект. Широкий профессиональный горизонт позволяет ему быстро адаптироваться в практической деятельности, осваивать смежные специальности, системно мыслить, а значит, инициативно и творчески решать сложные производственные задачи. Наличие такой подготовки у специалистов советской

профессиональной школы, как это ни парадоксально, способствовало «утечке мозгов» на Запад и стало доказательством их конкурентоспособности.

Подводя итог, мы признаем вместе с создателями Атласа закономерность новационных изменений сферы профессионального образования. Но, в отличие от разработчиков Атласа, мы считаем, что реформирование образования невозможно без целеполагания, сочетающего традицию и новацию, здоровый консерватизм и развитие. И самое главное: определяющим критерием всех реформ и новаций профессионального образования должны выступать целостная личность как педагога, так и студента – будущего профессионала. И пока этого нет, новации не смогут обеспечивать развитие образования, а будут имитировать этот процесс. Атлас профессий является примером последнего.

Литература

1. Абульханова К. А., Рубинштейн С. Л. Ретроспектива и перспектива. Проблема субъекта в психологической науке. – М. : Академический проект, 2000.
2. Атлас новых профессий / Агентство стратегических инициатив ; Московская школа управления «Сколково». – М., 2015.
3. Гончаров С. З. Логико-категориальное мышление : в 3 ч. – Ч. 2 : Объективная основа возникновения и развития мысли. – Екатеринбург : Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. – 346 с.
4. Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г., с изм. 2015–2016 гг.
5. Остапенко Н. Н., Ситяева Л. П. ИТ и образование: проблемы национальной безопасности // Новые информационные технологии в образовании : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 15–18 марта 2016 г.) / ФГАОУ ВО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т.» – Екатеринбург, 2016. – С. 187–190.
6. Турченко В. Н. Научно-техническая революция и революция в образовании. – М., 1973.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М. : АСТ, 2003. – 603 с.

Nadezhda Nikolayevna Ostapenko,

Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Russian State Vocational Pedagogical University (Ekaterinburg)

Lyubov' Pavlovna Sityaeva,

Russian State Vocational Pedagogical University (Ekaterinburg)

The Philosophy of Vocational Training Innovations: «the Simpsons» or the Integrated Personality?

Article is sustained in polemic style; the provisions of the «Atlas of new professions» (ASI «Skolkovo») concerning the sphere of professional education are exposed to the critical analysis; from dialectic-anthropological positions integrity of the identity of the teacher of professional education and criteria of his professional identity are proved; the philosophy of innovations of professional education is based on a combination of traditions and innovations, on a goal-setting, which essence – the complete personality of both the teacher and future professional.

Key words: innovations of professional education; integrity of the identity of the teacher; criteria of professional identity of the teacher; dialectics of traditions and innovations in professional education.

Современные проблемы как основание для трансформации философии иезуитов

Данная статья посвящена рассмотрению существенных изменений, которые претерпевает философия ордена иезуитов в современную эпоху. Раскрываются причины концептуальных трансформаций иезуитского видения человека и его места и роли в обществе. Иезуиты вынуждены адаптировать свое учение к реалиям времени, что выражается в смене социальных приоритетов и переориентации на более массовые и активные социальные категории населения Западного мира. Показывается, какие главные цели и задачи стоят перед орденом в наши дни – пропаганда социальной справедливости и равенства, помощь социально неблагополучным слоям общества, стремление к объединению всех ветвей христианской религии.

Ключевые слова: орден иезуитов; Католическая церковь; Франциск I; современность; социум.

Иезуиты – это не просто международная структура с разнообразными талантами и ресурсами; она имеет универсальный характер, который преодолевает границы провинций... Общество призвано к тому, чтобы быть готовым идти повсюду, через все географические и культурные границы, туда, где есть нужда трудиться с Христом ради Царства Божия.
Acta Romana. Vol. 20, № 111.

В настоящее время Католическая церковь переживает кризис, вызванный существенными цивилизационными переменами в обществе. Эти трансформации связаны с отходом от традиционных христианских ценностей и секуляризацией социального сознания. С одной стороны, человек отходит от христианской догматики, поскольку это религиозное течение не может удовлетворить все духовные потребности личности. Поэтому человек начинает искать другие пути и средства духовного просветления. С другой стороны, опасность для католицизма состоит в том, что его место постепенно занимают другие религии, такие как ислам, буддизм, индуизм, или стремление полностью уйти от религиозности. Наступление на позиции Католической церкви сказывается на снижении как количественных показателей (снижается число приверженцев католицизма), так и на качестве – христиане теряют интерес к религии, стремясь отойти от консервативного видения мироустройства, присущего церковной иерархии, и обрести большую самостоятельность в вопросах вероисповедания.

В XXI веке мы видим, что Западный мир переживает серьезные религиозные трансформации. Традиционное христианство отесняется восточными религиями – исламом, буддизмом, индуизмом, что серьезно беспокоит власти Ватикана. Кроме того, современный человек переориентируется на материальные ценности, отстранив от себя ценности духовные, постепенно исключая морально-этические ценности из своей жизни. По словам папы Иоанна-Павла II, это «является источником деградации человека и подавления всей социальной жизни» [13]. Однако сохранение церковной идентичности и традиционности только усугубляет ситуацию, поскольку нежелание меняться в изменчивом мире привело к упадку католицизма. Только в последние годы Церковь осознала, что паства – это основной

* **Владислав Олегович Коротков**, ассистент кафедры «Философия и история», Уральский государственный университет путей сообщения (г. Екатеринбург).

базис, на котором держится авторитет всей католической религии. При этом «верующие должны четко различать права и обязанности, надлежащие им как членам Церкви, и те, которые им положены как членам человеческого общества. Они должны стремиться гармонически согласовывать те и другие между собой, памятуя, что им следует руководствоваться христианской совестью во всех областях мирской жизни...» [13, с. 227–228]. Католическая церковь стремится решить эти проблемы, чтобы восстановить свои позиции в обществе и укрепить свое влияние на умы людей. Одним из главных инструментов воздействия на человека в современном мире стал орден иезуитов, один из самых многочисленных и прогрессивных католических институтов. Папа Бенедикт XVI следующим образом определил цель ордена иезуитов в современном мире – «защита и распространение католической веры» [4] всеми возможными способами.

В современных реалиях целью ордена иезуитов становится адаптация католического вероучения к тенденциям, которые наблюдаются в наше время. Это приводит к синтезу религиозной и светской философии. Философия иезуитов развивается в рамках становления таких направлений, как теизм, трансцендентальный томизм, новая теология, теология освобождения [15]. В первую очередь эти течения призваны осовременить религию, объединить религиозные традиции и научные воззрения (что выразилось, в частности, в соединении идей креационизма и теории эволюции Чарльза Дарвина), сделать религию более понятной, доступной и привлекательной для основной массы людей. При этом иезуиты не только преследуют цели, обозначенные Ватиканом, но и защищают собственные интересы и стремятся к расширению своей социальной базы за счет привлечения новой паствы. Ордену присущи такие черты, как философская открытость и способность воспринимать любые новшества, которые монахи-иезуиты могут поставить себе на службу. Адаптируясь в современном мире, иезуиты стали в большей мере духовной структурой, отойдя от светской позиции, которая была присуща им на протяжении нескольких веков существования ордена. Особенно заметно это стало в последние годы, после того, как 13 марта 2013 года престол римского понтифика занял первый папа-иезуит Франциск I (Хорхе Марио Бергольо). В своей речи во время интронизации¹ он обозначил одним из главных направлений своего понтификата активную социальную политику, что говорит о его приверженности философии иезуитов.

Основные идеи философии иезуитов остались неизменными. Но теперь они стали более мягкими и гибкими, нежели были в период наивысшего могущества ордена. Методика создания обновленной личности «*homo christianus*» осталась неизменной. «Нового человека» по-прежнему создают на основе отработанной технологии, разработанной Игнатием Лойолой: четыре недели упражнений, призванных трансформировать личность человека и сделать его послушным орудием в руках ордена. Один из иезуитов, Симон Деклю, определяет этот трактат следующим образом: «Целью Духовных Упражнений является распознавание конкретной Божьей воли относительно меня, чтобы привести в соответствие с ней свою жизнь» [3, с. 5]. В жизни и деятельности современных иезуитов этот документ остается основополагающим, «с помощью которого иезуит сможет помочь другим открыть их собственную правду» [Там же]. Какой бы благой целью ни руководствовались иезуиты, общество и люди рассматриваются ими как дети, которых нужно наставить на истинный путь и открыть им единственно верную истину – истину иезуитов. Поэтому каждый человек рассматривается орденом либо как потенциальный иезуит («*homo christianus*»), либо как объект духовного воздействия, которого необходимо обратить в свою веру.

¹ Интронизация – официальная процедура и церемония вступления вновь избранного Папы на престол понтифика.

Исходя из традиций философии ордена и современных реалий, иезуиты развивали и теорию предназначения человека. Изначально она оформилась следующим образом: «воин бога» (духовенство, элита христианского воинства), «филантроп» (своего рода спонсор, имеющий возможность помогать ордену и Церкви материально и нематериально), «безмолвное большинство» (большая часть христианской паствы, подчиняющаяся христианской догматике) [8]. Упор делался на первые две категории, поскольку именно они могли помочь ордену достичь власти и богатства. В современном мире иезуиты переориентировались на третью категорию, которая включает в себя большую часть христиан и позволяет существенно расширить социальное влияние ордена. Это связано, в первую очередь, с процессами демократизации Западного мира, которые усиливались на протяжении XX века. Иезуиты первыми среди всех христианских институтов осознали всю силу и мощь социума, который можно поставить себе на службу. Поэтому в наше время орден ведет активную общественную деятельность, выраженную во внимании к низшим слоям населения, бедным и неимущим, что делает католицизм более привлекательным в глазах социума. Предназначение же всех христиан состоит в том, чтобы в своей жизни соблюдать божью волю, которую выражает Церковь.

Осовременивая католическое учение, иезуиты стремятся распространить свое влияние настолько глубоко и широко, насколько это возможно. Этой тенденции иезуиты придерживаются уже достаточно давно, но в наше время это более заметно. Один из историков ордена, аббат Геттэ, писал следующее: «Эти люди, народившиеся на наших глазах лишь вчера, стараются нравиться всем, чтобы тем легче распространять свои новшества. Они ходят по направлениям, прямо противоположным одно другому, они привлекают к себе людей противоположных правил и склонностей» [2, с. 146]. Именно Общество Иисуса стало одним из первых церковных институтов, который начал активно проповедовать идею обновления Католической церкви, что переросло в процесс «аджорнаменто» и стало реальностью после Второго Ватиканского собора 1962–1965 годов. Сразу после этого на территории Латинской Америки зародилась «теология освобождения», главным идеологом которого стал иезуит Жон Собрино. Однако изначально эта концепция, основанная на осуждении богатства и важности правильных отношений между Католической церковью и низшими слоями населения, необходимости использования всех человеческих талантов и достижений науки, была осуждена высшим церковным руководством, и только в начале XXI века стала переживать новое возрождение.

В наши дни одной из главных задач, которые ставят перед собой иезуиты, стала борьба за высшую справедливость в мире. Общество Иисуса считает, что если исчезнет религиозность, то вместе с ней пропадут и идеи гуманизма, истоки которого находятся в раннехристианской догматике. Поэтому орден продолжает активно наращивать обороты миссионерской деятельности. Также иезуиты продолжают активно воспринимать все новшества науки, и благодаря этому большое количество научных открытий было сделано самими иезуитами. На это указывает Йозеф Ратцингер (папа Бенедикт XVI) в ряде своих лекций. Кроме того, он доказывает существенность вклада иезуитов в развитие современной системы образования, которая используется по всему миру. Общество Иисуса в своем мировоззрении было и остается куда более прогрессивным, нежели Католическая церковь, отрицающая большинство новых идей. Поэтому иезуиты и не приняли один из главных принципов католицизма: «все новое – это хорошо забытое старое». Они стремятся разрушать существующие традиции, поскольку в наши дни традиция несущественна и мешает прогрессу социального развития [14, с. 22]. Консерватизм в философии Общества Иисуса остается только в вопросах внутренней ие-

рархичной структуры, в остальном их социальная философия и отношение к человеку развиваются на опережение социального прогресса.

На протяжении полутора десятилетий XXI века в западном обществе происходили серьезные социальные изменения, которые орден иезуитов не мог обойти стороной и интегрировал в свою философскую систему. Данную тенденцию мы можем проследить на примере изменения позиции Общества Иисуса и всей Католической церкви к проблеме гомосексуализма. Еще на рубеже тысячелетий это явление резко критиковалось всеми католическими институтами. Хорхе Бергольо (будущий Франциск I), еще будучи кардиналом в Аргентине, в 2009 году выступал резко против законопроекта о разрешении однополых браков. «Давайте не будем наивными, мы говорим не о простой политической баталии; это разрушительная претензия против плана Бога» – так он характеризовал ситуацию, которая складывалась в мире. Также Бергольо осуждал усыновление детей гомосексуальными парами, определяя это как насилие над детьми и одну из высших форм дискриминации [16]. Однако его взгляды кардинально меняются, когда он становится римским понтификом. «Акт однополый любви» по-прежнему считается грехом, но гомосексуальная ориентация теперь не имеет греховного смыслового наполнения (хотя не совсем понятны различия между этими двумя явлениями). «Если человек – гей и обладает доброй волей и стремится к Богу, то кто я такой, чтобы судить его? <...> Гомосексуалисты не должны подвергаться дискриминации. К ним следует относиться, согласно пасторскому посланию... Я думаю, что церковь должна извиниться не только <...> перед гомосексуалами, которых она обижала, но также должна извиниться перед бедными, а также перед женщинами, которые подвергались эксплуатации, и перед детьми, которых эксплуатировали [вынуждая] работать. Она [церковь] должна извиниться за то, что воздавала хвалу оружию», – определяет Франциск I [11]. Мы видим, что иезуитская прогрессивность в социальных вопросах оказала серьезное влияние на мировоззрение римского понтифика. Он не стремится бороться с реалиями современности, поскольку Церковь не может бороться с трансформациями общества, поэтому им было принято решение включить данную категорию населения в ряды католической паствы. В этом можно видеть проявление современной философии иезуитов – критерий полезности для Церкви и ордена теперь не играет существенной роли, поэтому, чтобы замедлить упадок католицизма, необходимо использовать любые доступные средства и привлекать все потенциально активные категории социума.

В вопросе интеграции различных категорий общества Франциск I опирается на «Катехизис католической церкви» Иоанна Павла II, сочиненный в 1992 году. Любая социальная группа должна быть интегрирована в общество, а не отвергнута и превращена в маргинальный слой. В определенном понимании эта позиция идет вразрез с изначальным христианским учением, однако традиционная религиозная догматика не может полностью соответствовать реалиям времени. Поэтому Франциск утверждает, что нужно адаптировать любую социальную категорию, которую Церковь отвергала ранее. «В нашей церкви есть священники, которые отказываются крестить детей одиноких матерей, потому что они были зачаты вне святости брака. Это современные лицемеры. Те, кто клерикализировал церковь. Те, кто отделил людей от Бога и от спасения. И эта бедная девушка, которая хочет вернуть ребенка отправителю, имеющая смелость привести его в этот мир, должна скитаться от прихода к приходу, чтобы крестить его!» [Там же] – это еще один пример философии иезуитов, который показывает их отношение к обществу и необходимость соответствовать тенденциям современности. Такое отношение позволяет привлекать в ряды католической паствы новые социальные группы, расширяя тем самым свое влияние.

Мы наблюдаем, как в наши дни у иезуитов изменяется видение социальной стратификации, что выражается в их переориентации на наиболее массовые слои общества. Сейчас орден официально выступает против накопления богатств, определяя это как один из критериев социального неравенства и несправедливости. Если раньше иезуиты стремились распространить свое влияние на власть имущих и обеспеченных людей, то теперь ими рассматривается необходимость активной работы с бедными и неимущими, поскольку они стоят ближе к Богу и являют собой пример раннехристианского аскетизма. Так, иезуит Жон Собрино говорит, что «бедные – просто потому, что бедны, а не потому, что святы – спасут богатых... из этой цивилизации богатства только один выход – чтобы ее преодолела цивилизация бедности» [10]. Подобных идей придерживается и первый папа-иезуит: «Как бы я хотел, чтобы Церковь была бедной и для бедных!» [17, с. 4]. Франциск I и орден иезуитов вслед за ним стремятся вернуться к идеалу раннехристианской аскезы, и в данном ключе занимаются активной социальной деятельностью – бесплатные учебные заведения для неимущих, пропаганда социальных реформ и т. д.

Второй Ватиканский собор стал переломным моментом в отношении иезуитов к мирянам. Орден стремится сотрудничать с ними на всех социальных уровнях. В наши дни одной из главных задач, которые ставит перед собой орден, является интеграция своих членов во все массовые социальные группы: рабочих, интеллигенции, молодежи и т. д. Эту задачу описал американский иезуит Кронин еще в середине XX века: «Церковь сегодня можно сравнить с армией, во главе которой стоит главнокомандующий – папа, генералы – епископы и кадровые офицеры – священники... Но для завершения организации подобной армии, кроме солдат, нужен еще кое-кто. Офицеры запаса – вот кто необходим для успеха любого военного предприятия. В Церкви подобную роль выполняют миряне-активисты... Они достаточно подготовлены, чтобы действовать самостоятельно. Повинуясь общему направлению и директивам, они направляют и воспитывают верующих, находящихся под их влиянием» [1, с. 18]. Именно такого видения придерживаются иезуиты сейчас, используя в своей деятельности все достижения массмедиа – печать, радио, телевидение, социальные сети и Интернет.

Изменения в философии иезуитов в отношении человека произошли достаточно быстро. Мы можем видеть это на примере проблемы свободы вероисповедания и выбора религии или ее отрицания. В 1864 году папа Пий IX издал энциклику «*Quanta Cura*» в которой говорилось: «Это безумие – думать, что свобода совести и вероисповедания являются простыми правами человека» [7, с. 184]. Все попытки сближения различных христианских ветвей осуждались Католической церковью: «Нет – миру с нечестивыми!» (это напоминает исламский радикализм и призывы мусульман к войне с другими религиями). Но по прошествии чуть более века ситуация радикально меняется. Иезуиты были одними из первых, кто высказал идею необходимости объединения всех христианских течений. Эту идею сейчас поддерживает Франциск I: «Сегодня нам представляется возможным союз людей в едином стремлении, в любви, в общей доле, в общей цели» [12, с. 60]. В частности, это выражается в первой за всю историю церковного раскола встрече папы римского Франциска I и патриарха Кирилла 12 февраля 2016 года в Гаване. Однако маловероятно, что эта встреча станет импульсом к сближению католицизма и православия (в основном в связи с закоренелостью, консерватизмом и религиозным радикализмом Православной церкви).

Характерной для современных иезуитов особенностью в плане социальной политики является стремление к устранению всех конфессиональных и теологических разногласий: «Все вероучительные истины относятся к Богу, они – пути познания Его бытия и Его действия, и поэтому их единство выше, чем единство

чего-либо, доступного нашему мышлению для созидания. Их единство обогащает нас, так как сообщает себя нам и делает нас «одним» [12, с. 60]. Иезуиты поднимали эту проблему и в период понтификата Бенедикта XVI: «Как последователи Иисуса в сегодняшнем мире, мы также устремляемся к людям, которые отличаются от нас своей культурой и религией, сознавая, что диалог с ними – тоже неотъемлемая часть нашего служения миссии Христовой» [5, с. 7]. Для философии ордена иезуитов характерен примат веры как важнейшего элемента в жизни современного человека, источником этой веры является Бог, наделяющий человека своего рода сверхъестественной силой. При этом вера должна находиться в тесной связи с истиной, которую определяет Церковь. Еще Игнатий Лойола в «Духовных упражнениях» говорил: «Чтобы во всем следовать истине, необходимо быть всегда расположенным верить, что то, что я вижу белым, – черное, если иерархическая церковь так определит...» [9, с. 119]. Такова позиция ордена иезуитов и в наши дни. Их религиозная догматика претерпела серьезные изменения, но суть осталась той же. Вера может служить человеку только тогда, когда он включен в структуру Церкви.

Таким образом, орден иезуитов в наши дни продолжает быть одним из самых могущественных и влиятельных католических институтов западного мира. Их философия трансформируется в зависимости от реалий современности, но сущность остается неизменной. Традиционность взглядов на человека, на его предназначение и свободу сочетается с прогрессивными взглядами на общество и социальные отношения. Иезуиты ведут активную социальную политику, ориентируясь на все слои населения, что делает этот орден куда более привлекательным и гуманным, нежели это было в период Нового Времени.

Литература

1. Великович Л. Н. Иезуиты вчера и сегодня. – М. : Знание, 1972. – 64 с.
2. Геттэ (аббат). История иезуитов, составленная по подлинным, отчасти неизданным документам аббатом Геттэ, автором Истории Церкви во Франции и многих других исторических сочинений. – М. : Тип. «Русская Печатня», 1912. – 194 с.
3. Деклю С. К вящей славе Божьей [Электронный ресурс]. – URL: <http://jesuit.ru/>. – 60 с. (дата обращения: 29.04.2015).
4. Декрет I генеральной конгрегации № 35 Общества Иисуса «С новым рвением и воодушевлением» [Электронный ресурс]. – URL: <http://jesuit.ru/> (дата обращения: 20.04.2015).
5. Декрет II генеральной конгрегации № 35 Общества Иисуса «Огонь, возжигающий другие огни» [Электронный ресурс]. – URL: <http://jesuit.ru/> (дата обращения: 20.04.2015).
6. Катехизис католической церкви. – М. : Культурный центр «Духовная библиотека», 2007. – 673 с.
7. Коваль Т. Б. Новый Свет Папы Франциска // Латинская Америка. – 2013. – № 7. – С. 4–20.
8. Коротков В. О. Предназначение человека в философско-религиозной системе ордена иезуитов // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. – 2014. – № 2. – С. 62–63.
9. Лойола И. Духовные упражнения // Символ. – 1991. – № 26. – С. 15–123.
10. Отрывок из интервью Жона Собрино мадридской газете «Эль Паис» [Электронный ресурс]. – 2007. – 14 июня. – URL: <http://jacopone-da.livejournal.com/> (дата обращения 16.06.2016).
11. Папа Франциск: кто я такой, чтобы судить геев? – URL: <http://www.rbc.ru/society/27/06/2016/5770559c9a794757dc6b2d62> (дата обращения 16.06.2016).
12. Папа римский Франциск. Энциклика Lumen Fidei. – М. : НО Изд-во Францисканцев, 2013. – 80 с.
13. Попов А. Проблемы современного социального учения католицизма. – URL: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/413> (дата обращения: 14.04.2015).
14. Ратцингер Й. Введение в христианство. – Брюссель, 1988. – 318 с.

15. Свиридова Н. В. Религиозно-философские течения в современной теологии иезуитов // Дискуссия. – 2013. – № 7. – С. 45–46.

16. Argentina's highest-ranking Catholic prelate has warned that the country's gay marriage bill is a «machination» of the devil. – URL: <http://www.pinknews.co.uk/2010/07/13/catholic-cardinal-says-gay-marriage-in-argentina-is-the-work-of-the-devil/> (дата обращения: 22.04.2015).

17. Paris E. The secret history of the Jesuits. – Chino, Calif. : Chick Publications, 1975. – 198 p.

Vladislav Olegovich Korotkov,

Lecturer at the Chair of Philosophy and History,
Ural State University of Railway Transport (Ekaterinburg)

Challenges of the Modern Era as a Background for Jesuit Philosophy Transformation

This article is devoted to the consideration of significant changes undergone by Jesuit philosophy in the modern era. It reveals the reasons of the conceptual transformation of the Jesuit vision of man and his place and role in society. The Jesuits are forced to adapt their teaching to the realities of the time, resulting in a change in social priorities and refocusing on a more massive and active social categories of Western population. The author shows what main goals and challenges facing the Order today are: the promotion of social justice and equality, the assistance to socially disadvantaged sectors of society, the desire to unite all branches of the Christian religion.

Key words: Jesuits; the Catholic Church; Francis I; modernity; society.

Потребление чудесного

В статье представлен философско-культурологический анализ проблемы соотношения потребления и магии в современной культуре. Магические практики выступают одновременно как потребление экзотических и волшебных культурных форм, с одной стороны, и как возможность осуществления стремления к самореализации – с другой.

Ключевые слова: магия; потребление; магические практики; потребительские практики; самореализация.

Предполагая, что сегодня формируется новая форма культуры и соответствующий ей новый тип человека-потребителя, рассмотрим роль чрезвычайно популярной сегодня в обывательских кругах магии в этом процессе. Одним из источников, определивших процесс возрастания популярности магических практик у современного технологизированного человека, на наш взгляд, является культура потребления, доминирующая форма культуры современного человека, основанная во многом на имитации прежде существовавших культурных феноменов. Она трансформирует человека, создавая его новый тип – «компетентного» потребителя. Вот только потребительская компетенция заключается в том, что индивиды потребляют, ведомые желанием развития и самовыражения, используя максимально комфортные способы мышления и деятельности. Поэтому их творчество и «самотворчество» переносятся в виртуальный мир магии, готовой обеспечить этот комфорт через простые действия или вообще расслабленное бездействие. Способы выражения этого феномена очень разнообразны: городские граффити, песенное творчество (группа «Бесконечные мысли» – песня «Магия города»; русский рэп К. Измайлова), «студенческая» магия, психологические тренинги и психотерапевтические практики арт-, сказко- и прочей терапии, транссерфинг реальности В. Зеланда, литература фэнтези, гастрономическая культура и другие.

Магия, магический ритуал, мифомагическое мироотношение – все это традиционно ассоциируется с архаическими стадиями развития культуры и общества. Тем не менее оценка тех или иных сторон современной жизни, даже городской, как магических уже также стала привычной. Например, такие феномены, как магия Вуду в мегаполисе (см.: [1; 7]). «Конец города» (выражение Деррида) делает возможным сравнение древних магических ритуальных заговоров и современных городских граффити. А. Плущер-Сарно в книге «Магия современного города» замечает, что изуродованные надписями типа «A+B=любовь» питерские сфинксы превратились в магических защитников влюбленных. Подробные места любовной магии есть во всех крупных городах, в Екатеринбурге это скамейки в парке у «метеогорки», например. По мнению А. Плущера-Сарно, создание текста о любви равносильно волшебному творению любви. Существование любовной магии – реальность современного города, а не плод сознания ученого, увлеченного архаическим фольклором. Ставить знак равенства между традиционным заговором от «невстанихи» и современным граффити было бы некорректно, но аналогии вполне уместны (см.: [10]).

* **Екатерина Анатольевна Батюта**, канд. филос. наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма ф-та социальной психологии, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

** **Елена Валентиновна Белоусова**, канд. культурологии, доцент кафедры философии, биоэтики и культурологии, Уральский государственный медицинский университет (г. Екатеринбург).

Привычным становится словосочетание «городской шаманизм», хотя выдающийся этнограф В. Г. Богораз определял шаманство как первичную форму религиозного развития, объединяющую первобытную науку, медицину и хирургию, музыку и поэзию, религиозный культ. Этнизация – процесс, противоположный по смыслу глобализации, а также тоска по утраченному единству с природой делают популярными такие феномены современной городской культуры. Но есть еще одна причина – древний шаманизм рассматривается адептами как новый способ самореализации. Н. А. Куприянова, говоря о шаманизме нашего времени, замечает, что у Майкла Харнера никогда не шла речь о том, что шаманизм – это религия. Речь шла именно о методе, которым может овладеть современный человек, живущий в условиях мегаполиса, для того чтобы оздоровить в духовном плане свою жизнь. «Идеи городского шаманизма несут в себе широкие возможности самопознания, самораскрытия, проработки личностных проблем. Более того, они позволяют человеку получить такой опыт, которого в обычных условиях он был лишен» [3].

На наш взгляд, тут имеется парадокс: важный гуманистический концепт западной цивилизации – самореализация и творчество личности – осуществляется посредством доцивилизационных практик. Э. Кассирер называл древнюю магию «примитивной техникой исполнения желаний». Современные городские шаманы исполняют такие желания клиентов, как успешный бизнес, личная жизнь, – это называется психотерапевтической помощью шамана.

Современное песенное творчество, в первую очередь «размышлизмы» в ар-роке, отражают настроение ожидания чуда у современного потребителя. Так, в песне группы «Люмен» эти эмоции выплескиваются в словах «И снова небо замыкает на себя слова и провода, / И снова с неба проливаются на нас ответы и вода, / И если ты вдруг начал что-то понимать, / И от прозрений захотелось заорать, / Давай, кричи, но тебя могут не понять, / Никто из них не хочет ничего менять» [9].

Вездесущая магия пронизывает систему образования. Т. Веблен заметил, что магические ритуалы и шаманское мошенничество явились источником возникновения самого института образования. «По происхождению образование, так же как и деятельность духовенства, во многом является результатом развития тайной магии; и поэтому магический аппарат формальностей и ритуалов сохраняется в ученых кругах как нечто само собой разумеющееся» [2, с. 337]. Заседания ученого совета, защита диссертаций во многом носят ритуальный характер. Студенческая учебная магия как разновидность городской магии включает в себя ритуалы, заговоры, граффити и просто надписи на партах. Например, надпись, когда-то увиденная в одном уважаемом учебном заведении одним из авторов: «Кнопка выключения преподавателя. Нажимается лбом». Рядом другим почерком было написано: «И кнопка вызова девочек и бармена».

Другой пример – заговор, чтобы сдать экзамен. Читается этот заговор на зачетную книжку часа за четыре перед экзаменом: «Хоть (*имя*) к экзаменам не готовился, а все равно сдаст. Как всякий человек покушать любит, так и преподаватель (*имя преподавателя*) студента (*имя*) любит. Помогает ему и поддерживает, легкие билеты дает и лишних вопросов не задает. Упасть не дает и опозориться. Слово верно как день» [12, с. 92].

Многие виды современной повседневной деятельности, приобретая ритуальный характер, порождают отношение к ним как к магической практике. Так, кулинарные ритуалы утверждают не только широкие культурные или религиозные ценности, но и «бытовое волшебство». Примером могут служить различия в ритуале чаепития в Великобритании и Франции. Во Франции чай – символ чувственности, обладающий таинственным действием, а кофе – функциональная часть

завтрака или обеда, лишенная признаков волшебства. В то же время для жителей Великобритании именно чай – повседневный напиток, а кофе представляется им не столько напитком, сколько средством, чудесным образом стимулирующим общение и, следовательно, самовыражение индивида. Для русского традиционалиста ритуальное чаепитие – магическая практика задушевного, неформального, близкого общения. Не случайно, по выражению В. В. Розанова, настоящая теплая привязанность – это когда уже ничего не надо, даже разговоров, только самовар поставить.

Для молодых людей нашего времени ритуал посещения кофеен с большим выбором кофе становится больше чем повседневным событием. Корпорация «Старбакс» обеспечила себе коммерческий успех и укрепление бренда, превратив перерыв на кофе в культурное событие, имеющее для многих культовый статус. Можно, говоря о возникновении кофейной культуры, в т. ч. в Екатеринбурге, упомянуть такие заведения, как «Кофейня № 7», «Кофе Хауз», «Кофе Бум».

Превращение поглощения пищи в магическую ритуальную практику связано не только с кофе. Даже посетители многочисленных фастфудов, обедающие в заведениях с американизированными названиями типа «Нью-Йорк Пицца», не просто наскоро закусывают. Они самореализуются, приобщаясь к вожделенному для многих американскому образу жизни. В залах ресторанов быстрого питания можно увидеть огромные фотографии звезд на всех стенах, невольно внушающие обычным посетителям чувство сопричастности к сакральному миру волшебного успешного Голливуда. В душе клиента рождается мысль, что он, регулярно поедая пиццу «Манхэттен», проникается духом свободной Америки. Золотые арки компании «Макдоналдс» практически стали символом, синонимичным американской культуре. Стандартный интерьер и ассортимент дают возможность в любой стране мира символически попробовать «кусочек Америки». На наш взгляд, гамбургеры и культовые напитки «Кока-кола» и «Пепси» не только знакомят потребителя с американским образом жизни, но и способствуют магическому трансформированию потребителя в глобального массового человека.

Литература фэнтези – еще один яркий пример потребительской ориентации современного любителя чудесного. В статье Б. Невского «Чудеса в решетке. Фэнтези в современном мире» анализируется, в частности, такой его подвид, как «городская сказка» (иначе *urban fantasy*). Он отмечает, что «задача “современного фэнтези” – не напугать, а развлечь, позабавить или заинтересовать читателя» [8]. Магия современного фэнтези амбивалентна: с одной стороны, магия огня, магия толпы, магия денег могут погубить нашу душу, с другой стороны – она выступает как альтернатива всему этому. «Стоит нам лишь на минуту отвлечься от затуманивших голову привычных мыслей – о деньгах, футболе, выпивке, работе, шмотках – и внимательнее приглядеться к набившим оскомину вещам... свернуть не туда... замедлить шаг... чтобы оказаться в каком-нибудь странном месте, где никогда не бывал раньше» [Там же]. По этому нехитрому сюжету сформированы истории Гарри Поттера, Вадима Панова (цикл «Тайный город»), Сергея Лукьяненко (цикл о Дозорах, «Черновик» и «Чистовик»), Нила Геймана («Задверье»), Чарльз Де Линт («Лунное сердце», «Зеленая мантия»), Дианы Дуэйн («Книга Лунной ночи») и другие.

Е. В. Иванова выделяет ряд признаков фэнтези, среди которых:

- 1) наличие магии и фольклорных персонажей;
- 2) скрытое противопоставление технологии и волшебства в пользу последнего, наличие потустороннего мира и его проявлений [6, с.143].

Потребитель литературы фэнтези, погружаясь в этот мир, усваивает как традиционные и «полезные» идеи взаимопомощи и смекалки, так и не столь очевидные идеи тайной силы и скрытых возможностей магических практик.

Практическим воплощением идей фэнтези в качестве способов управления реальностью стали популярные у среднего обывателя методики «транссерфинга реальности». Автор этого направления В. Зеланд утверждает: «Повседневная действительность... предстает в новом, незнакомом обличье, отчего становится намного удивительней любой мистики. Вам предстоит убедиться, что реальность – это не совсем то, что мы привыкли под этим понимать. Материальная вселенная, как ни странно, имеет свое зеркальное отражение – неосознаваемый и незримый, но объективно существующий мир, присутствие которого проявляется в необъяснимых явлениях. И что удивительно, в точке соприкосновения этих двух миров реальность становится управляемой» [4]. Принципы транссерфинга абсолютно соответствуют потребительским компетенциям: (1) отказ от желания достигнуть цель. «Она и так никуда от вас не денется, если это Ваша цель. Рано или поздно, она будет достигнута. Главную роль играет только ваша решимость иметь, при полном отсутствии напора и решительности с вашей стороны. Вы, спокойно и не настаивая, берете свое, как почту из ящика» [5]; (2) отказ от подготовки к «гаинству». «Чем тщательней вы исполняете подготовительный ритуал, тем хуже будет результат. Вспомните, ведь у вас были ситуации, когда вы очень усердно готовились к какому-нибудь действию, событию, встрече. В итоге у вас ничего не получалось, план нарушался, встреча срывалась»; (3) отказ от ожидания вдохновения. «Свойство вдохновения состоит в том, что оно появляется, когда его не ждешь, не так ли?» [Там же]. Аналогии с сюжетами фэнтези совершенно очевидны: в принципах транссерфинга литература превращается в руководство по жизненному стилю, где расслабленный потребитель, совершенно не напрягаясь, незамысловатыми умственными усилиями «дорисовывания реальности» способен волшебным образом преобразовать свою жизнь.

На достижение такого же эффекта направлены и модные психологические тренинги, где под наукообразной фразеологией явно считывается принцип экономии любых усилий, воспетый в литературе фэнтези, столь возжеланный для современного потребителя. За один-три дня многочисленные гуру обещают гигантский личностный рост и избавление от всех проблем. Взглянем просто на названия тренинговых программ: Г. Семенюк – «трансформационный тренинг “Радикальное прощение. Освободи пространство для чуда!”»; Т. Буторина – «Онлайн-марафон “Перезагрузка жизни”»; Ю. Мазур – «Семинар “Изобилие – это состояние. Оно есть внутри каждого из нас”»; В. Зайцев – «“Сказковедение”. Обучающая игровая программа для всех желающих. Первый модуль “Тайный шифр сказок”» и др. [11].

Таким образом, сегодня потребление чудесного служит средством реализации гуманистических потенций современного человека наиболее легким и доступным каждому способом. Магия связана с надеждой на самореализацию через потребление и, в конечном счете, на обретение бессмертия. Кроме того, неутомительные магические усилия индивида над изменением своей жизни кажутся более предпочтительными, нежели активность во внешнем мире. Магические практики потребления чудесного требуют от адепта всего лишь умения фантазировать и поэтому популярны во всех своих разновидностях.

Литература

1. Блэк Д. С., Хайатт К. С. Вуду в мегаполисе. – М. : Ника, 1998.
2. Веблен Т. Теория праздного класса / пер. с англ. С. Г. Сорокиной ; под общ. ред. В. В. Мотылева. – М. : Прогресс, 1984.
3. Жигарькова О. Многоликий шаманизм нашего времени [Электронный ресурс] // Психологическая газета «Мы и мир». – 2007. – № 7 [131]. – URL: <http://www.gazeta-mim.ru/opinion/chaman.htm> (дата обращения: 06.03.2014).
4. Зеланд В. Вершитель реальности [Электронный ресурс]. – URL: http://www.love-surfing.ru/sygoedenie/Вадим_Зеланд-Вершитель_реальности.pdf (дата обращения: 08.08.2016).
5. Зеланд В. Трансерфинг реальности [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.biblio.nhat-nam.ru/Zeland-1.pdf> (дата обращения: 15.03.2015).
6. Иванова Е. В. Религиозная мифология : учеб. пособие. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011.
7. Кинг С. К. Городской шаман. – М. : София, 2001. – 288 с.
8. Невский Б. Чудеса в решетке. Фэнтези в современном мире // Мир фантастики. – 2007. – Т. 43, № 3.
9. Песни про магию // Forum.magik : [сайт]. – URL: <http://forum.magik.ru/index.php?topic=7731.0> (дата обращения: 16.09.2016).
10. Плущер-Сарно А. Магия современного города [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/93396p.html> (дата обращения: 06.03.2014).
11. Самопознание.ру [Электронный ресурс] : интернет-портал. – URL: <http://samopoznanie.ru/eburg/> (дата обращения: 16.09.2016).
12. Эстрин А. М. Магические заговоры и обереги на все случаи жизни. – Екатеринбург : У-Фактория, 2010. – 192 с.

Yekaterina Anatol'yevna Batyuta,

Candidate of Philosophy, Associate Professor at Hospitality Management and Tourism Chair, Department of Social Psychology, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Elena Valentinovna Belousova,

Candidate of Culturology, Associate Professor at the Chair of Philosophy, Bioethics and Culturology, Ural State Medical University (Ekaterinburg)

The Consumption of Wonders

The article presents philosophical and culturological analysis of the problem concerning relations between magic and consumption in modern culture. Practical magic exists, on the one hand, as the consumption of exotic and enchanting cultural forms, and the opportunity of self-realization desire, on the other hand,

Key words: magic; consumption; practical magic; consumer practices; self-realization.

Туризм: от городской субкультуры к «трансубкультуре»

В статье туризм рассматривается как одна из городских субкультур. Обозначаются причины формирования субкультур в рамках городской культуры, основные признаки субкультур, такие как субъект, вид деятельности, инициативный центр, ценности и нормы поведения, ритуалы, одежда и внешняя атрибутика. В соответствии с этими признаками объясняется понимание туризма как субкультуры, рассматриваются предпосылки формирования туристской субкультуры как движения «людей с рюкзаками» в 60-х годах XX века, соотношение понятий «турист» и «курортник», акцентируется внимание на особенностях туристской субкультуры в советском обществе. Прослеживается трансформация туристской субкультуры по ее отдельным элементам, отмечаются различия между современным и советским пониманием сущности туризма, делается вывод о том, что современный туризм также имеет признаки субкультуры, но не укладывается в ее классическое понимание, вследствие чего вводится понятие «трансубкультура».

Ключевые слова: туризм; субкультура; «люди с рюкзаками»; «курортник»; городская культура.

Долгое время изучение туризма сводилось преимущественно к описанию технологии оказания туристских услуг. В настоящее время туризм является предметом исследования различных гуманитарных дисциплин, в результате чего сформирован целый ряд подходов к пониманию туризма. Отечественные и зарубежные авторы рассматривают его как познавательную практику, форму поиска идентичности, маркер социального статуса, потребительскую практику, форму легитимизированного эскапизма и т. д. Туризм также может быть рассмотрен как феномен городской культуры. Именно на этом подходе мы остановимся более подробно.

Под городской культурой для целей данного исследования мы будем понимать подсистему, или часть, универсального культурного пространства, организованную определенным образом и сформировавшуюся на основе специфического образа жизни урбанистических поселений, особой системы ценностей, характерной для жителей города и отличной от ценностей населения других территорий (сельских жителей, странников, отшельников, монахов и т. д.). Стоит подчеркнуть, что в отечественной науке устоявшейся практикой является противопоставление города и деревни или, если смотреть шире, провинции как носителя традиционной культуры и столицы как источника передовых культурных достижений. Однако если городскую культуру понимать как часть всеобщего культурно-исторического пространства, то данное явление в той или иной мере присуще любому населенному пункту (столичному или провинциальному). Понятия «городская культура» и «культура города» не тождественны. Последнее обычно понимается как собирательное понятие, включающее особую, искусственно созданную городскую среду (совокупность физических и символических объектов, технологии) и особый порядок существования горожан. Говоря же о городской культуре, мы подразумеваем не только совокупность материальных факторов, но и духовную сферу (ценности и нормы, характерные для жителей городов, особый менталитет и психология горожанина). «Культура города» подразумевает наличие физических и административно-территориальных границ, а «городская культура» не ограничена такими внешними рамками, так как в нее включены духовные регуля-

* **Ольга Юрьевна Минина**, аспирант, преподаватель кафедры социально-культурного сервиса и туризма АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: o-minina@mail.ru

тивы, определяющие поведение людей. Более того, население городов неоднородно: оно состоит как из горожан «со стажем», обычно являющихся носителями собственно городской культуры, так и из носителей традиционной и квазигородской культуры [7, с. 335]. Однако наиболее ярко особенности городской культуры все же проявляются в крупных городах.

Жизнь в крупном городе подразумевает ряд проблемных для физического и психологического здоровья человека факторов (стрессы, повышенный уровень агрессии, «одинокость в толпе» и проч.), но в то же время, по словам Льюиса Мамфорда, большой город – это «символ возможностей». Важной особенностью городской среды является ее неоднородность. «Исторически присущую городам атмосферу терпимости пронзили молнии культурного “разнообразия”. Принятие разнообразия предполагает, что вы разделяете общественные пространства – улицы, автобусы, парки, школы – с людьми, чей образ жизни отличается от вашего, возможно, весьма разительно и который вы не одобряете» [10]. Такие образования, обладающие относительной самостоятельностью, отличающиеся своими ценностями, обычаями и нормами, мировоззрением, можно определить как субкультуры.

В научной литературе термин «субкультура» встречается с 30-х годов XX века, но активным исследованием субкультур (прежде всего молодежных движений) начинают заниматься социологи в 60–70-х гг. Изначально это понятие имело выраженную негативную окраску: субкультура понималась как маргинальное явление, явный протест против «традиционного» социального порядка. В настоящее время очевидно, что картина мира, мировоззрение, ценности приверженцев той или иной субкультуры не обязательно опровергают ценности общей, главенствующей культуры. Даже есть мнение, что субкультуры существовали практически всегда, вне зависимости от эпохи и политического строя. Фактически каждая социальная группа может иметь (но не всегда имеет!) свою субкультуру. Кроме того, «каждый человек принадлежит к какой-то субкультуре, хотя субкультуры большинства людей не имеют ни самоназвания, ни системы символов, обозначающих их границы» [26].

Таким образом, субкультура понимается как подсистема базовой, «официальной» культуры, определяющая стиль жизни, ценностную иерархию и менталитет (т. е. мировосприятие, умонастроение) ее носителей [17, с. 33]. Субкультура – это подкультура, культура в культуре. Так обычно называют культуру какой-либо социальной и демографической группы либо особую сферу культуры, которая отличается от господствующей культуры ценностным строем, обычаями, нормами, стилем поведения. Чтобы понять соотношение культуры и субкультуры, можно обратиться к исследованию М. Соколова, который считает, что одно из принципиальных отличий в данном случае состоит в произвольности выбора. «Собственно, говорить о выборе культуры невозможно: приобщение к ней начинается без согласия ребенка. Но приобщение к одной из субкультур во всех случаях подразумевает принятие решения (или нескольких последовательных решений), осуществляемое сознательно. Это – один из редких моментов, когда человек волен решать, через какие очки ему смотреть на мир» [26].

Единого подхода к классификации субкультур не существует. Их разделяют по возрасту участников, территориальному или профессиональному статусу, материальным характеристикам и т. д. К примеру, Г. С. Абрамова выделяет следующие типы субкультур: возрастные (подростковая, юношеская, пожилых людей), профессиональные (врачей, военных, юристов, музыкантов и пр.), территориальные (сельские, городские и пр.), предметно-опосредованные (фанаты эстрадной звезды или спортивного клуба, коллекционеры) [1, с. 363]. Б. Ерасов выделяет 10 типов субкультуры: субкультура бедных и богатых, гендерная, го-

родская и сельская, девиантная, классовая, криминальная, молодежная, периферийная и элитарная [8, с. 252]. Существует большое количество подобных классификаций, но ни одну нельзя признать универсальной, так как субкультура – это сложная система, мы можем принадлежать нескольким субкультурам одновременно, даже не отдавая себе отчета в этом.

Основываясь на приведенных выше примерах классификации субкультур, необходимо отметить, что городская культура, с одной стороны, сама может рассматриваться как субкультура, с другой стороны, исследователи признают, что городская культура является вместилищем многих субкультурных образований, более или менее специфичных именно для городской среды. Городские субкультуры весьма разнообразны, и именно сама городская среда провоцирует формирование всего этого многообразия. Особенно явно это можно увидеть на примере молодежных субкультур, но вполне применимо и к другим их типам. Причина кроется в специфике городского образа жизни. Так, Э. Фромм писал, что «у человека должна быть возможность отнести себя к какой-то системе, которая бы направляла его жизнь, придавала ей смысл; в противном случае его охватывают сомнения, в конечном счете парализующие его способность действовать, а значит, лишаящие его способности жить» [30, с. 38]. Исследователь молодежных субкультур С. И. Левикова в своем определении молодежных субкультур подчеркивает их преимущественно городской характер и вслед за Э. Фроммом объясняет их появление попыткой молодого человека найти свое место в обществе: «Молодежная субкультура – это эзотерическая, эскапистская, урбанистическая культура, созданная молодыми людьми для себя. Это – “элитарная” (т. е. не для всех) культура, нацеленная на включение молодых людей в общество» [16].

Причины ухода в субкультуру (это опять же ярче всего проявляется в молодежной среде) в чем-то сродни уходу в религию: потеря смысла жизни, разрушение идеалов, двойная мораль, бездуховность, цинизм [33]. С. И. Левикова считает, что мировоззренческие установки молодежных субкультур произрастают из возможности «быть» в обществе «иметь» [17, с. 202]. Современное общество ориентировано на бесконечное потребление, а субкультура воспринимается как возможность любить, дружить, заботиться друг о друге. Принадлежность к группе дает человеку чувство защищенности, безопасности, что является одной из наших базовых потребностей, ведь «группа, в отличие от абстрактного понятия “социум”, это, прежде всего, осязаемый конкретный мир» [15].

Еще одной причиной возникновения субкультур является то, что они служат социализации личности: помогают человеку найти себя, определить свое место в мире. С другой стороны, субкультура, напротив, может отрывать от действительности своих приверженцев, так как «субкультура – это игра в воплощение идеала, в котором имеет место дистанцированность от наличной действительности в область идеального и желаемого» [22], а идеалы связаны с областью мечты, фантазии, утопических представлений. Ключевой компонентой любой субкультуры А. В. Парийчук считает миф. В рамках этого субкультурного мифа индивид воспринимает себя как часть целого, где индивидуальное заключается в оболочку коллективного. «Если при разрушении или недостаточной значимости общекультурного мифологического пласта возникает миф, знак и ритуал узкого сообщества, то оно (сообщество) становится субкультурой» [Там же]. Миф определяет ценностные и мировоззренческие границы субкультуры, не позволяет ей выйти за собственные рамки.

Субкультуры характеризуются большей или меньшей герметичностью, наличием собственных правил поведения и моральных норм, разной степенью противопоставления себя господствующей культуре. Городские субкультуры крайне разнообразны, но в целом они отражают особенности развития городской среды в

социальном, историческом, демографическом аспектах. Это объясняется тем, что становление таких субкультур происходит на фоне становления города, особенности жизни в котором фиксируются в специфических чертах поведения людей, языка, сознания.

В качестве обязательного набора элементов любой субкультуры, отсутствие хотя бы одного из которых ставит под вопрос правомерность ее выделения, С. И. Левикова называет:

- специфический стиль жизни и поведения;
- наличие своеобразных норм, ценностей, мировосприятия, что часто приводит к неконформизму (в отношении базовой культуры);
- наличие определенной внешней атрибутики, проявляющейся в одежде, украшениях, манерах, жаргоне и т. п., причем эта атрибутика может иметь специфическое символическое значение, которое не способен «расшифровать» посторонний;
- наличие более или менее явного инициативного центра, генерирующего идеи [18].

Иные исследователи в качестве «центра», который привлекает молодых людей в субкультурную группу, называют групповой образ – воплощенные в имидже и стиле жизни идеи субкультуры [20]. Также в качестве ее объединяющих элементов называют субъект, вид деятельности, ценности, ритуалы, нормы поведения, одежду, аксессуары. Н. Н. Слюсаревский добавляет к этому процедурное знание (умения и навыки, способы и методы осуществления какой-либо деятельности), определенные потребности и склонности членов субкультуры [25]. Участие в субкультурах предполагает также наличие интеллектуальных, физических, финансовых, социальных и личностных вложений в групповую деятельность, а иногда и такие жертвы, как незаконченное обучение в вузе, конфликтные отношения с родственниками, друзьями, коллегами, вплоть до угрозы жизни [9].

Формированию молодежных субкультур могут способствовать социально-политические факторы. Молодежь очень чувствительна к «перекосам» в области политики и идеологии. Каждый человек, особенно в юном возрасте, сталкивается с определенными философскими и мировоззренческими вопросами. Государственная идеология может помочь найти на них ответы, а ее отсутствие, напротив, провоцирует их самостоятельный поиск, что может явиться базой для появления каких-то неформальных объединений. «Перекосы» в противоположную сторону также играют свою роль: формирование субкультур может быть напрямую связано с попытками официальных властей «заполнить все поры социокультурного организма города» [7, с. 336], установить контроль за разными сферами жизни общества. Такие тоталитарные тенденции, обычно являющиеся результатом господствующей в стране идеологии, политического режима, приводят к обратному эффекту – образованию большого числа закрытых субкультур. Это можно проследить на примере советского общества.

Ф. Н. Алипхапова отмечает, что Коммунистический союз молодежи, с одной стороны, выгодно отличался от современных молодежных общественных организаций тем, что имел четко выраженную идеологию, структуру, систему ценностей и атрибутику, но, с другой, – налицо был низкий уровень не формальной, а реальной активности молодых людей [2]. Ряд из них вступали в комсомол не столько по выраженным идейным соображениям, сколько по желанию сделать карьеру либо в силу сложившихся привычек и стереотипов. В таком случае они без особого энтузиазма относились к выполнению комсомольских поручений, организации и участию в акциях, идеологическим символам и нормам жизни. В связи с этим параллельно комсомолу и рядом с ним происходило становление неформальной молодежной идеологии, а на ее базе возникали всё новые и новые неформальные

молодежные объединения, в основном копирующие с небольшим временным опозданием западные аналоги.

Расцвет молодежных субкультур в СССР пришелся на вторую половину 70-х – 80-е гг., но вполне правомерно говорить о появлении молодежных субкультур и в более ранний период. Например, в середине XX века в нашей стране происходит становление массового туризма, который можно назвать одной из городских субкультур. Л. А. Мясникова отмечает, что на 50–60-е гг. XX века приходится формирование массовой социально-культурной практики туризма в США, Европе и СССР, причем условия ее формирования в этих странах были в определенной мере схожи. Везде наблюдался некий конфликт с идеологией «отцов». Разница заключалась в том, что в США и европейских державах молодежь противопоставляла себя буржуазной культуре, а в СССР – идеологии большевизма и марксизма, «сталинским извращениям» [21, с. 450]. В молодежной среде формируется культ дороги, который на Западе выразился, прежде всего, в путешествиях автостопом. С небольшим опозданием это движение приживается в СССР. После визита в США Н. Хрущев решает внедрить в стране кое-что из увиденного – помимо прочего, это была всеобщая автомобилизация и автостоп. В начале 60-х годов в СССР даже проводились официальные чемпионаты по автостопу на трассе Москва – Ялта, газеты печатали статьи, призывавшие водителей подбирать попутных пассажиров (и устраивали среди них соревнования с ценными призами на звание наиболее активного водителя Автостопа), а швейные фабрики шили специальную автостопную униформу [6].

«В процессе конструирования на чужой почве первозданный образ чужой культуры очищается от неприемлемых черт, пополняется новыми интерпретациями, рождаемыми новой средой обитания образа. При этом окончательный вариант обычно весьма отличен не только от “оригинала”, но и от аналогов, “прописавшихся” в других странах или регионах» [2]. Так и в случае автостопа советская действительность внесла свои коррективы. Даже этот относительно свободный способ путешествия был строго регламентирован. Ездить автостопом мог только человек, достигший шестнадцатилетнего возраста и зарегистрировавшийся в местной туристической организации. Для того чтобы держать автостопщиков на учете, каждый из них был обязан получить специальную книжку с талонами «Автостопа», которая выдавалась туристическим клубом или туристической секцией на производстве. В талон вносилась информация о фамилии и имени туриста, маршруте передвижения, указывался номерной знак, тип и марка машины, а также автохозяйство, к которому она принадлежала. Остановив машину, турист-автостопщик заполнял талон и отдавал его часть водителю, а тот, в свою очередь, получал обязательство хранить талон у себя [23].

Возможно, в противовес серьезному контролю даже в сфере досуга в нашей стране закрепилось другое направление самодеятельного туризма – движение «людей с рюкзаками», отправлявшихся на покорение горных вершин и бурных рек в разных концах страны. В общем-то, это явление также не было уникальным для Советского Союза. Молодежь из европейских стран в 60-х годах, на фоне увлечения буддизмом и индийской философией, массово устремилась в страны Юго-Восточной Азии. К тому же в то время этот регион был настолько беден, что даже при наличии нескольких десятков долларов в кармане можно было ни в чем себе не отказывать [5]. Такое движение получило наименование «бэкпэкинг» от английского *backpack* – рюкзак.

В СССР движущими факторами развития «рюкзакинга» были не столько увлечение философией и желание сэкономить (хотя, наверное, не без этого), сколько упомянутые выше тоталитарные тенденции. Условия жесткого контроля, ощущение несвободы провоцировали стремление сбежать от официоза, неис-

кренности, неподлинности. Стоит отметить, что туризм являлся специфическим городским явлением, и хотя в середине XX века в СССР с натяжкой можно было говорить о всех тех стрессовых факторах городской жизни, которые характерны для крупнейших российских городов сегодняшнего дня, но разорванность социальных связей, отчуждение от природы, неискренность отношений горожанами ощущались уже тогда. Природа воспринималась как противопоставление «каменным джунглям» – нечто натуральное, настоящее, подлинное. «Деревенскому жителю туризм был не нужен. В деревне и так жизнь и общение – “лицом к лицу”, крестьянин с природой ежедневно и ежечасно связан. А горожанину туризм представлялся (и являлся!) источником впечатлений, способом проверки себя на прочность, возможностью обрести настоящих друзей» [21, с. 450]. Романтические порывы, выражающиеся в поиске настоящей дружбы и настоящих чувств вообще, также явились значимым двигателем развития туризма. Совместный быт в туристском походе раскрывал, кто есть кто на самом деле. Советское общество вообще во многом было пронизано духом романтики: «было не просто самым романтическим во всей человеческой истории, пожалуй, оно было единственным, включившим в себя романтику в качестве важнейшего структурного элемента» [31].

Проследить предпосылки становления туристского движения в СССР в рамках городской культуры можно, обратившись к рассуждениям С. Г. Кара-Мурзы, который подмечает, что жизнь в большом городе лишает человека естественных средств удовлетворения потребностей и создает постоянный стресс из-за того, что городская организация пространства и времени противоречит природным ритмам. Кроме биологических потребностей, для удовлетворения которых существуют вещи, для человека не менее фундаментальна необходимость в потреблении образов. Жизнь крестьянина религиозна, поэтому для нее характерны простые и естественные земные потребности, которые дополнены интенсивным «потреблением» духовных образов. Городское же общество оторвано от природы и куда менее религиозно. Запад безрелигиозному городскому обществу предоставил замену в виде огромного числа фетишей (вещей-образов), а также создал вымышленную («виртуальную») реальность, т. е. в ответ на новые потребности человека «погасил» их избытком суррогатов. Советские же идеологи, напротив, клеймили «вещизм», боролись со «стилягами». Если первые четыре десятилетия советского периода человека питали духовные, почти религиозные образы долга, Родины, то начиная с 60-х годов появляется «голод на образы». Неосознанное недовольство жизнью в городском советском обществе усугубляется избыточной надежностью социального уклада, его детерминированностью, небольшим, но гарантированным благосостоянием. Обратной стороной высокой социальной защищенности явилась скука, особенно явно проявлявшаяся в среде молодежи, не испытавшей на себе ни войны, ни разрухи. Таким образом, в СССР не удовлетворялась значимая для человека потребность в неопределенности и приключениях [14].

На фоне тяги к приключениям еще в 30-х годах появляется массовое увлечение альпинизмом, а затем более демократичными и доступными туристическими походами. «Обычной одеждой интеллигента того времени становится брезентовая штормовка, а большой “абалаковский” (по фамилии своего конструктора) рюкзак – атрибутом истинного романтика» [31].

Комсомольская организация не препятствовала развитию движения «людей с рюкзаками», наоборот, даже поощряла его. Уже в первые послевоенные годы для самостоятельных туристов стали издаваться пособия, разрабатываться инструкции, методические рекомендации по самодеятельному туризму, перечни классифицированных туристских маршрутов, перевалов, пещер, туризм включается в Единую всесоюзную спортивную классификацию. В стране была выстроена мощная структура управления туризмом, во главе которой стояли Всесоюзный Цен-

тральный Совет Профессиональных Союзов (ВЦСПС) и Союз спортивных обществ и организаций СССР, а работа на местах шла через секции и федерации добровольных спортивных обществ (ДСО). Туристские путешествия было принято разделять на самостоятельные (организовывались силами туристской группы) и плановые (приобреталась путевка на определенный маршрут). Для европейского движения «людей с рюкзаками» любая мысль о контроле, структурированности и плановости была противоестественной. В советской же действительности мы столкнулись с уникальным явлением: с одной стороны, движение «людей с рюкзаками» развивалось в рамках идеологии партии и правительства, внутри комсомольского движения и по определенным «правилам игры», с другой – было средством ухода от формализма и официоза.

Туристские походы позволяли их участникам примерить на себя совершенно новый образ романтического героя 60-х: им стал младший научный сотрудник или аспирант, заядлый походник, поющий под гитару. «Романтический идеал 60-х – универсальный человек, одинаково естественно чувствующий себя и в научной лаборатории, и посреди заболоченной тайги, и в кругу друзей. “Физик” и “лирик” в одном лице» [31]. Помимо налета романтики, такие походы имели еще и важную функцию «репетиции жизни». Тут можно было рисковать (и учиться грамотно просчитывать риски), принимать решения, нести ответственность за себя и за других.

Таким образом, уникальность советской туристской субкультуры 60-х годов заключалась в том, что она развивалась в русле идеологической линии партии, внутри комсомольского движения, не только не противостояла им, но даже поддерживалась государством. «Людьми с рюкзаками» руководило желание проявить себя, примерить на себя образ «героя», а также романтические порывы поиска искренних чувств, свежих эмоций, желание сбежать из «каменных джунглей» и воссоединиться с природой. Для общества того периода были характерны предсказуемость и относительное благополучие жизни при условии постоянного контроля, в том числе через подчинение коллективу. Можно сказать, что туристские походы 60-х были манифестацией внутренней свободы. Таким образом, исходя из критерия ценностных ориентаций [24] субкультура «людей с рюкзаками» относилась к романтико-эскапистскому типу. Преобладание молодежных субкультур активно-созидательного, романтического и альтруистического направления в принципе было характерно для советской эпохи [19].

Итак, мы осветили предпосылки развития туризма в СССР в середине XX века. Но что дает нам право говорить о формировании туристской субкультуры? Выше мы уже перечисляли объединяющие признаки субкультур. Обобщив точки зрения разных исследователей, к ним можно отнести: общность субъекта и вида деятельности, наличие инициативного центра, специфический стиль жизни и поведения, наличие специфических норм и ценностей, особые ритуалы и определенную внешнюю атрибутику (одежда, аксессуары, особый сленг).

Интересное исследование туризма 60-х с позиции субкультуры проводит в своих статьях Е. И. Ферапонтов [28]. В качестве субъекта деятельности он выделяет студента. В советское время в принципе большинство молодых людей включалось в субкультуры на первых курсах обучения в высших учебных заведениях [20]. Однако движение «людей с рюкзаками» выросло вместе с его приверженцами, и к семидесятым – восьмидесятым годам оно стало движением «инженерским». Существовали также организованные субъекты данной субкультуры. Ими могли выступать туристская группа – первичная ячейка субкультуры, которая, как правило, включала 8–15 членов, а также упомянутые выше турклубы, функция которых состояла в организации и материальном обеспечении маршрутов, хранении и передаче традиций.

Формальным инициативным центром выступали различные туристские организации. Ценности самостоятельных туристов того времени носили романтический оттенок, но, помимо достижения «высоких» целей, туризм, безусловно, выполнял рекреационную и досуговую функцию (это был способ расслабления, а не принудительная необходимость); кроме того, он был официально признанным видом спорта, разрешенным хобби, включал игровые элементы. Нельзя отрицать наличия в нем познавательной и оздоровительной функций, хотя, возможно, они и не мыслились в качестве самоцели. Вернее говорить о двух подвидах туризма: туризме как виде спорта (групповые походы, имеющие целью физическую закалку организма) и как виде путешествий, совершаемых для отдыха и самообразования. При этом, если говорить о конкретном виде деятельности, в туристской субкультуре существовало свое деление в зависимости от того, куда и как ходили туристы: «пешеходники», «водники», «горники», альпинисты, спелеологи и т. д. Между этими группами существовало много общего, хотя присутствовали и различия в сленге, элементах фольклора.

Перечень туристских ритуалов был весьма обширен. К ним можно отнести особый порядок сбора, ритуалы перехода из «чайников» в туристы, правила распределения обязанностей, специфические суеверия туристов. Туристское движение имело мифологию со своим пантеоном и своей демонологией: Черный Альпинист, Белый Спелеолог, местные духи и т. д.

У «людей с рюкзаками» существовал особый кодекс чести (приоритет интересов группы над индивидуальными, подчинение более опытным туристам, помощь слабым и новичкам, распределение обязанностей на равных) и правила поведения на природе (бережное к ней отношение).

Турист обязательно имел узнаваемую одежду и атрибуты: палатку, рюкзак, котелок, штормовку, кеды, гитару, фотокамеру. Эта атрибутика и сленг были строго локализованы территориально (т. е. проявлялись на маршруте, вне городской среды) и временными рамками (применялись во время туристического сезона). Однако, благодаря обширной периферии (людей слабо связанных с субкультурой, однако владеющих основными ее понятиями) и неизбежной проницаемости границ социальных ячеек, ряд элементов туристского фольклора влился в понятие городского фольклора [29], а значит, и городской культуры. Ярче всего иллюстрирует этот тезис авторская песня, перекочевавшая на кухни, в стены студенческих общежитий, а затем в молодежные кафе (см: [34]).

Кроме того, если сегодня понятие туриста довольно размыто – туристом мы назовем и того, кто полетел загорать на турецком пляже, кто поехал в автобусный тур по замкам Луары или пошел в поход на Таганай, – то в середине XX века оно было куда более конкретным. Турист («человек с рюкзаком») противопоставлялся «курортнику» [21]. Вместе с тем некоторые «курортники» хотя и не обладали такой развитой и оформленной субкультурой, но тоже были близки к самостоятельным туристам. Самостоятельный туризм курортников был основан на сильнейшей личной мотивации. Отличительной его чертой было то, что отдыхающий почти не пользовался имеющейся туристской инфраструктурой (часто это было не принципиальной, а вынужденной позицией из-за недостаточности инфраструктуры и нехватки профсоюзных путевок «простому советскому человеку»). Безусловно, одним из факторов развития такого вида туризма был материальный: соблазн провести весь отпуск на курорте с минимальными затратами (правда, предполагалось юмористическое отношение к сервису). Иногда это был не просто недорогой и самостоятельный тур, а тур вне дестинации, но в основном, в отличие от туристов, для «дикарей-курортников» были привлекательны как раз «исхоженные» места [12]. «Курортник», судя по названию, – человек, отдыхающий в курортной

зоне. А курорт – это по определению местность освоенная и используемая для организации отдыха и оздоровления.

Тем не менее между «людьми с рюкзаками» и «дикарями-курортниками» общим было спокойное отношение к материальным факторам и выход на первый план чисто человеческих качеств: смелости, ответственности и взаимовыручки (подобная взаимовыручка «курортников» легла, например, в основу сюжета известного советского фильма «Будьте моим мужем»). Таким образом «курортники» также находились в тренде общего романтического настроения в отношении путешествий. В итоге каждое лето в Краснодарский край, на побережье Крыма и Кавказа устремлялись потоки молодежи и вполне зрелых семейных людей, которые брали штурмом поезда, а жить готовы были в сараях и на верандах.

Правомерно ли говорить о существовании туристской субкультуры сегодня? Во-первых, нельзя сказать, что движение «людей с рюкзаками» полностью исчезло, хотя стоит признать, что оно несколько трансформировалось. Более размытым стал и портрет типичного бэкпэкера: сегодня это может быть и городской интеллигент, который много лет занимается туризмом, превратив его во вторую профессию и дополнительный образ жизни, – в их довольно сплоченной и устойчивой среде воспроизводятся песни, язык общения, мифы, предания, анекдоты, уходящие корнями в советскую эпоху; вместе с тем в настоящее время подобное движение существует и в молодежной среде (20–30 лет). Что движет этими людьми сегодня, какова вероятность того, что свое увлечение они пронесут через всю жизнь (в частности, сохранится ли оно после появления детей) – вопрос интересный и требующий отдельного рассмотрения. Однако можно предположить, что это движение в целом сохранило черты и особенности туристской субкультуры XX века, начиная от одежды и атрибутики (сегодня, правда, более «продвинутой»), заканчивая ценностями искренней дружбы и общения (хотя, возможно, не столь романтизируемыми) и функцией эскапизма (бегства пусть не от идеологии и контроля, но из «каменных джунглей» и сферы долженствования). Роднит современных «бэкпэкеров» с советскими «рюкзачниками» и туристский фольклор: легенды про черного альпиниста и бардовская песня передаются из поколения в поколение. Интересно, что такой феномен, как современная туристская песня, в принципе не сформировался – у костра по-прежнему звучат преимущественно «Солнышко лесное», «Изгиб гитары желтой» и т. п.

Никуда не делись и «дикари-курортники», хотя стали более притязательными в отношении условий своего отдыха. Думается, что сегодня все меньше желающих, к примеру, отправиться жить на две недели в палатке или сарайчике с маленькими детьми. В наше время фраза «мы ездили отдыхать дикарями» скорее подразумевает более или менее комфортабельную поездку на собственном автомобиле и размещение в гостевых домах.

Сегодня при упоминании о «туристе» первой пришедшей ассоциацией вряд ли будет бородатый младший научный сотрудник какого-нибудь НИИ с рюкзаком и гитарой, скорее воображение нарисует нам образ человека, отправляющегося в путешествие (чаще зарубежное) в комфортных условиях и с использованием услуг специализированных туристских предприятий. То есть современный туризм – «это уже не совсем туризм романтиков» [21, с. 451]. Туристские поездки в наше время приобрели массовый, стереотипный и нередко поверхностный характер. Но, несмотря на разнообразие современных туристских практик, туризм все же сохраняет определенные признаки субкультуры.

Если опереться на обозначенный выше перечень этих признаков – субъект, вид деятельности, инициативный центр, ценности и нормы поведения, ритуалы и внешняя атрибутика, – то можно попытаться охарактеризовать типичный образ современного туриста.

Движение «людей с рюкзаками» объединяло довольно широкий пласт студенчества и городской интеллигенции, среди которых встречались представители разных профессий, люди с разным семейным положением, увлечениями, социальным статусом, «дикари-курортники» – еще более неоднородная среда. Современные туристы также очень разнообразны, в их число могут включаться представители любого социального слоя. Встречаются даже попытки их классификации (в основном не носящие научного и систематического характера, но довольно любопытные). Например, на одном из тематических интернет-ресурсов о туризме [3] выделены следующие типы: «VIP-classic» (человек, предпочитающий отдых по высшему разряду, способный себе это позволить), «отморозок» (имитирует образ жизни и привычки VIP-туриста, путешествует для поддержания имиджа); «эскапист» (любитель экологического и экстремального туризма, уставший от рутины и современного ритма жизни) – эти разновидности туристов довольно многочисленны. Подавляющее большинство туристов – это «курортники» (предпочитающие пляжный отдых, «двигатели турупрогресса», задающие тон и ценовую политику предприятиям туристической индустрии) и «экскурсанты», среди которых выделяются «максималисты» и «минималисты» в зависимости от глубины знакомства с дестинацией. Несмотря на довольно выраженную конфронтацию между «курортниками» и «экскурсантами» (подобно противопоставлению «туристов» и «курортников» в советский период), можно выделить смешанный тип «курортника-экскурсанта», который является основным потребителем турпродукта формата «неделя экскурсий + неделя отдыха на море». В рамках самостоятельного туризма выделяются такие типы, как «индивидуалист», отрицающий групповые туры с их жестким графиком и передвижением в толпе «сотоварищей», «бэкпэкер» (в отличие от «людей с рюкзаками» 60-х, движим не столько романтическими порывами, сколько стремлением к максимальной оптимизации расходов на поездку и предпочитающий нестандартные программы путешествий) и «автостопщик».

Таким образом, у современных туристов выбор конкретной дестинации и бюджет поездки могут сильно различаться, причем материальное положение и социальный статус не обязательно являются определяющими в данном выборе.

Сложнее обстоит дело с определением инициативного центра для современного туризма. Под инициативным центром субкультуры понимают некий инициативный блок, который формирует целостную картину мира, проповедует определенный образ жизни, отношение к тем или иным социальным явлениям, вырабатывает тексты, которые закладывают основу ценностей той или иной группы, т. е. формирует субкультурное мировоззрение своих членов. В туристской субкультуре советской эпохи такую роль выполняли туристские клубы. Сегодня сложно обозначить какую-либо формальную структуру, взявшую на себя эти задачи. Можно предположить, что таким инициативным центром, правда с размытыми границами и отсутствием явно выраженного лидера, являются средства массовой информации, и прежде всего Интернет и социальные сети. Так, на самых разнообразных сайтах для приверженцев туризма и профессионалов турбизнеса можно наткнуться на определения современного туриста как человека, ищущего авантюрного путешествия, выбирающего для просмотра достопримечательности на основе рекомендаций из социальных сетей. Отмечается явное взросление и «возмужание» посетителей туристской интернет-аудитории – это говорит о том, что в Сеть приходит самая платежеспособная часть населения, задающая тон в путешествиях и моду на направления поездок; более того, среди этой аудитории все больше мужчин, а именно они часто являются конечными покупателями турпродукта. Другие источники сообщают о росте мобильного потребления и мобильной рекламы в сфере туризма, а также поддержке специальных мобильных сервисов

для туристов владельцами платформ (например, компаниями Google, Apple, Microsoft и проч.).

Вопрос о нормах поведения современного туриста остается открытым. Еще 5–10 лет назад это понятие и вовсе было размытым, но в последнее время намечается тенденция к общему повышению культурного уровня туриста из России (вечно пьяные Гена и Вован из Нижнего Тагила на турецком курорте – это все чаще комические персонажи, а не реальные люди).

Ценности и смыслы, которые движут современным массовым туристом, сейчас активно изучаются разными отраслями научного знания. Популярной позицией является рассмотрение туризма с точки зрения потребительских ценностей (туризм как практика «присвоения» туристских объектов, искусственно созданных применительно к нуждам туристов, которые не стремятся к истинному познанию и аутентичности, а нацелены лишь на получение заранее запланированного удовольствия), однако этой концепции противоречат новые формы «глубинного туризма».

Ритуалов в туризме сейчас не меньше (если не больше), чем в середине XX века. Современные исследователи выделяют несколько групп подобных ритуалов: ритуалы присвоения (приобретение сувениров), ритуалы жертвоприношения (бросание монеток), ритуалы маркирования автопрезентации – «здесь был Я» (фотографирование), мемориальные ритуалы (во время посещения захоронений) [13]. Также современным турпоездкам сопутствуют специфические ритуалы перехода (получение визы, сбор чемоданов, передача дел на работе, перевод часов в самолете, распитие спиртного с незнакомым попутчиком в поезде). Ритуалы возвращения менее праздничны, но столь же обязательны: подробные отчеты перед друзьями, вручение подарков близким, демонстрация фотографий и выкладывание их в социальных сетях [27].

Внешний вид и атрибутика современного туриста не так просто поддаются обобщенной характеристике, как в случае «людей с рюкзаками», но все же узнаваемы: купальник, солнечные очки, сланцы или легкие кроссовки, шорты или капри, селфи-палка, чемодан на колесиках.

У современного туриста есть свой язык, куда проникают профессиональные термины индустрии туризма (дабл, ол инклюзив, сити-отель, бунгало), которые становятся общеупотребимыми и понятными потребителю туристских услуг. И хотя автор данной статьи совершенно не является специалистом в музыке и современных музыкальных жанрах (поэтому следующую мысль можно рассматривать только как допущение на уровне обывателя), но можно предположить даже существование определенной музыкальной культуры современных популярных курортов. Ведь как «Милая моя, солнышко лесное...» неизменно навеивает мысли о палатке и костре, так «Третье сентября», «Марджанджа», «Натали» или «Черные глаза» вызовут ассоциации с сочинскими прибрежными кафе у большинства из тех, кто отдыхал на этом курорте за последние 15 лет.

Таким образом, мы можем утверждать, что феномен современного туризма вырос на основе серьезных трансформаций советской туристской субкультуры и сохранил признаки субкультуры, но не укладывается в классическое ее понимание из-за слишком большого разнообразия видов современного туризма. За последние 10–15 лет появились совершенно новые понятия: деловой туризм, паломнический туризм, агротуризм (60 лет назад, наверное, никому даже не пришло бы в голову, что возможно платить за то, чтобы самому работать на уборке урожая), индустриальный туризм (по крайней мере, его цели и содержание сильно видоизменились), экологический туризм, не говоря уж о совсем экзотических видах вроде «черного» туризма, путешествий по «заброшкам» и т. д. Сегодня туризм может быть даже космическим или виртуальным.

Да и остальные признаки современного туриста, которые мы попытались выделить как «типичные», при ближайшем рассмотрении отнюдь не создают целостной картины – скорее наоборот. Собственно, это неудивительно: изменился сам турист. Вернее, он продолжает постоянно меняться в рамках «текущей современности». Об этом изменении говорил еще Зигмунд Бауман в далеком 1995 году. Он сравнивал паломника как воплощение модерна, а современное ему общество характеризовал собирательным образом, в который включены фигуры фланера, бродяги, игрока и туриста. Турист получает от Баумана весьма нелестную характеристику человека поверхностного, постоянно ищущего новых переживаний и приключений, экзотики, но при условии максимальной безопасности и того, что эта экзотика «не въестся в кожу, и ее можно будет стряхнуть с себя в любой момент» [4]. Формула Баумана во многом оправдана, но и она устарела за последние 20 лет: в нее с трудом вписывается феномен благотворительного туризма, «глубокого» или волонтерского туризма. Хотя относительно последнего из упомянутых в 2012–2013 годах стали разгораться жаркие споры под лозунгом «волонтерский туризм – это новый колониализм» [11].

Современные туристы характеризуются разными системами ценностей, интересами и ожиданиями от поездок. Разнообразие видов туризма порождает разные цели, мотивы, движущие силы, которые руководят туристом. В то же время нельзя не отметить базовое, глубинное сходство их стремлений. В данном случае, конечно, следует отделить такие категории путешественников, как паломники, деловые туристы, туристы, отправляющиеся на лечение в соответствии с рекомендациями врача, и прочие, которые хотя и подпадают под законодательное понятие туризма, но отправляются в путь с узкой, строго ограниченной целью. В остальном же для современного туриста – «курортника», «походника», «экскурсанта» – путешествие является эскапистской либо потребительской практикой, или формой поиска собственной идентичности. В общем-то, на этом и построены основные современные подходы к пониманию туризма. Правда, в отличие от достаточно замкнутого и «герметичного» движения советских «рюкзачников», сегодня туризм доступен многим.

Мы видим, что современный туризм несводим к классическому определению субкультуры. Н. Н. Шабалова предлагает определить его как транссубкультуру, понимая ее как «культурное саморазвивающееся образование, возникающее на перекрестке культур, интегрирующее ценности, нормы и стили разных культур» [33, с. 139]. Данный термин базируется на понимании М. Н. Эпштейном термина «транскультура»: «Транскультура – это сфера культурного развития за границами сложившихся национальных, расовых, гендерных, профессиональных культур. Транскультура преодолевает замкнутость их традиций, языковых и ценностных детерминаций и раздвигает поле “надкультурного” творчества. Транскультура предполагает позицию отстранения, “внезаходимости” по отношению к существующим культурам и процесс преодоления зависимостей от “своей”, “родной”, “врожденной” культуры. Транскультура выявляет нереализованные возможности, смыслы и знаковые лакуны в культурах и создает новую символическую среду обитания на границах и перекрестках разных культур» [35, с. 90]. Транскультура приобретает при выходе из своей культуры, на контакте с чужими в результате опыта собственных культурных странствий и трансмутаций. В рамках транскультуры действует принцип не дифференцирования, а интерференции, т. е. рассеивания символических значений одной культуры в поле других культур, подразумевается виртуальная принадлежность одного индивида многим культурам, когда любой элемент культуры не диктуется как традиция, а свободно выбирается [36].

Так и туристская субкультура преодолела свои собственные границы: туристом сегодня является и «походник», и «дикарь», и «пакетник». Один и тот же че-

ловец сегодня летит на Ибицу, а через 3 года пытается понять себя и постичь высшие смыслы на Тибете, сегодня «пропускает стаканчик» в самолете по пути в Турцию, а завтра предельно тактичен, дисциплинирован и сдержан при полете на деловые переговоры в Гамбург – при этом во всех случаях он не перестает быть туристом. Следуя за Эпштейном, можно отметить и «внезаходимость» туристской субкультуры. Только с позиции «внезаходимости» туризм может понять и проанализировать себя, что он и пытается делать сейчас в рамках различных научных подходов.

Исходя из изложенного, возникает вопрос: насколько современный туризм смог выйти за рамки породившей его городской культуры? Не прибегая к данным статистики, интуитивно понятно, что подавляющее большинство клиентов современных турагентств (по крайней мере, в российских реалиях) являются городскими жителями, чаще – обитателями крупных городов. Это связано и с общим преобладанием городского населения в большинстве стран мира, и с большей информационной доступностью туристских услуг для горожан, экономическими и социальными факторами: обычно более высоким уровнем дохода горожан и большим количеством свободного времени, специфическим городским образом жизни и вытекающими из него сложностями и противоречиями городской среды. Можно возразить: клиентами турфирм являются не только жители крупных столичных городов (да и не только городов вообще), но ведь мы уже знаем, что городская культура не всегда ограничена физическим пространством города. Она подразумевает особую систему норм, правил и образцов поведения, парадигм мышления и ценностей, особого мировосприятия, которые сложились под влиянием специфического городского образа жизни. Благодаря совокупности этих особенностей стимулируется и реализуется активность людей, живущих в рамках этой культуры, даже если ее рамки не совпадают с физическими границами конкретных административно-территориальных образований. Вместе с тем специфика городского существования порождает ряд субкультур, среди которых одной из самых массовых и атрибутивных для города является транссубкультура туризма.

Литература

1. Абрамова Г. С. Возрастная психология : учеб. пособие для студ. вузов. – 4-е изд., стереотип. – М. : ИЦ «Академия», 1999. – 672 с.
2. Алипхапова Ф. Н. Факторы, формирующие молодежную субкультуру // Сибирский педагогический журнал. – 2009. – № 7. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/factory-formiruyuschie-molodezhnyu-subkulturu> (дата обращения: 29.08.2016).
3. Баландинский Н. Типология «русского туриста» // 100 дорог. – URL: <http://100dorog.ru/club/stories/30773/> (дата обращения: 02.09.2016).
4. Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. – 1995. – № 4. – URL: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/218/219> (дата обращения: 01.03.2016).
5. Бородин А. Как за 50 евро слетать в Европу. Готовые решения для экономных путешественников. – URL: <http://unotices.com/book.php?id=126335> (дата обращения: 01.09.2016).
6. Динец В. Краткая история автостопа в России и странах СНГ до 1978 года // Академия вольных путешествий. – URL: http://www.avp.travel.ru/dinec_stopstory.htm (дата обращения: 20.09.2016).
7. Драч Г. В., Штомпель О. М. Культурология. – СПб. : Питер, 2011. – 384 с.
8. Ерасов Б. С. Социальная культурология : пособие для студентов высших учебных заведений. – М., 1996. – 591 с.
9. Захарова П. И. Глобализация и социальная стратификация как факторы возникновения и развития молодежных субкультур // Вестник КазГУКИ. – 2013. – № 3. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-sotsialnaya-stratifikatsiya-kak-factory-voznikno-veniya-i-razvitiya-molodezhnyh-subkultur-1> (дата обращения: 10.05.2016).

10. Зукин Ш. Культуры городов. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 424 с.
11. Измestьева Е. Волонтерский туризм: как новый тренд приносит больше вреда, чем пользы // Теплица социальных технологий. – 2014. – 09 декабря. – URL: <http://test.ru/2014/12/09/voluntourism-does-more-harm-than-good/> (дата обращения: 20.02.2015).
12. История туризма и гостеприимства : учебник для академического бакалавриата / Л. Г. Березовая. – М. : Юрайт, 2014. – 477 с. – URL: http://studme.org/37868/turizm/istoriya_turizma_i_gostepriimstva (дата обращения: 10.05.2016).
13. Калужникова Е. А., Николаева Е. Ю. Ритуально-игровые формы в современном экскурсионно-познавательном туризме // Вестник Гуманитарного университета. – 2015. – № 1 (8). – С. 73–79.
14. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – URL: <http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul.htm>
15. Корженко А. Л. Идеология и современные молодежные субкультуры // Мониторинг. – 2010. – № 6 (100). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-i-sovremennye-molodezhnye-subkultury> (дата обращения: 29.08.2016).
16. Левикова С. И. Две модели динамики ценностей культуры: (На примере молодежной субкультуры) // Вопросы философии. – 2006. – № 4. – С. 71–79. – URL: <http://libkern.su/index.php/easyblog/entry/levikova-s-i-dve-modeli-dinamiki-tsennostej-kultury-na-primere-molodezhnoj-subkultury-s-i-levikova-voprosy-filosofii-2006-4-s-71-79> (дата обращения: 02.09.2016).
17. Левикова С. И. Молодежная субкультура. – М. : Гранд, 2004. – 608 с.
18. Левикова С. И. Феномен молодежной субкультуры (социально-философский аспект) : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11. – М., 2002. – URL: <http://www.dissert.h10.ru/levikovaSI.html>
19. Логвинов И. Н., Сарычев С. В., Логвинова М. И., Логвинова Т. И. Социально-психологические подходы к изучению молодежных субкультур в России // Ученые записки : электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2014. – № 2 (30). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-podhody-k-izucheniyu-molodezhnyh-subkultur-v-rossii> (дата обращения: 29.08.2016).
20. Лучинкина А. Л. Самоорганизация молодежи в советский и постсоветский периоды в протестные молодежные субкультуры: сравнительный анализ // Мониторинг. – 2013. – № 2 (114). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/samoorganizatsiya-molodezhi-v-sovetskiy-i-postsovetskiy-periody-v-protestnye-molodezhnye-subkultury-sravnitelnyy-analiz> (дата обращения: 31.08.2016).
21. Мясникова Л. А. Туризм как феномен городской культуры // Современный город: социальность, культуры, жизни людей : материалы XVII Международной научно-практической конференции Гуманитарного университета 14–15 апреля 2014 года : доклады / редкол. : Л. А. Закс и др. : в 2 т. – Т. 1. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2014. – С. 447–451.
22. Парийчук А. В. Молодежная субкультура как игра // Вестник ЧелГУ. – 2012. – № 35 (289). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnaya-subkultura-kak-igra> (дата обращения: 29.08.2016).
23. Путешествие автостопом в советское время // Музей СССР «20 век». – URL: <http://20th.su/2010/10/05/puteshestvie-avtostopom-v-sovetskoe-vremya/> (дата обращения: 01.09.2016).
24. Сергеев С. А. Молодежные субкультуры в республике // Социологические исследования. – 1998. – № 11. – С. 95–102. URL: – http://ecsocman.hse.ru/socis/volumes.html?year=1998&j_num=17013092 (дата обращения: 31.08.2016).
25. Слюсаревский Н. Н. Субкультура как объект исследования // Культурология : электронная библиотека. – URL: <http://www.countries.ru/library/typology/subkultura.htm>
26. Соколов М. Субкультурное измерение социальных движений: когнитивный подход // Молодежные движения и субкультуры Петербурга. – URL: <http://subculture.narod.ru/texts/book2/sokolov.htm> (дата обращения 02.09.2016).
27. Фенько А. Б. Туризм как показатель социального статуса // Социс. – 2007. – № 2. – URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2007-02/Fenko.pdf> (дата обращения: 02.03.2016).

28. Ферাপонтов И. Е. Мифологическая проза туристов // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. – URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/ferapontov5.htm> (дата обращения: 11.05.2016).
29. Ферাপонтов И. Е. Туристский быт и фольклор: опыт системного анализа // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. – URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/ferapontov7.htm> (дата обращения: 11.05.2016).
30. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. – Минск, 2000. – 101 с.
31. Цесельский И. Романтика и пошлость потребления советского общества // Профессионалы.ru. – URL: https://professional.ru/Soobschestva/rozhdyonnye_v_ssr/romantika-i-poshlost-potrebljadstva/
32. Шабалова Н. Н. Туризм как транскультурный феномен // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 8. – С. 137–139.
33. Шабанов Л. В. Социально-психологические характеристики молодежных субкультур: социальный протест или вынужденная маргинальность. – Томск : Томский государственный университет, 2005. – 399 с. – URL: <http://window.edu.ru/resource/692/46692/files/tsu033.pdf> (дата обращения: 28.09.2016).
34. Шостакович Г. В. Массовые музыкальные жанры XX века в системе музыкально-эстетического воспитания : учеб.-метод. пособие. – Брест, 2002.
35. Эпштейн М. Н. Транскультура и трансценденция // Только универсальное глобально: Личность и управление. Культура и образование. – СПб. : СПбГУКИ, 2007.
36. Эпштейн М. Н. Транскультура: между глобализмом и многокультурием. Как обрести свободу от своей родной культуры // Топос. – Проектный словарь философии. Новые понятия и термины № 24. – URL: <http://www.topos.ru/article/2976?page=1> (дата обращения: 13.05.2016).

Olga Yurievna Minina,

Post-graduate Student, Lecturer at Hospitality and Tourism Chair,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Tourism: From the Urban Subculture to «Transsubkulture»

The article regards tourism as one of the city subcultures. The article marks the reasons for subcultures forming within the structure of urban culture, the main features of subcultures, such as the subject, activity, initiative center, values and norms of behavior, rituals, clothing and attributes. In accordance with these features the author explains her understanding of tourism as a subculture, considers prerequisites for the formation of the tourist subculture as a movement of «people with backpacks» in the 1960ies, the relationship between the concepts «tourist» and «Spa Visitor», focuses on the features of the tourist subculture in the Soviet society. The study traces the transformation of the tourist subculture and its elements, which marks differences between the modern and the Soviet understanding of the nature of tourism, it is concluded that modern tourism also has signs of subculture, but it does not fit the classical understanding, thus the author introduces the concept of «transsubkulture».

Keywords: tourism; subculture; «people with backpacks»; «spa visitor»; urban culture.

Человек и среда: как вернуть гармонию

В статье исследуются закономерности образования места для среды обитания человека. Анализируется взаимосвязь между окружающей средой и самочувствием людей. Наибольшее внимание уделяется пространству дома, как более близкому и индивидуальному окружению конкретного человека. Описывается кризис в отношениях человека и окружающей среды. Анализируется практика возрождения ручной работы как способа гармонизации пространства человека.

Ключевые слова: дом; среда; пространство; ручная работа; гармония.

Пространство человека складывается из различных составляющих, которые образуют вместе гармоничную или негармоничную среду его обитания. Эти составляющие включают в себя природные факторы, объекты культуры и социальное окружение. «Тело, возделанное пространство, дом – те первичные структуры, которые участвуют в конструировании социального мира» [1, с. 147]. Влияние природного контекста на композиционное устройство антропологического пространства очень велико. Начиная с величайших культовых сооружений и кончая посудой повседневного пользования – все говорит о непосредственном влиянии природного окружения. Природа выступает и как источник сырья, и как источник вдохновения. Каждый местный материал говорит на своем собственном диалекте, и потому произведения, выполненные в одном регионе, будут иметь отличия от подобных им изделий, выполненных в той же технике, но в другом регионе. Это можно увидеть на примере искусства керамики, где вариации в химических составляющих исходного материала дадут различный результат. Человек от рождения погружен в определенную среду, и она пронизывает его сущность. «Итальянское бельканто – природой поставленный голос – льется, как чистые струи южного морского воздуха, наполненного негой и тепла. Горловое пение Тывы – это горный звук, с трудом прорывающийся в степи сквозь узкие щели в пещерах и скалах, которые с рождения окружают аборигенов» [6, с. 93]. Не менее важно и эстетическое влияние природы на человека, поскольку природа и вдохновляет его, и является примером для подражания. Образы местной природы мы встречаем в разных предметах культуры – в орнаменте, линиях архитектуры, в вышивке.

Таким образом, мы видим, что обитаемое пространство человека соответствует окружающей природе. А объекты культуры, между тем, соответствуют самому человеку. Дома, города подобны человеческому телу, где отдельные части соразмерно соотношены между собой, вместе образуя единое целое. Мебель, бытовые предметы есть продолжение человеческого тела, одежда подобна его коже. Человек обретает устойчивость в такой соотношенности и соразмерности с окружающей средой. Среда обладает большим потенциалом влияния на человека: она питает его, дарует ему свою живительную силу или же давит на человека и опустошает его внутренний мир. Среду можно использовать для манипулирования людьми, потому что люди чаще всего воспринимают свое окружение как факт. Современный человек достаточно равнодушно воспринимает окружающую дисгармонию, она слишком привычна для него, но она же оказывает на него разрушительное воздействие. «Наши чувства к восприятию места притупились, мы об-

* **Ирина Анатольевна Антонова**, аспирант, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: irina.farmart@yandex.ru

рели некий иммунитет к негативным силам в собственном окружении, и именно поэтому оно оказывается для нас столь разрушительным. Наша чувствительность и все наши чувства притуплены, и наш язык и самое бессознательное отношение к повседневным реалиям жизни начинают уподобляться нашему окружению. У горожан более резкий говор, чем у деревенских обитателей, настолько, что при сопоставлении фонограмм одна будет представлена как система пиков и ущелий, а другая – как несколько сонная череда холмов и долин. Подобно речи, социальная чувствительность в городе закалена резкостью и уродством окружения» [2, с. 17]. Чтобы более наглядно отразить, как сильно притупилась наша чувствительность к окружению, приведем пример, который описывает искусствовед Джон Рескин, живший в начале становления индустриальной эпохи: «Один английский священник, магистр нашего университета, человек средних лет, обладающий здравым смыслом, без излишней сентиментальности, упомянул... что не может проехать по Лондону, не закрыв глаза: он боится, что, взглянув на эти подобные глыбам дома с проходящей по окраинам железной дорогой, от ужаса лишится способности заниматься своими повседневными делами» [5, с. 197].

Самочувствие человека напрямую связано с окружающей его средой, с тем, что питает его душу. Безжизненное, агрессивное пространство ослабляет его жизненные силы. Напротив, наполненная жизнью и гармонией среда укрепляет и вдохновляет человека. «Реальность места, оставаясь в себе самой, неизбежно “навязывает” себя субъекту места, неожиданно как бы вторгаясь в его внутренний мир» [6, с. 43].

Итак, «наше окружение являет собой каркас, который незаметно модулирует, организует и окрашивает самое повседневность. Гармоничность окружения дает опору и внешней, общественной, и внутренней, или личностной, гармонии» [2, с. 97].

Наиболее значимое в жизни человека пространство – пространство его дома. Это пространство наиболее близко, индивидуально и созвучно ему. Дом выполняет множество функций: это убежище, кров, защита, место для восстановления физических и духовных сил, место его бытия. Это организованное, интимное пространство, наполненное духовным содержанием «наделенное чувствами, энергией, атмосферой, гармонией» [7, с. 39]. Дом своей материальностью и прочностью дает человеку устойчивость, противостоя окружающему хаосу. «Дом, взяв на себя роль материальной, сакральной, эстетической и информационной организации жизни человека, корреспондируя в себе региональную и сословную организацию пространства, в этом качестве он наполнялся онтологическими, то есть сущностными для повседневного бытия человека значениями. И эти значения никогда не были противопоставлены пространству мира вообще, потому что дом есть реплика внешнего мира, уменьшенная до масштаба человека» [6, с. 133]. «Материальные формы дома как объекта ограждают и создают внутреннее пространство, которое человек обживает, наполняет духовными смыслами, осуществляя переход к субъектным отношениям. Именно в этих отношениях рождается неповторимая уникальность, дух места, “мистический” *Genius Loci* который отличает один хронотоп, одно место от другого» [Там же, с. 64].

Но в современном мире традиционное значение дома утрачивается. Меняется образ дома, меняется окружающая его среда. Обладая большими техническими возможностями, человек не считается с окружающей природой, с местным материалом. Происходит нарушение диалога между человеком и местной природой. Повсюду мы можем видеть примеры, когда объекты человеческой деятельности «навязываются» среде, не считаясь с ней. Современные строения мало соответствуют человеку, чаще всего они не антропоморфны, и выжить в них возможно только при помощи большого количества технических средств. Прямоугольные

формы, выполненные из бетона или стекла, угрожают и уродуют человеческое сознание. Прямоугольные линии, наиболее подходящие для промышленного производства, противопоказаны природе и, соответственно, человеку. Жесткие, агрессивные прямые линии порождают пространства, более похожие на стеллажи для складирования людей, нежели на места для их обитания [2, с. 107].

Происходит десакрализация дома, исчезают священные вещи, а их место занимают «девайсы» и симулякры. Из сокровенного пространства, наполненного драгоценной утварью, внутреннее пространство дома превращается в пространство интерьера. Если раньше убранство дома рассказывало о внутреннем мире своего хозяина, то современное пространство интерьера есть только лишь «шепот индивидуальности» [7, с. 105]. «Девайсы» – это не просто вещи: «Вещь в функции “девайса” – дикая, она живет по своей собственной “чипованной” логике, она обитает в джунглях (*janggala rubanus*) таких же, как она, технологических продуктов» [3, с. 286]. Место индивидуального мира заменяет внешний обезличенный техногенный мир. Человек же, его тело, становится придатком этого мира. «Девайсы» трудно приручить. Проектируя дизайн среды, современный человек предпочитает, чтобы о нем рассказывали другие. Дизайнеры становятся рассказчиками, они создают из «девайсов» образы, «которые иронически подразумевают множество значений, смысловых слоев, раскрывающихся в зависимости от визуальной грамотности наблюдателя» [4, с. 103]. С помощью современных вещей формируются эмоциональные впечатления. Культ потребления формирует «милолетность и легкомыслие» по отношению к предметам потребления. Покупая современные вещи, человек покупает «определенный стиль жизни, за счет того, что объектам придаются символические значения» [Там же, с. 102].

Окруженный симулякрами, подвергаясь агрессивному воздействию обезчеловеченной, неиндивидуализированной среды, человек становится особенно уязвимым. Ощущая необходимость в красоте, укорененности и гармонии, современный человек, создавая самое близкое для него пространство – пространство дома, все чаще обращается к традиции, ручному труду и поиску духовных смыслов, которые отражаются во внешних формах. Одним из таких направлений является *hand made*, или изготовление вещей ручной работы. В доиндустриальную эпоху пространство человека было наполнено именно такими вещами. По своей сути эти вещи были ближе к человеку, они были предназначены для практического применения, но в них присутствовала и очень сильная эстетическая составляющая: «заурядные люди попросту не могли допустить, чтобы изготовленные ими ложки, повозки, лодки и даже дома выглядели уродливо. Допустить такое было бы однозначно преступлением против самих себя. Абсолютно всё – от жатвы до благословения общей трапезы или украшения резьбой какого-нибудь стула – всё было действием, несущим в себе благодарение Богу за Его акт творения, действием, приносившим художественное удовлетворение. Все, что люди делали, было в сути своей сугубо функциональным: у них не было ни лишнего времени, ни лишнего простора, чтобы творить нечто, лишнее практической цели, так что польза и красота были нерасторжимы» [2, с. 29].

Человеку катастрофически не хватает душевного тепла, гармонии и красоты. Вернуться горожанину в природную естественность практически невозможно. Есть ли хоть какой-нибудь способ возвращения к гармонии? В поисках этих вечных субстанций, в свободное время становится популярной такая активная форма проведения досуга, как выполнение каких-либо изделий собственными руками и украшение ими своего пространства. Эта практика дает возможность непосредственной работы с разными материалами. Работая с естественными материалами, человек глубже понимает свою связь с истоками. Важно и то, что естественные материалы более всего естественны для человека. Воздействие на материал в руч-

ной работе отлично от воздействия при помощи машин. В промышленном производстве происходит «насилие» над материалом, ему навязываются прямые, жесткие формы. Работая руками, рука мастера повторяет линию волокон, отзывается на его фактуру. Происходит «собеседование», в процессе которого рождаются живые линии, которые дышат. Из этого собеседования возникает союз человека и вещи.

Каждое изделие, выполненное вручную, в отличие от предметов промышленного производства, будет всегда немного отличаться от таких же изделий, подобных ему. Недаром мастера, демонстрируя свои работы, делают приписку, что в случае заказа изделия «точное повторение копии невозможно». Каждая вещь будет немного иной, она имеет свою индивидуальность и говорит на собственном языке. В ней прочитывается почерк мастера, но при этом она самодостаточна.

Большое значение для конечного результата в любой работе имеет отношение человека к этому процессу. В рукотворном труде, выполняя работу добровольно и с желанием, человек как бы дарит в этом процессе самого себя и «через акт дарения строительный материал поднимается до ранга произведения искусства» [2, с. 192]. Выполняя ручную работу, человек даже далекий от искусства получает возможность приобщения к прекрасному, возможность развивать художественный дар, который сокрыт в его душе. В этом процессе происходит одухотворение материала, приподнимание его над его природной сущностью. Мастер, художественно вовлеченный в свою работу, одухотворяет вещь, и потому это произведение несет в себе нечто живое, «толику души». Потому как «душу может дать только другая душа – ни компьютерные системы, ни вся мощь производства на это не способны. Только живые процессы способны оживлять вещи» [Там же, с. 268].

Изделия ручной работы, включенные в композицию дома, могут быть вполне функциональными. Но при этом они выступают и текстами, и помимо утилитарного значения несут в себе определенные послания. Они излучают свое присутствие, наполняя пространство теплом, уютом и красотой. Они подобны своему создателю, и потому единичны, индивидуальны и самодостаточны. В них «отпечатывается душа поэта, они являются его продолжением, или... продолжением его души» [6, с.152]. Итак, вещи ручной работы выполняют и физические, и духовные функции. Но в большинстве случаев духовная составляющая здесь преобладает. Жилище, наполненное такими вещами, одухотворяется, а значит, приобретает сакральное значение. Так в пространстве дома возникает тот неповторимый дух места, который особенно хрупок в современном мире, но в котором, тем не менее, сильно нуждается человек.

Литература

1. Азаренко С. А. Топологическое философствование: тела, знаки, социальная коммуникация // Уральская философская школа: 50 лет – 50 имен / под ред. Л. М. Андрюхиной и др. – Екатеринбург : Изд-во Урал. института управления – филиала РАНХиГС, 2016. – С. 146–159.
2. Дэй К. Места, где обитает душа : Архитектура и среда как лечебное средство / пер. с англ. В. Л. Глазычева. – М. : Ладья, 2000.
3. Железняк В. Н. Урбанизация и рустическая экзистенция // Уральская философская школа: 50 лет – 50 имен / под ред. Л. М. Андрюхиной и др. – Екатеринбург : Изд-во Урал. института управления – филиала РАНХиГС, 2016. – С. 284–293.
4. Пигулевский В. О. Дизайн и культура – Х. : Гуманитарный центр, 2014.
5. Рескин Д. Лекции об искусстве / пер. с англ. П. Когана ; под ред. Е. Коненко. – М. : Б.С.Г.-Пресс, 2013.
6. Чирков В. Ф. Дом: в локусе бытия : монография. – 2-е изд., испр. – Омск : ИД «ЛЕО», 2006.

7. Щуплецова Е. Ж. Феномен дома в российской культуре: поиск сокровенного : дис. ... канд. филос. наук. – Тюмень, 2014.

Irena Anatol'evna Antonova,

Post-graduate Student,

Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Man and Environment: Return to the Harmony

The article studies the patterns of place formation for human environment. The author analyzes the relationship between the environment and a sense of wellbeing. The research focuses on the space of the house that constitutes the closest and the most individualized surroundings of a particular man. The article describes the crisis of the man – environment relationships, and analyzes the revival of handmade practices of as a way to harmonize the human space.

Key words: house; environment; space; handmade; harmony.

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

Общечеловеческие ценности и проблема прав человека в отечественном кинематографе (итоги межрегиональной конференции)

14 июля 2016 г. в Свердловской областной библиотеке для детей и юношества состоялась межрегиональная научно-практическая педагогическая конференция **«Общечеловеческие ценности и проблема прав человека в отечественном кинематографе»**, посвященная Году российского кино. Инициаторами проведения конференции выступили Уполномоченный по правам человека в Свердловской области Т. Г. Мерзлякова и Ассоциация преподавателей права Свердловской области (далее – СО) «Правовое образование – XXI век». Партнерами в организации и проведении конференции выступили юридический факультет Гуманитарного университета, департамент «Исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств УрФУ и Ассоциация педагогов – выпускников исторического факультета УрФУ (УрГУ).

Участниками конференции стали 70 педагогов – представителей высших (ГУ, РГППУ, УрГПУ, УрФУ, УРЛТУ, ЮУрГУ), средних специальных (СОМЭПК) и общеобразовательных учреждений Свердловской, Челябинской, Тамбовской областей, Республики Башкортостан, Республики Татарстан, институтов повышения квалификации Свердловской (ИРО) и Челябинской (ЧИППКРО) областей. Свердловскую область представляли педагоги следующих городов: Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Артемовского, Асбеста, Заречного, Михайловска, а также педагоги из многих сел, деревень и поселков Свердловской области.

Форум педагогов приветствовала Уполномоченный по правам человека в СО Т. Г. Мерзлякова, подчеркнувшая важность работы педагогов для формирования правовой культуры личности и ценностных ориентаций обучающихся. Она отметила, что в этом направлении важны многие средства, в том числе искусство. Думать, осознавать, переживать за судьбу страны, видеть не только позитивные, но и негативные моменты в ее развитии, предлагать пути решения проблем, в том числе и связанных с правами человека, – помогает зрителю-гражданину отечественный кинематограф.

Министр общего и профессионального образования СО Ю. И. Биктуганов обратил внимание педагогов на актуальность тем, поднимаемых мастерами отечественного кино: отношение человека к миру, окружающим людям, власти, к духовно-нравственным и гражданско-патриотическим ценностям. Он отметил, что кино как зрелищный вид искусства оказывает самое сильное влияние на детей и подростков, ведь мир образов им понятен и близок.

Председатель Ассоциации преподавателей права СО «Правовое образование – XXI век» И. С. Огоновская рассказала о традиции проведения летних педагогических конференций (совместно с Уполномоченным по правам человека в СО и юридическим факультетом Гуманитарного университета). Так, в течение 2011–2015 гг. состоялись пять конференций: «Правовое пространство образовательного

* Светлана Игоревна Глушкова, д-р полит. наук, завкафедрой прав человека, директор Центра правового просвещения и прав человека АНО ВО «Гуманитарный университет», приглашенный профессор Университета Париж-Запад (Франция).

** Изабелла Станиславовна Огоновская, канд. ист. наук, доцент СУНЦ УрФУ, председатель Ассоциации преподавателей права Свердловской области, советник министра общего и профессионального образования Свердловской области (г. Екатеринбург).

учреждения как условие реализации прав и свобод человека» (2011); «Российская история с позиции права, человеческих судеб и реальных перспектив» (2012); «Национальная идея в современной России: взгляд в будущее через прошлое и настоящее» (2013); «Человек и война: люди и судьбы, истинные и ложные ценности, итоги и цена взаимоотношений» (2014); «Культура мира и согласия как основа консолидации российского общества» (2015). Надо отметить, что первые три из этих педагогических конференций прошли на площадке Гуманитарного университета при активном участии преподавателей юридического факультета ГУ, преподавателей УрФУ и других вузов, а также педагогов Свердловской области. Старт всем этим конференциям был дан именно в Гуманитарном университете.

Апеллируя к теме конференции 2016 года, И. С. Огоновская отметила необходимость обращения к достижениям отечественной культуры и науки, являющихся предметом гордости россиян, однако мало известных современной молодежи. Популяризация шедевров отечественного кинематографа, использование советского и российского кино в качестве средства воспитания духовно-нравственных и гражданских качеств личности, ознакомление обучающихся с судьбами режиссеров, актеров, операторов, а также историей одобренных цензурой и «полочных» фильмов могут способствовать более глубокому пониманию отечественной истории и ее противоречий, осмыслению достижений и трагедий народа, развитию чувства уважения молодежи к представителям старшего поколения и их деяниям. Поднимая проблему прав человека, И. С. Огоновская отметила, что так или иначе российские кинематографисты не обходили ее вниманием: у С. Эйзенштейна в «Броненосце «Потемкине» (1925) очевидна тема свободы человека, в его же фильме «Иван Грозный» (1945) ключевым является вопрос: «оправдывает ли цель средства» и может ли человек быть средством для достижения цели? В фильме «Сорок первый» Г. Чухрая (1956) нельзя не увидеть осуждения революционного фанатизма, в «Комиссаре» А. Аскольдова (1967) – проблемы противоречия революции, войны человеческому счастью, в «Зеркале для героя» В. Хотиненко (1987) – вечного межпоколенческого конфликта, когда дети отрицают ценности отцов и наоборот. В целом кино, как отметила докладчик, – это помощник учителя, помогающий вызвать подростков и молодежь на диалог (полилог), а сама конференция может способствовать обмену опытом по использованию произведений отечественного кинематографа в образовательной среде.

В числе обратившихся с приветствием к участникам конференции была и директор Свердловской областной библиотеки для детей и юношества Н. Р. Жамалетдинова, которая подняла проблему детского чтения и призвала педагогов проявлять пристальное внимание к кругу чтения современных детей, их ценностным предпочтениям, а также активнее использовать потенциал детских библиотек.

Областной омбудсмен Т. Г. Мерзлякова выбрала для пленарного доклада тему «Отечественный кинематограф и его влияние на ценностные ориентиры молодого поколения 1970–1980-х годов: опыт личностного осмысления», поделившись размышлениями о восприятии фильмов советской эпохи, оказавших значительное влияние на мировоззрение, духовно-нравственные и гражданские качества личности самого докладчика и ее друзей. К числу таких фильмов Т. Г. Мерзлякова отнесла фильмы А. Тарковского, Л. Быкова, А. Германа, В. Шукшина и др. Она отметила, что именно в эпоху «застоя» отечественный кинематограф был одним из самых ярких и продуктивных с точки зрения количества созданных замечательных художественных произведений о Великой Отечественной войне, о школе и учителях («Доживем до понедельника», «Ключ без права передачи», «Большая перемена»), о проблемах детской и взрослой жизни. С огромной любовью и уважением говорила Татьяна Георгиевна о творчестве В. М. Шукшина, фильмах «Печки-лавочки», «Калина красная». Именно они более всего поразили ее в студенческие

годы – судьба простой деревенской пары, приехавшей отдохнуть к морю, и судьба бывшего вора-рецидивиста, мечтавшего начать новую жизнь. Многие фильмы 1970-х гг., с точки зрения Т. Г. Мерзляковой, отражали усталость советских людей от показухи, бюрократии, лицемерного равнодушия («Осенний марафон», «Полеты во сне и наяву», «Отпуск в сентябре», «Премия» и др.) и стали определенным трамплином для кинематографа эпохи перестройки, когда появились такие фильмы, как «Интердевочка», «Маленькая Вера», «Игла», «Дорогая Елена Сергеевна» и др.

Д-р ист. наук, профессор УрФУ Л. Н. Мазур выступила с пленарным докладом «История России XX века в советском художественном кинематографе: мифы и реальность», в котором отметила значение кинематографа в создании образа исторической эпохи и его роль в формировании исторической памяти поколений. Она обратила внимание на актуальные (позволяющие анализировать свойственные современной эпохе общественные представления, идеалы и мифы, визуализировать поведенческие и материальные атрибуты времени, изучить определенные процессы) и ретроспективные (отражающие образы прошлого, сложившиеся в общественном сознании под влиянием определенного заказа власти, достижений исторической науки и авторских представлений, выступающих в качестве историографического источника) художественные фильмы. Автор доклада охарактеризовала этапы развития ретроспективного кино, отметив, что основными его задачами в 1920–1953 гг. были пропаганда, мифотворчество, воспитание нового, советского человека при помощи историко-революционных, историко-биографических фильмов, фильмов о Гражданской войне, в центре внимания которых были классовая борьба, обоснование исторической закономерности революции и социализма, положительные (идеальные) и отрицательные герои. Целевыми ориентирами ретроспективного кино второго этапа (1953–1980-е гг.), по ее мнению, были не только воспитание и пропаганда, но и познание и осмысление истории. Объектом экранизации стала вся советская история (Гражданская война, НЭП, коллективизация, Великая Отечественная война и послевоенное восстановление), начался переход от экранизации исторических событий к изображению истории повседневности; появились новые герои («Бумбараш», 1971), стало меньше однозначных оценок и ответов («Никто не хотел умирать», 1965), появились новые жанры (боевики, приключенческие фильмы, эпические многосерийные фильмы, фильмы-притчи и легенды). К началу перестройки в ретроспективном кино обозначились новые тенденции: приватизация истории (акценты на частных аспектах жизни), восприятие прошлого с позиций идеализации («Еще до войны», 1982, реж. Б. Савченко), отступление от принципа классовой борьбы как движущей силы истории. Перестройка и политика гласности во второй половине 1980-х гг. стимулировали переосмысление советской истории («Покаяние», 1984, реж. Т. Абуладзе; «Пираты Валтасара, или Ночь со Сталиным», 1989, реж. Ю. Кара), развитие документального кино («Власть Соловецкая. Свидетельства и документы», 1988).

Разговор об отечественном кино продолжила канд. филос. наук, член Союза театральных деятелей, член Союза кинематографистов России, доцент УрФУ Л. М. Немченко, выступившая с докладом «Правовые сюжеты в постсоветском кинематографе (Ю. Быков, А. Мизгирев, Б. Хлебников, А. Звягинцев)». Она отметила, что право как территория справедливости, конфликта интересов, «слова для защиты» традиционно входило в предметное поле искусства и порождало многочисленные сюжеты. В этом смысле постсоветский кинематограф наследовал традиции советских режиссеров, в частности Вадима Абдрашитова, который в фильме «Остановился поезд» продемонстрировал конфликт между правовым и массовым сознанием, между законом и желанием жить, как всегда, между

неутешительной правдой и желанным, комфортным для жизни обманом. В фильмах Юрия Быкова «Майор» и «Дурак» ставится неутешительный диагноз обществу: оно остается феодальным, т. е. обществом, где побеждает сословная/корпоративная мораль. Эти же процессы исследуют в своих фильмах Андрей Звягинцев в «Левиафане», Борис Хлебников в «Долгой счастливой жизни», Алексей Мизгирев в «Конвое». Как отметила Л. М. Немченко, искусство и право находятся в позиции взаимодополняемости: если искусство черпает из практики права материал для художественной реальности, то правовые аспекты человеческого существования, благодаря искусству, не столько становятся предметом специализированной деятельности, сколько приобретают характер общечеловеческий, универсальный. Правовые аспекты составляют ядро жанрового кино, в первую очередь детективов, исторических фильмов, могут стать поводом для рассмотрения экзистенциальных состояний личности, в частности проблемы нравственного выбора, могут помочь исследовать «болезни общества» и выявить новые антропологические характеристики человека.

Д-р ист. наук, профессор УрФУ О. В. Горбачев в пленарном докладе «Исторические персонажи в отечественном художественном кинематографе: между биографией и агиографией» отметил, что в школьном историческом образовании политическая история имеет приоритет перед социальной, а исторические деятели рассматриваются прежде всего как пример для подражания. Вместе с тем вполне понятно, что художественный фильм является не только источником информации, но и транслятором сложившихся мифов, что есть факторы, которые влияют на историческую достоверность кино. К ним относятся теоретические и эстетические установки автора фильма, механизмы идеологического давления, коммерческие интересы. По его мнению, более всего идеологические искажения коснулись кино сталинского периода, менее всего – периода «оттепели» и перестройки. Особенно субъективны биографические фильмы, поскольку выдающийся человек необычен и ему легче приписать выдающиеся качества. Кроме того, биографический фильм практически всегда – не слепок с реальности, а результат прямого идеологического воздействия или, в лучшем случае, – отражения общественного сознания эпохи.

В 1930-х – начале 1950-х гг. историко-биографический фильм стал официальным жанром, «житие» идеального персонажа имело определенный алгоритм: становление героя, служение идеалу, вера, подвиг, «посмертные чудеса». Одной из главных идей биографических фильмов того периода стала идея национального величия («Петр Первый» (В. Петров, 1937), «Александр Невский» (С. Эйзенштейн, 1940) и др.). Смерть героя выступала как мобилизирующий акт («Чапаев» (братья Васильевы, 1934), «Великий гражданин» (Ф. Эрмлер, 1937, 1939)).

Следующий период развития отечественного кинематографа (1950–1980-е гг.) связан с новыми тенденциями: появлением героев – художников и мыслителей («Андрей Рублев» (А. Тарковский, 1966), «Пиромани» (Г. Шенгелая, 1969), «Ленин в Польше» (1965) и «Сюжет для небольшого рассказа» (1969), С. Юткевич); романтизацией подвига («Как закалялась сталь» (Н. Машенко, 1973), «Звезда пленительного счастья» (В. Мотыль, 1975)); появлением фильмов о деятелях советской науки, внесших вклад в укрепление оборонной мощи государства: И. В. Курчатов («Выбор цели» (И. Таланкин, 1975), С. П. Королеву («Укрошение огня», 1972), А. Туполеву («Поэма о крыльях» (Д. Храбровицкий, 1979)); дрейфом от эпической к романной форме («Михайло Ломоносов» (А. Прошкин, 1986)).

Характеризуя период с 1990-х гг. по настоящее время, О. В. Горбачев говорил об упадке в 1990-х гг. и его постепенном возрождении в 2000-х гг., о пересмотре отношения к прежде отрицательным персонажам («Бедный, бедный Павел» (В. Мельников, 2003), «Адмирал» (А. Кравчук, 2008), «Григорий Р.» (А. Малюков,

2014)); о возрождении патриотической тематики («Сибирский цирюльник» (Н. Михалков, 1998), «Легенда № 17» (Н. Лебедев, 2013), «Гагарин. Первый в космосе» (П. Пархоменко, 2013), «Поддубный» (Г. Орлов, 2014)); о жанре «ностальгической биографии» (Гурченко, Пьеха, Серова, Александров и Орлова и др.). Докладчик отметил, что биографические фильмы могут помочь в понимании истории страны, если относиться к ним не столько как к источнику исторических сведений, сколько как к документу эпохи, в рамках которой он был создан, однако для понимания фильма необходимо представление об авторском замысле, идеологической ситуации, соотношении с общепринятой исторической традицией.

Тематика и содержание пленарных докладов вызвали огромный интерес участников встречи. Как выяснилось из обсуждения, большинство присутствующих имеют очень слабое представление о современном российском кино и совершенно необоснованно характеризует его со знаком «минус». Л. М. Немченко сумела убедить присутствующих в том, что хорошее кино существует, что российские кинематографисты не обходят своим вниманием ни одной актуальной проблемы современности, в том числе проблемы воспитания детей и образования в целом, и пообещала педагогам составить для них «каникулярный список» фильмов, рекомендуемых для индивидуального просмотра и обсуждения с коллегами и обучающимися.

Канд. филол. наук, доцент УрФУ Р. Л. Исхаков в своем выступлении рассмотрел проблемы кино, посвященного студентам. Он отметил, что эта категория образованной части страны не стала объектом пристального внимания кинематографистов, хотя отдельные фильмы о студенчестве все же выходили в различные времена («Наваждение» Л. Гайдая, «Мне 20 лет» М. Хуциева, «Это мы не проходили» И. Фрэза, «Моя любовь на третьем курсе» Ю. Борецкого и др.). Современные фильмы о студентах, по его мнению, дают не совсем точную картину студенческой учебы, общежитской жизни, выхватывая из нее не типичное, а только самое негативное. Вместе с тем, по его мнению, фильмы о студентах нужны и востребованы современной молодежью.

Организатор и ведущая кинолектория в библиотеке по месту жительства, Ю. В. Брусницына, рассказала о работе с разновозрастной взрослой аудиторией, поделилась опытом тематического подбора фильмов. По-прежнему актуальны фильмы о войне, однако помимо Великой Отечественной войны («Читаем «Блокадную книгу» А. Сокурова) в настоящее время востребованы и фильмы о Первой мировой войне (знакомство с фильмом австралийского режиссера П. Уира «Галлиполи» и переосмысление отечественных фильмов «Окраина» Бориса Барнета (1934), «Хождение по мукам» в экранизациях Г. Рошаля (1957–1959) и В. Ордынского (1977), сериала В. Хотиненко «Гибель империи» (2005)). Она отметила, что чувство мировой катастрофы еще не пришло к зрителю, что объясняется, по ее мнению, недостаточностью знаний о Первой мировой войне и эмоциональной неготовностью зрителей к восприятию событий той далекой войны. В качестве примера непонимания докладчик привела новую экранизацию «Тихого Дона», осуществленную С. Урсуляком (2016), которую, как выяснилось при обсуждении, не приняла половина членов клуба. Проблема защиты прав и свобод, достоинства человека востребована временем, хотя широкому зрителю мало известны такие фильмы, как «Долгая счастливая жизнь» Б. Хлебникова (2013), «Левиафан» А. Звягинцева (2014), «Дурак» Ю. Быкова (2014) и др. Завершая выступление, Ю. В. Брусницына обратилась к фильму А. Тарковского «Жертвоприношение», назвав его фильмом-предупреждением против воинственного мира, где гибнут люди, и задав участникам конференции вопрос: стали ли люди от фильмов-предупреждений более ответственны и менее беспечны?

Особое внимание участников конференции было привлечено к методическому аспекту образовательного процесса: как использовать кино во время занятий и во внеурочной деятельности? Как стимулировать обучающихся к просмотру фильмов и их обсуждению? Как развить интерес школьников и студентов к отечественному кинематографу прошлых лет и современному российскому кино?

Об опыте работы психологического киноклуба Дома кино г. Екатеринбурга рассказал магистр частного права, ст. преподаватель юридического факультета Гуманитарного университета В. М. Танаев. Он отметил, что целью проекта является повышение уровня гражданского и национального самосознания, формирование психологической среды вокруг кинематографической реальности посредством обсуждений новинок и классики отечественного и зарубежного кино, подготовки и проведения образовательных кинопрограмм для различных слоев населения, повышения уровня психологической грамотности посетителей киноклуба. В. М. Танаев обозначил функции киноклуба, актуализировав каждую из них: обучающую – непосредственно обучающую (напр., курс киноискусства в составе курса культурологии); иллюстративно-обучающую (напр., курс профессиональной этики у студентов-юристов) и специализированно-обучающую (напр., «Типологический киноклуб»); воспитательную – этическое воспитание (напр., курс профессиональной этики у студентов-юристов); патриотическое воспитание (напр., программы военно-патриотических фильмов); эстетическое воспитание (напр., шедевры отечественного и мирового киноискусства); общеобразовательную – киноведческая подготовка (напр., специализированные киноведческие программы и курсы); литературная подготовка (напр., экранизации литературных произведений); историческая подготовка (напр., исторические фильмы).

К разговору о роли киноклубов в воспитательном процессе подключилась канд. ист. наук, доцент, директор музея истории УрГПУ И. В. Грибан, которая рассмотрела проблему формирования исторической памяти.

Учитель истории МАОУ гимназия № 120 г. Екатеринбурга Д. Ю. Бурухина представила проблему формирования медиаграмотности школьников средствами исторического киноклуба, подчеркнув значение кино как иллюстрации к историческим событиям и источника по истории общественного сознания и культуры.

О работе со школьниками говорила и учитель истории и обществознания МКОУ СОШ № 10 (с. Покровское, Горноуральский ГО) Г. Н. Григорук, которая ярко и образно представила опыт работы собственной школы и других образовательных учреждений по организации и проведению фестиваля кино, в котором задействованы взрослые и дети, специалисты в этой области и просто любители.

Учитель истории и обществознания Криулинской СОШ (г. Красноуфимск) М. И. Зяблицев рассмотрел важную тему, посвященную роли детского кинематографа в воспитании подрастающего поколения, обратившись к советскому кинематографу. Особое внимание он уделил детскому кинематографу 1960–1980-х гг. Так, он отметил, что именно в эти годы создаются остропроблемные фильмы о школе («Доживём до понедельника»), первой любви («Дикая собака Динго», «В моей смерти прошу винить Клаву К.»), выдвигаются проблемы становления личности, лидерства («Ключ без права передачи», «Чучело»).

Учитель физики СУНЦ УрФУ И. А. Членова предложила участникам конференции поразмышлять на тему ответственности ученых перед собой и обществом на примере фильма М. Ромма «9 дней одного года», главными героями которого стали ученые 1960-х гг. – люди разного возраста и темперамента, страстно увлеченные одним общим делом. Так, характеризуя своего героя, артист А. Баталов говорит: «Жизнь этого ученого-атомщика заполнена упорным, осмысленным и притом совершенно не бросающимся в глаза подвигом». И. А. Членова отметила, что научный и нравственный поиск этих ученых вызывает уважение. На своих

уроках она традиционно при обсуждении этого фильма предлагает лицеистам обсудить очень важный вопрос: стоит ли научное открытие жизни человека?

В завершение конференции все ее участники признали состоявшуюся дискуссию актуальной и перспективной в плане постановки проблемы влияния кинематографа на формирование ценностных ориентиров и правовой культуры личности.

Svetlana Igorevna Glushkova,

Doctor of Political Science, Head of Human Rights Chair,
Director of the Centre for Human Rights and Legal Education,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg);
Visiting Professor of Université Paris X – Nanterre (France)

Isabella Stanislavovna Ogonovskaya,

Candidate of History, Associate Professor, SESC (Specialised Educational Scientific Centre)
UrFU, Chairperson of Sverdlovsk Regional Law Teachers Association (Ekaterinburg),
the Special Advisor to the Minister of Basic Education and Vocational Training
of the Sverdlovsk Region

**Universal Values and Human Rights Issues
in Russian Cinematography (the Interregional Conference Review)**

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
на монографию Е. М. Павленко «Образование в области прав человека
как основа формирования правовой культуры
и культуры прав человека в Российской Федерации»¹

Монография Е. М. Павленко, кандидата юридических наук, доцента кафедры международного права и прав человека юридического факультета ГАОУ ВО г. Москвы «Московский городской педагогический университет», посвящена актуальной и востребованной теме. За последние годы было издано достаточно много научной литературы по вопросам соблюдения, обеспечения и защиты прав человека, однако вопросы образования в области прав человека, особенностей формирования правовой культуры и культуры прав человека в молодежной среде, и в российском обществе в целом, недостаточно изучены.

Автор поставила целью монографического исследования разработку и теоретическое обоснование концепции образования в области прав человека как основы формирования правовой культуры и культуры прав человека в современном российском обществе, а также предложений, направленных на их практическую реализацию (с. 9). И надо отметить, что Е. М. Павленко четко и последовательно реализует заданную цель в своей монографии, рассматривая правовую культуру и культуру прав человека как научные категории и явления общественной жизни, состояние правовой культуры и культуры прав человека в современном российском обществе, а также государственную политику Российской Федерации в области модернизации юридического образования и развития образования в области прав человека.

Рассматривая правовую культуру и культуру прав человека как научные категории, Е. М. Павленко правомерно обращается к известной работе признанного российского исследователя по правовой культуре, ныне декана юридического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), приглашенного профессора Университета Париж-Запад (Франция) А. П. Семитко «Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия, прогресс» (Свердловск, 1990). Однако Е. М. Павленко не рассматривает более позднюю и значимую для российской юридической науки монографию того же автора «Развитие правовой культуры как правовой прогресс» (Екатеринбург, 1996), широко известную в академическом сообществе.

Изучая различные подходы к исследованию правовой культуры, Е. М. Павленко справедливо обращает особое внимание на аксиологический подход (Е. А. Лукашева, В. П. Сальников и др.), и надо отметить, что уже во введении она задает определенную стратегию своему монографическому исследованию в контексте именно этого направления научной мысли, когда пишет следующее: «Современное российское общество переживает кризис духовности, сопровож-

* **Светлана Игоревна Глушкова**, д-р полит. наук, завкафедрой прав человека, замдекана юридического факультета, директор Центра правового просвещения и прав человека АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург), приглашенный профессор Университета Париж-Запад (Франция).

¹ Павленко Е. М. Образование в области прав человека как основа формирования правовой культуры и культуры прав человека в Российской Федерации : монография. – М. : Права человека, 2016.

дающийся переоценкой ценностей, сменой ориентиров и идеалов... Но каким бы ни был путь, избранный Россией, перед государством и обществом в качестве приоритетной задачи будет стоять утверждение демократических идеалов и ценностей, ставящих во главу угла права и свободы человека» (с. 5).

Наряду с этим она рассматривает такие методологические подходы к изучению правовой культуры: 1) деятельностный (Е. В. Аграновская, И. А. Иванников, др.), предполагающий возникновение, развитие и преобразование правовой культуры с помощью деятельности, 2) акцентирующий понятие «правовой режим» (В. В. Загородский), что Е. М. Павленко справедливо считает недостаточно убедительным, 3) использующий, наряду с понятием «правовая культура», и такую спорную категорию, как «правовая антикультура» (А. С. Бондарев, В. В. Карпунина), к которой авторы относят либо незнание права, либо правовую пассивность, либо противоправную активность и др.

Изучив различные точки зрения правоведов на структуру правовой культуры (С. С. Алексеев, А. П. Семитко, И. А. Иванников и др.), Е. М. Павленко представляет в монографии авторское определение этого понятия. Правовая культура, по ее мнению, это «особый вид духовной культуры представляющий собой сложную систему правовых ценностей, отражающих особенности развития правовой сферы деятельности государства и общества, отдельных социальных групп и личности» (с. 31). Тем самым Е. М. Павленко использует комплексный подход к рассмотрению сущности правовой культуры, делает попытку сочетания в своем исследовании сразу нескольких методологических подходов.

Такое определение имеет право на существование, однако является спорным, так как рассматривает правовую культуру не самостоятельным феноменом, а лишь в статусе отдельного вида духовной культуры и не акцентирует внимание на тех составляющих правовой культуры, которые, например, считал необходимыми известный российский правовед, один из основателей Конституции РФ, Гражданского кодекса РФ С. С. Алексеев: уровни правосознания, законность, совершенство законодательства и юридическая практика (их Е. М. Павленко приводит в своей монографии, ссылаясь на «Общую теорию права» С. С. Алексеева, вышедшую в 1981 г.).

Однако Е. М. Павленко не рассматривает всего комплекса научных трудов С. С. Алексеева, ограничиваясь двумя его работами советского периода: «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве» (М., 1966) и «Общая теория права» (М., 1981). В то же время многие работы С. С. Алексеева постсоветского периода связаны с исследованием правовой культуры, прав человека (и главного права – «права на права»), с разработкой гуманистической теории права и российской науки прав человека. В целом важно иметь в виду, что собрание сочинений С. С. Алексеева, которое было издано благодаря поддержке Ассоциации юристов России, является большим вкладом в развитие как правового образования, так и образования в области прав человека и нуждается в современном изучении и осмыслении не только юристов, но и всех тех, кто занимается вопросами правового просвещения и обучения правам человека.

Важным является изучение Е. М. Павленко соотношения понятий «правовая культура» и «культура прав человека». Она справедливо отмечает, что в юридической науке распространена точка зрения, согласно которой эти категории рассматриваются как идентичные, либо другая, в соответствии с которой «культура прав человека» изучается как составная часть правовой культуры. Е. М. Павленко представляет в монографии авторское определение понятия «культура прав человека»: это составная часть духовной культуры, представляющая собой «систему знаний, ценностных ориентаций и взглядов, эмоций и чувств, основанных на при-

знании и уважении достоинства человека, его прав и свобод, а также практических навыков и умений по их реализации и защите» (с. 55).

По нашему мнению, данное определение имеет право на существование и заслуживает внимания, особенно в сфере правового просвещения в области прав человека. Однако мы считаем, что здесь фактически представлено определение правовой культуры, так как, прежде всего, знания человека о праве, правовой системе, правовых механизмах, правовых институтах (в том числе институтах прав человека, одним из которых является институт уполномоченных по правам человека, по правам ребенка, по защите прав предпринимателей, т. е. институт специализированных уполномоченных), правовых практиках дает каждому из нас тот нужный инструментарий, благодаря которому можно узнать и защитить свои права.

Мир прав человека без понимания мира права, правовой системы и правовой жизни в целом будет слишком узким и неполным для реализации главного принципа защиты прав человека – доступности информации об институтах, способах и механизмах защиты гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав и свобод человека. «Культура прав человека», по нашему мнению, является составным элементом правовой культуры, в то же время надо учитывать, что существуют не только разные классификации правовой культуры, но и различные уровни культуры прав человека. В связи с этим можно согласиться с Е. М. Павленко, которая выделяет обыденный, профессиональный и теоретический уровень культуры прав человека (с. 69).

Важным является обращение Е. М. Павленко к наследию известного российского правоведа, одного из инициаторов разработки науки прав человека, председателя секции правового просвещения в Экспертном совете при Уполномоченном по правам человека в РФ (в рамках которой в 2004 году впервые объединились специалисты в сфере образования и обучения правам человека из разных регионов России) Ф. М. Рудинского, отмечавшего в своем фундаментальном научном труде «Наука прав человека и проблемы конституционного права» (М., 2006), что главная цель культуры прав человека – привить как гражданам, так и должностным лицам уважение к человеческой личности, развить у них знания, умения и навыки по защите своих прав.

Несомненно, заслуживает внимания и развития авторское определение понятия «образование в области прав человека», которое Е. М. Павленко рассматривает как «процесс и результат передачи и усвоения знаний, умений и навыков, формирования ценностных ориентаций и качеств личности в целях создания всеобщей культуры прав человека» (с. 105). Можно согласиться и всячески поддержать те конкретные предложения, которые Е. М. Павленко выдвигает в качестве важнейших шагов на пути к выработке и проведению единой государственной политики в сфере образования в области прав человека. По сути, она представила во второй главе своей монографии – «Государственная политика РФ в области модернизации юридического образования и развития образования в области прав человека» – направления развития образовательной политики в сфере обучения правам человека. Среди таких направлений она выделяет: 1) формирование концептуально-методологической базы образования в области прав человека и смежных сфер образования, 2) создание условий и поощрение научных исследований по правам человека, 3) проведение информационно-просветительских мероприятий и кампаний, 4) развитие механизмов защиты прав человека на федеральном и региональном уровне в России (с. 106).

Среди достоинств монографического исследования Е. М. Павленко можно назвать не только разработку авторских определений, анализ различных подходов к изучению правовой культуры, культуры прав человека, образованию в области прав человека, но и выявление препятствий к интенсивному внедрению тематики

прав человека в образовательном процессе. Среди таких причин, со многими из которых можно согласиться и сегодня, она отмечает следующие: неподготовленность кадров, определенный консерватизм преподавательского состава, отсутствие четкой и системной методической базы, отсутствие сформированной системы непрерывного образования и просвещения всех социальных групп общества в сфере прав человека и наряду с этим отсутствие у тех или иных чиновников, отвечающих за развитие или внедрение обучения правам человека, политической воли, концептуального видения проблем в области прав человека, осознания ценности прав человека. Многие из этих причин недостаточного развития правового просвещения в области прав человека в российском обществе в свое время отмечал еще А. А. Азаров, основатель и руководитель Московской школы прав человека, автор многих (и что особенно важно, первых в России) учебных пособий по правам человека, инициатор проведения в Москве и регионах России первых международных зимних и летних школ по правам человека для учителей, преподавателей, представителей гражданского общества (такая Летняя школа успешно прошла в 2004 г. в Екатеринбурге и дала старт многим правозащитным проектам), который неоднократно готовил и презентовал общественности аналитические записки и доклады о состоянии образования в области прав человека.

Рассматривая деятельность кафедр прав человека (Гуманитарный университет, Екатеринбург; Башкирский государственный университет, Уфа; Московский городской педагогический университет, Москва), учебную и научную литературу по правам человека, деятельность институтов по правам человека (Уполномоченных по правам человека прежде всего), Е. М. Павленко делает важный вывод, который, несомненно, нуждается в поддержке: государству необходимо поощрять научно-исследовательскую и учебно-методическую деятельность, направленную на развитие науки прав человека, формирование культуры прав человека у всех участников образовательного процесса (с. 115).

Среди направлений развития образования в области прав человека Е. М. Павленко справедливо отмечает (во многом развивая идейное наследие руководителя Московской школы прав человека А. А. Азарова) и такие, как: 1) расширение участия России в деятельности по образованию в области прав человека ООН, ЮНЕСКО, Совета Европы, ОБСЕ, ЮНИСЕФ, УВКПЧ ООН, УВКБ ООН, ПРООН и др., 2) использование в правовом просвещении опыта неформального образования в области прав человека ряда общественных организаций: Московской школы прав человека, Рязанской школы прав человека, Уральской школы прав человека (г. Екатеринбург), региональных центров прав человека и гражданского образования (Москва, Пермь), и др., 3) обучение защите своих прав (и прав других граждан) студентов в юридических клиниках российских вузов, 4) проведение общественных акций, связанных с правовым просвещением в области прав человека, например расширение площадок для проведения в регионах правозащитного кинофестиваля «Сталкер», и др.

В целом, анализируя данную монографию Е. М. Павленко, надо отметить значительный вклад автора в развитие новых категорий и направлений науки прав человека, в разработку стратегии деятельности государственных и общественных организаций по правовому просвещению и образованию в области прав человека. Научное исследование Е. М. Павленко нацеливает читателей на изучение опыта формального и неформального, государственного и общественного образования в области прав человека. И такого опыта в России накоплено немало, однако он, по нашему мнению, нуждается в систематизации, анализе, постоянном мониторинге, а самые эффективные и позитивные формы, подходы и методы могли бы получить развитие и аналитическое обобщение для внедрения такого просветительского опыта в тех регионах и территориях, где он пока не развит или слабо развит.

Идеи и конкретные предложения Е. М. Павленко, касающиеся развития системы непрерывного образования в области прав человека в России, изложенные в данном научном труде – «Образование в области прав человека как основа формирования правовой культуры и культуры прав человека в РФ», – заслуживают внимания, поддержки и распространения среди уполномоченных по правам человека, по правам ребенка, а также в академическом, педагогическом сообществе, среди представителей гражданского общества. Многие актуальные и малоизученные проблемы, правомерно указанные в монографии как задачи или направления для следующих исследований, для настоящей или будущей деятельности государственных органов и общественных организаций, требуют дальнейшего развития и осмысления.

Svetlana Igorevna Glushkova,

Doctor of Political Science, Head of Human Rights Chair,
Deputy Dean of Legal Department, Director of the Centre for Human Rights
and Legal Education, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg);
Visiting Professor of Université Paris X – Nanterre (France)

**The Review of E.M. Pavlenko Monograph «The Human Rights Education
as the Grounds for the Legal Culture and the Human Rights Culture
in the Russian Federation»**

Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»

«Вестник Гуманитарного университета» включен в **Российский индекс научного цитирования** (лицензионный договор № 136-03/2014). Журнал размещается в РИНЦ на сайте Научной электронной библиотеки постатейно (**полные тексты в открытом доступе**).

Журнал принимает к публикации теоретические, научно-методические, научно-практические статьи по следующим наукам:

- Экономика
- Юриспруденция
- Философия

К изданию преимущественно принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся. Если статья создана на основе какого-либо научного исследования (диссертации), это необходимо указать в ссылке.

Требования к оформлению материалов

- Текстовый редактор Word 2003–2007, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 0,7 см; поля: сверху, снизу – 2 см, слева, справа – 3 см.
- Объем статьи до 40 000 знаков (с пробелами, включая сноски).
- Ссылки на литературу помещаются в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы (например, [2, с. 15]), список литературы – в конце статьи.
- Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
- Иллюстративные материалы принимаются только в черно-белых тонах.
- Статье должен быть присвоен код УДК.

ОБЯЗАТЕЛЬНО УКАЖИТЕ СЛЕДУЮЩИЕ СВЕДЕНИЯ:

- **На русском и английском языках** приводятся:
 - **название статьи;**
 - **сведения об авторах:**
фамилия, имя, отчество **полностью;**
ученая степень, ученое звание, должность;
место работы – **полное название организации;**
контактная информация: адрес электронной почты (*укажите, согласны ли Вы опубликовать его*), телефон;
 - **аннотация** (150–250 слов);
 - **ключевые слова** (5–6 слов или словосочетаний).

Журнал рецензируемый. Все материалы проверяются на наличие заимствований через систему «Антиплагиат». Текст рукописи должен содержать более 70 % оригинального текста. Автор может представить рецензию на статью специалиста в данной области знания (доктора или кандидата наук), что не исключает дополнительного рецензирования. **Для магистрантов и аспирантов** необходим отзыв-рекомендация научного руководителя или представление профильной кафедры.

Рецензию, рекомендацию или представление необходимо заверить подписью и печатью организации и представить в редакцию (лично либо отсканированный вариант по электронной почте).

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

К изданию принимаются материалы, подлежащие открытой публикации. Автор(ы) должны письменно выразить согласие на размещение материалов в открытом доступе (на сайте журнала, в системе РИНЦ и других базах данных), указывая «согласен(на) на размещение материалов в открытом доступе» в письме либо в конце текста статьи.

Приветствуются работы, в которых содержатся ссылки на материалы, опубликованные в «Вестнике Гуманитарного университета».

Публикации бесплатные. Авторский гонорар не выплачивается.

Статьи направляются на электронный адрес редакции ektbriogu@mail.ru с указанием в теме письма «Вестник ГУ, область наук», например «Вестник ГУ, экономика». При успешном рецензировании редакция высылает автору ответ о приеме статьи в определенный номер журнала.

Редакция оставляет за собой право не публиковать статью или рекомендовать ее доработку с учетом замечаний. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Периодичность издания – 4 номера в год.

Сроки представления материалов к публикации:

№ 1 – до 15 марта

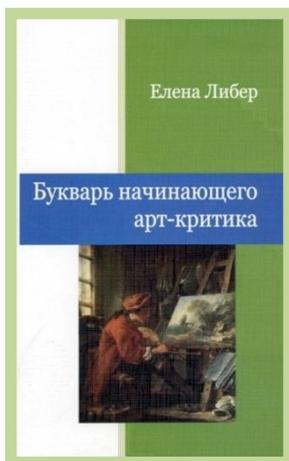
№ 2 – до 15 мая

№ 3 – до 15 сентября

№ 4 – до 15 ноября

Адрес редакции: г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207,
тел. (343) 365-99-73.

**Приглашаем Вас опубликовать свои работы
в «Вестнике Гуманитарного университета»!**

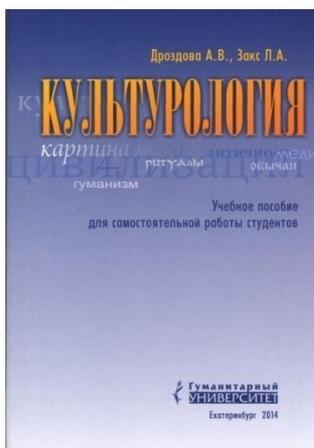

Либер Е.

Букварь начинающего арт-критика : учебное пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2015. – 214 с.

ISBN 978-5-7741-0231-0

Учебное пособие «Букварь начинающего арт-критика» охватывает основные формы профессиональной деятельности историка искусства и арт-критика: визуальное исследование, анализ, интерпретацию и оценку произведения искусства. Пособие учит понимать визуальные искусства, писать о них эссе, обзоры и исследовательские работы; знакомит с современными теориями искусства и методологией анализа произведений искусства. Пособие обращено к студентам высшим учебным заведениям, изучающим визуальные искусства, а также к студентам-журналистам, специализирующимся в области культурной журналистики. Оно также содержит полезные рекомендации для преподавателей-инструкторов, в том числе рабочую программу практикума «Как писать об искусстве?»

Дроздова А. В., Закс Л. А.

Культурология. Учебное пособие для самостоятельной работы студентов / А. В. Дроздова, Л. А. Закс. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2014. – 634 с.

ISBN 978-5-7741-0216-7

Настоящее издание дает представление об основных направлениях, школах и понятиях культурологии. В учебном пособии показана эволюция культурных идей и взаимодействие разных концепций культуры, рассматриваются проблемы современной культуры, ее актуальные формы и социокультурные практики в эпоху информационного общества.

В издание включены необходимые методические рекомендации, которые позволят студентам самостоятельно познакомиться с наиболее яркими работами культурологической классики и текстами современных авторов, а также помогут углубленному изучению дисциплины.

Издание является существенным дополнением к курсу лекций и учебникам, рекомендовано для подготовки студентов всех специальностей, аспирантов и магистрантов.

Границы искусства и территории культуры : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина : Гуманитарный университет, 2013. – 261 с.

ISBN 978-5-7741-0220-4

Авторы статей – философы и культурологи продолжают исследование специфики современной художественности, начатое в сборнике «Онтология искусства» 2005 года. В настоящем сборнике представлен итог работы серии теоретических семинаров, в центре которых традиционно центральная проблема философской эстетики – природа искусства – исследуется сквозь призму концепта «границы». Идея подобного подхода принадлежит известному российскому эстету А. Ф. Еремееву. В книге обобщаются методологические поиски внутренних границ искусства: показана неисчерпаемость классической парадигмы философии искусства, а также предлагаются к обсуждению новые концепции на базе освоения опыта современной западной и отечественной философии искусства, осмысливается трансформация художественной онтологии под влиянием новых культурных феноменов постиндустриального общества: электронных медиа, компьютерных игр, рекламы. Сборник адресован исследователям искусства и культуры (эстетикам, искусствоведам, филологам), преподавателям и студентам, всем, кто интересуется искусством, его сложным «устройством» и существованием.

Хмелькова Н. В.

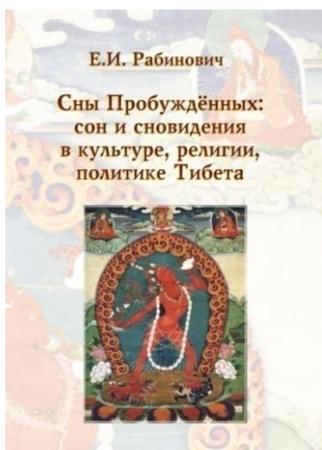
Теоретико-методологические основы ко-брендинга : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 294 с.

ISBN 978-5-7741-0217-4

В монографии предложен авторский взгляд на формирование теоретико-методологических подходов, позволяющих совершенствовать маркетинговые взаимодействия организаций в рамках ко-брендинговых стратегических маркетинговых альянсов.

Структура работы обусловлена стремлением автора раскрыть теоретические аспекты, методологию формирования и реализации ко-брендинга с междисциплинарных позиций и на основе системного подхода. В первых главах монографии дано теоретико-методологическое обоснование предпосылок возникновения ко-брендинговых стратегических маркетинговых альянсов, предлагаются направления совершенствования теории объединения брендов, методология, алгоритм и инструментарий ко-брендинга и организационно-экономический механизм его реализации. В заключительной главе работы определены современные направления реализации ко-брендинга в России и мире, представлены результаты апробации предложенных автором теоретико-методологических подходов в условиях международных и российских ко-брендинговых альянсов.

Монография адресована руководителям коммерческих и некоммерческих организаций, бренд-менеджерам, преподавателям, аспирантам, студентам и всем интересующимся последними тенденциями в теории и практике маркетинга и брендинга.

Рабинович Е. И.

Сны Пробуждённых: сон и сновидения в культуре, религии, политике Тибета : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 200 с.

ISBN 978-5-7741-0196-2

Монография посвящена исследованию сна и сновидений как культурного феномена. Выявляются происхождение и эволюция представлений о сакральной природе сновидений в традиционных сообществах. Теоретические положения применяются автором к исследованию культурной модели сновидений в Тибете. Представлена и специфика культуры сновидений монгольских народов, исповедующих буддизм.

Читатель узнает, как из пространства снов индийских и тибетских святых возникали религиозные тексты, священные танцы, иконография божеств, актуальные политические модели. Познакомится с магическими практиками обретения пророческих сновидений, снами в тибетских житиях, явлениями божеств и кладами, извлеченными из мира снов. Увидит, как сновидения становились источником религиозных реформ и орудием политической борьбы.

Книга может быть полезна преподавателям и студентам гуманитарных факультетов – культурологам, религиоведам, востоковедам, историкам. Она адресована и широкому кругу читателей, интересующихся буддизмом Центральной Азии и иррациональными аспектами культуры в целом.

Полиевский С. А., Ямалетдинова Г. А.

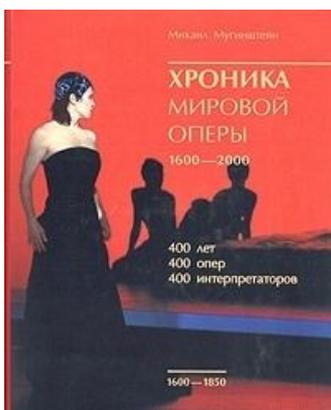
Безопасность адекватного питания спортсменов и туристов : учебное пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 172 с.

ISBN 978-5-7741-0189-4

Авторы пособия рассматривают питание как важнейший фактор адаптации организма спортсменов и туристов к физическим нагрузкам.

Гигиеническая и экологическая адекватность питания, контроль за качеством продовольственного сырья и пищевых продуктов на всех этапах их получения, переработки и реализации, характеристика пищевых отравлений, врачебно-санитарный контроль за организацией питания спортсменов и туристов – актуальные проблемы, находящиеся в сфере научных интересов авторов.

Пособие предназначено для студентов спортивных вузов, факультетов БЖД, врачей, тренеров, спортсменов. Книга может представлять интерес и для работников пищеблоков, обеспечивающих питание спортсменов.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1600–1850. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2005. – 640 с. : 947 ил.

ISBN 5-94799-423-2

Книга представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание 200 опер – большинство из них малоизвестны в России, – комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. Прилагается компакт-диск с записями фрагментов важнейших сочинений.

«Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для широкого круга читателей.

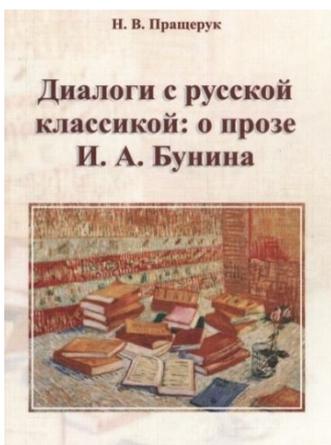
Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1851–1900. Екатеринбург : Антверта (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2012. – 616 с. : 688 ил.

ISBN 978-5-905148-06-4

Книга продолжает издание *авторской* энциклопедии, начатое в 2005 («Хроника мировой оперы. 1600–1850»). Она представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание, увлекательный комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. «Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для самого широкого круга читателей.

Пращерук Н. В.

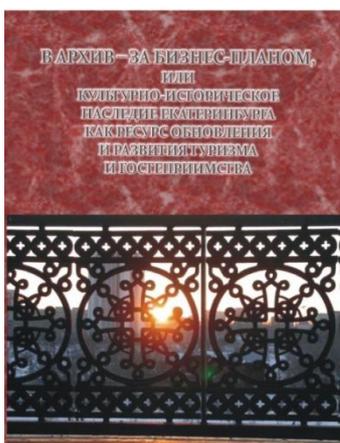
Диалоги с русской классикой: о прозе И. А. Бунина : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2012. – 144 с.

ISBN 978-5-7741-0187-0

В монографии исследуется диалогический потенциал прозы И. А. Бунина (1870–1953). Опираясь на идеи философскокоммуникаторов XX века – М. Бубера, К. Ясперса, М. Бахтина, В. Библера и др., автор показывает, как в художественной практике писателя выстраивается диалогический способ общения с русской литературной классикой XIX века.

На материале произведений 1910–1940-х годов исследуются конкретные межтекстовые связи, механизмы взаимодействия художников, специфика и предмет диалога Бунина с предшественниками. Выявляется, как соединяются в творчестве писателя определенность авторского видения и желание услышать голос собеседника.

Книга адресована преподавателям, студентам, изучающим эстетику, культурологию, теорию и историю литературы, а также мировоззренческие и методологические основы гуманитарных наук.

В архив – за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : колл. монография / Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина [и др.]; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 368 с. : цв. фото.

ISBN 978-5-7741-0165-8

Одна из первых монографий, в которой исследуются возможности использования культурно-исторического наследия для развития туризма и гостеприимства Екатеринбурга.

Рекомендуется специалистам-практикам и теоретикам социально-культурного сервиса и туризма, краеведам, регионоведам, культурологам.

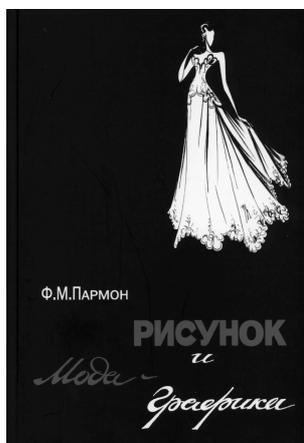
Майданова Л. М., Чепкина Э. В.

Медиаекст в идеологическом контексте : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 304 с.

ISBN 978-5-7741-0171-9

В монографии на материале советской и российской прессы нескольких последних десятилетий рассматриваются жанрово-стилистические изменения медиаекста, обусловленные сменой идеологического контекста. Авторы исследуют как соотношение советская/российская пресса, так и соотношение текстов разной идеологической направленности в российском медиадискурсе.

Книга рассчитана на читателей, интересующихся проблемами журналистики, и на студентов факультетов журналистики.

Пармон Ф. М.

Рисунок и мода-графика : учебник для вузов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2002. – 256 с. ил.

ISBN 5-901527-14-3

В книге излагается изобразительная грамота, рассматривается рисунок как наиболее быстрое и подвижное средство выражения творческой мысли художника. Большое внимание уделяется специальной художественной графике – мода-графике, составлению многопредметных художественно-графических композиций на основе предварительных зарисовок фигур человека в костюме или группы предметов/натюрморт/.

Основное внимание уделяется рисованию фигуры человека. Оригинальность издания заключается также в изложении изобразительной грамоты и мода-графики впервые с учетом направленности и специфики подготовки специалистов.

Для студентов вузов, а также колледжей, техникумов, училищ.

**По вопросам приобретения книг обращайтесь
в редакционно-издательский отдел Гуманитарного университета.
E-mail: ektbriogu@mail.ru**

МАГИСТРАТУРА

Гуманитарный университет объявляет прием на обучение
по программам магистратуры на 2016/17 учебный год
по следующим направлениям:

- Психология (37.04.01)
- Экономика (38.04.01)
- Юриспруденция (40.04.01)

Срок обучения в магистратуре
составляет 2 года по очной форме,
2,5 года по очно-заочной и заочной форме

Подготовка магистров в университете осуществляется:
- за счет ассигнований федерального бюджета;
- на платной основе.

Количество бюджетных мест:

- Психология (37.04.01)
Очно-заочная форма – 15 мест
Заочная форма – 15 мест
- Экономика (38.04.01)
Очно-заочная форма – 10 мест
Заочная форма – 19 мест
- Юриспруденция (40.04.01)
Заочная форма – 25 мест

Прием документов в магистратуру проводится в следующие сроки:

Бюджет:

- Все формы обучения – с 1 июня по 10 августа

Внебюджет:

- Очная форма – с 1 июня по 26 августа
- Очно-заочная форма – с 1 июня по 27 сентября
- Заочная форма – с 1 июня по 26 октября

Телефоны приемной комиссии: (343) 369-10-11, 271-58-56

АСПИРАНТУРА

В аспирантуру Гуманитарного университета на конкурсной основе принимаются граждане Российской Федерации, имеющие высшее профессиональное образование на уровне дипломированного специалиста или магистра по следующим направлениям:

- Психологические науки (37.06.01)
- Экономика (38.06.01)
- Социологические науки (39.06.01)
- Юриспруденция (40.06.01)
- Политические науки и регионоведение (41.06.01)
- Философия, этика и религиоведение (47.06.01)
- Культурология (51.06.01)

Срок обучения в аспирантуре составляет 3 года (очная форма), по заочной форме – 4 года.

Подготовка аспирантов в университете осуществляется на платной основе.

Прием в аспирантуру проводится в следующие сроки:

- прием документов: с 1 июня по 25 августа;
- вступительные экзамены: с 1 сентября по 15 сентября.

Телефоны приемной комиссии: (343) 369-10-11, 271-58-56

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

Точки зрения авторов статей и редакции могут не совпадать.

Н а у ч н о е и з д а н и е

**Вестник Гуманитарного университета
2016. № 3 (14)**

Главный редактор Л. А. Закс

Редактор С. В. Фельдман
Переводчик Е. А. Батюта
Оригинал-макет В. В. Курьянович

Подписано в печать 17.10.2016.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 10,52
Тираж 100 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620049, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3.
Лицензия № 2114 от 26.04.2016

Отпечатано с оригинал-макета
в копировальном центре
Гуманитарного университета
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3